

Читаю и учусь быть

ДИДАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ ШКОЛЬНЫХ ПСИХОЛОГОВ, КЛАССНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Составители:

Виолетта ДУМИТРАШКУ,
координатор
Елена КАРТАЛЯНУ
Татьяна КАРТАЛЯНУ
Татьяна ЗАЙКОВСКИ

CZU 37.015.3 (075)

R 69

Punctele de vedere exprimate în prezenta lucrare sînt cele ale autorilor și nu angajează în nici un fel instituțiile de care aceștia aparțin, tot așa cum nu reflectă poziția instituției care a finanțat elaborarea sau care a asigurat managementul proiectului.

Centrul Educațional PRO DIDACTICA
Str. Armenească, 13, MD 2012
tel.: 54 25 56, fax: 54 41 99
e-mail: prodidactica@prodidactica.dnt.md

Această carte a apărut cu sprijinul LIECHTENSTEINISCHER ENTWICKLUNGS – DIENST, Schaan/
FONDUL SERVICII PENTRU DEZVOLTARE, Liechtenstein în cadrul Proiectului UN VIITOR PENTRU
COPIII NOȘTRI, implementat de Centrul Educațional PRO DIDACTICA.

Director executiv al Centrului: Liliana NICOLAESCU-ONOFREI
Coordonator de proiect: Violeta DUMITRAȘCU
Asistent: Lilia NAHABA
Colecția *Biblioteca Pro Didactica*
Seria *Aici și Acum*, coordonator: Violeta DUMITRAȘCU

Recenzent: Olga COSOVAN, doctor în filologie, conferențiar, Universitatea Pedagogică de Stat "Ion
Creangă", Chișinău

Coperta, design: Nicolae SUSANU
Redactor: Tatiana ZAICOVSCHI
Tipar: Combinatul Poligrafic

Карталяну Елена, Карталяну Татьяна и др.
ЧИТАЮ И УЧУСЬ БЫТЬ. Дидактическое пособие для школьных психологов, классных
руководителей и учителей
Издание I, 2008

Toate drepturile rezervate.

© Centrul Educațional PRO DIDACTICA, 2008

© Cartaleanu Elena, Cartaleanu Tatiana, Dumitrașcu Violeta, Zaicovschi Tatiana, 2008

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Читаю и учусь быть / сост.: Виолета Думитрашку; коорд.: Елена Карталяну, Татьяна
Карталяну, Татьяна Зайковски. – Ch.: Centrul Educațional "Pro Didactica", 2008 (Combinatul
Poligr.). – 132 p. – (Col. "Bibl. Pro Didactica") (Ser. "Aici și Acum" / coord. Violeta Dumitrașcu)
Bibliogr. p. 132

ISBN 978-9975-9745-2-3

1000 ex.

37.015.3 (075)

Содержание

ОТЗЫВ НА ХРЕСТОМАТИЮ «ЧИТАЮ И УЧУСЬ БЫТЬ».....	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава I УЧУСЬ УЗНАВАТЬ СВОИ ПРАВА И ПОТРЕБНОСТИ	8
Глава II УЧУСЬ ПОЗНАВАТЬ СЕБЯ.....	23
Глава III УЧУСЬ ОБЩАТЬСЯ	38
Глава IV УЧУСЬ СТРОИТЬ ОТНОШЕНИЯ.....	51
Глава V УЧУСЬ ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЯ.....	69
Глава VI УЧУСЬ БЫТЬ АКТИВНЫМ И ОТВЕТСТВЕННЫМ ЧЛЕНОМ СООБЩЕСТВА	81
Глава VII УЧУСЬ СПРАВЛЯТЬСЯ С РИСКОМ.....	100
Глава VIII УЧУСЬ СТРОИТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ	116
ЛИТЕРАТУРА	132

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Текст для младшего возраста

Текст для среднего возраста

Текст для старшего возраста

Предтекстовая дискуссия

Послетекстовая дискуссия

Направленное чтение

Притча

ОТЗЫВ НА ХРЕСТОМАТИЮ «ЧИТАЮ И УЧУСЬ БЫТЬ»

Хрестоматия «Читаю и учусь быть» является собой неоспоримо ценное пособие для всех вовлеченных в воспитательный процесс лиц: педагогов, самих учеников, их родителей. Будучи предназначенной, главным образом, для классных руководителей, она продолжает и дополняет серию методических пособий, изданных за последние годы Образовательным центром «Про Дидактика», и открывает для преподавателей-нефилологов великую силу художественного текста, учит использовать его как предлог и предпосылку к дискуссии.

При всеобщем заявлении учителей, что ученики перестали читать, может показаться, что в действительности и художественное слово утратило свою воспитательную силу, а поиск «нужных книг» для формирования личности, по современным меркам, окончательно замер, «завис». Практика, однако, показывает, что правильно и удачно подобранный текст позволяет увидеть в нем переплетение проблем, с которыми сталкивается сегодня — здесь и сейчас — ребенок. Стоит только приоткрыть завесу, показать другую перспективу подхода к тексту, дать возможность раскрыться мыслящему читателю...

Конечно, работа по этой хрестоматии предполагает и определенную тональность общения ученика и учителя, доверительную атмосферу и честное, аргументированное мнение всех участников процесса. Именно такой подход дает ребенку возможность *становиться* личностью, чувствовать себя искренним, ценным, созданным в единственном экземпляре.

Оказавшись в руках ученика, вне методически построенного процесса, хрестоматия должна (и авторы вправе рассчитывать на это) стать инструментом самовоспитания, приглашением к размышлению о собственной жизни и собственных поступках, соприкосновением с миром, где существуют и решаются те же проблемы, с которыми сталкивается он. Хрестоматия в целом и отдельно взятые тексты не дают прямых советов и не читают нотации, не предлагают готовых рецептов относительно того, как поступить, и не представляют «лакированную» действительность, они лишь призывают задуматься и настраивают, благодаря предтекстовым и послетекстовым заданиям, на необходимую волну. А ведь так важно порой просто задуматься, определить для себя, что тебя тревожит, в чем суть твоих проблем...

Интригующее название книги — главное звено в цепи того, чему учит школа: каждый предмет по отдельности и все вместе, следуя современному взгляду на воспитательный процесс, ставят во главу угла не знания в их чистом виде, не запоминание информации и ее воспроизведение по первому требованию, а умение ею пользоваться, думать, решать, творить, создавать, в том числе самого себя как личность. После того как угасают страсти (и страхи) выпускных экзаменов, после того как жизнь проводит свое оценивание — беспристрастное, но постоянное, — вчерашний ученик выстраивает свои отношения с окружающими его людьми, принимает решения и несет ответственность за них.

Умение БЫТЬ (не симулировать, не казаться) распознается в многогранных проявлениях личности в коллективе, сообществе, в защите собственных прав и уважении к правам других, в принятии решений и в умении общаться. Именно эти стратегические моменты вывели на передний план, как тематические модули, авторы данной хрестоматии, умело подобрали тексты, выстроили предтекстовые и послетекстовые задания.

Учитывая возрастные особенности тех, кому адресованы тексты, авторы разграничили и указали, что рекомендовано младшим, средним или старшим школьникам, однако учителю предстоит решить и сделать выбор в пользу определенного текста или заданий. Хрестоматия, как открытая книга текстов, может использоваться «от корки до корки», но истинная ее ценность состоит в том, что она служит толчком для начала работы в одном направлении, позволяет учителю внести свои коррективы и дополнения, расширить или сузить рамки обсуждения.

Смеем надеяться, что, ознакомившись с некоторыми произведениями, ученик проявит интерес и к другим, прочитает их и найдет для себя примеры, образы, даст свою оценку и интерпретацию ситуаций, представленных в текстах. Поэтому необходимо, чтобы книга дошла до каждого ребенка и открылась в нужном месте, независимо от того, будет ли вести по ней классный руководитель или школьный психолог систематические занятия.

Главы-модули построены в соответствии со стратегией развития критического мышления: существует вызов (как правило, это предтекстовые задания, вопросы, отвечая на которые ученик увидит проблему сквозь призму своего опыта), осмысление (новая информация, текст) и размышление — послетекстовые задания, анализ информации, ее увязывание с собственным опытом и будущими ситуациями.

То, что дополняет собственно модуль, — это афоризмы по данной теме, чья функция сходна с ролью ружья в чеховской пьесе: нет-нет, да и выстрелит какой-либо из них, раскроется во всей своей полноте. Также интересны и многогранны стихи, сопутствующие основному тексту: Высоцкий, Визбор, Маршак, Брехт, Фрост... Их суть — не в заучивании, а в размышлении на заданную тему, в их интерпретации и раскрытии смысла.

Предоставляя возможность использовать в учебном процессе не только тексты и вопросы к ним, но и картины, фотографии, а при наличии технических средств — и фрагменты фильмов, представляющие собой реалии сегодняшнего дня, без которых общение с детьми потеряло бы выразительность, хрестоматия дает определенные ориентиры и оставляет место для творческого использования по своему усмотрению тех произведений искусства, которые помогают лучшему восприятию текстов.

Нельзя не отметить обширный диапазон текстов в отношении общечеловеческих ценностей, которыми они буквально «дышат». Будь то древние восточные притчи или современные произведения русских и зарубежных авторов (Виктора Драгунского или Пауло Коэльо), они вполне понятны сегодняшнему НАШЕМУ ребенку. Их временные и пространственные рамки весьма разнообразны, но в нашем мобильном и стремящемся к глобализации мире это оправдано.

Надеемся, что учителю удастся не превратить классный час в еще один урок литературы, а подойти к тексту с другой стороны, в конечном итоге открыв путь в пока закрытый для некоторых учеников мир КНИГИ.

Верим, что данное пособие не утратит своей значимости после нескольких опытов проведения по нему классных часов, а станет для сотен детей настоящим другом, и в первую очередь — протянет руку помощи и подаст нужный пример тем, кто обделен вниманием близких, лишен нужного как воздух семейного общения.

Ольга Косован,
доктор филологических наук, доцент

Дорогие друзья!

Хрестоматия «Читаю и учусь быть» была задумана как функциональное дополнение к учебному пособию «Учусь быть». Обе книги разрабатывались в рамках проекта *Будущее для наших детей*.

Посредством различных мероприятий наш проект стремится обратить внимание общества на проблемы, с которыми сталкиваются дети*, чьи родители уехали работать за границу. Число таких детей постоянно растет.

Ребенок, лишенный поддержки своей семьи, столкнется со сложностями при выборе собственного жизненного пути. Ему необходимо чувство защищенности, уверенность в том, что его ценят, и особенно «душевный компас» (Г. Албу). Как же быть, когда в собственном доме ребенок лишен этого «компаса»? Можно рассуждать до бесконечности, но только действие поможет делу. Не следует забывать, что зло торжествует там, где добрые люди ничего не предпринимают. Приложив общие усилия, мы сумеем устранить трудности, с которыми сталкиваются эти дети, но для этого необходимо, чтобы мы, взрослые, решительно включились в работу.

Эта книга адресована прежде всего педагогам — школьным психологам, классным руководителям, учителям. В ней предлагается богатый выбор материала для занятий с учениками. Вне сомнений, работая с текстами и заданиями на классном часе, на внеклассных уроках, в процессе открытого обсуждения или при индивидуальной беседе, вы примете во внимание специфику класса, возраст детей и непременно — отдельную ситуацию и историю каждого ребенка. Бережно, руководствуясь принципом «не навреди», вы обсудите в классе общие проблемы, а частные оставите для личного разговора с ребенком.

Восемь глав хрестоматии основаны на одном тематическом векторе — ребенок в поисках собственной жизненной стратегии и семья как основная ценность в этом процессе. В значительной степени главы перекликаются с соответствующими модулями учебника «Учусь быть». Мы надеемся, что вы без затруднений определите точки соприкосновения этих книг, и уверены, что вы сумеете творчески подойти к их воплощению. Ряд текстов не сопровождается дидактическим материалом. Это было сделано умышленно: с одной стороны, мы стремились предоставить вам возможность строить учебный процесс в зависимости от обстановки в классе или от жизненных обстоятельств конкретного ребенка, а с другой — попытались поместить в ограниченном пространстве хрестоматии как можно больше интересных, малоизвестных текстов, чтобы расширить ваш диапазон действий.

Виолетта Думитрашку,
координатор проекта *Будущее для наших детей*

* По данным районных отделов образования на 1 октября 2007 г., около 100 000 детей в Молдове находились дома только с одним из родителей или вообще без них (родители уехали работать за границу). И их число постоянно растет.

Права человека включают также его обязанности.

Тудор Аргези

Тот, кого я люблю,
Сказал мне,
Что я ему нужна,
И поэтому
Я слежу за собой
И берегу себя,
Чтобы капля дождя
Не сбила меня.

Бертольд Брехт

- Что входит в твои обязанности по дому?
- Как ты помогаешь своим родителям?
- Как тебя вознаграждают за это?
- Считаешь ли ты, что помогающий в семейном деле ребенок/подросток вправе рассчитывать на часть дохода?

СЕСТРЫ ХАТТЕР УСТРАИВАЮТ СВОЮ ЖИЗНЬ

В стране Ингáрии, где взаправду существуют предметы вроде семимильных сапог и шапок-невидимок, родиться старшим из троих детей — изрядное невезение. Каждому понятно, что, если все трое отправятся на поиски счастья, именно тебя первого ждет провал — и провал самый что ни на есть сокрушительный.

Софи Хátтер была старшей из трех сестер. Родная мама Софи умерла, когда малышке было два, а ее сестренке Лétти — всего-то годик, и тогда отец женился на младшей продавщице, прехорошенькой блондинке по имени Фáнни. Очень скоро Фанни родила третью сестру — Марту. Это должно было превратить Софи и Летти в Злых Старших Сестриц, — само собой, страшных дурнушек, — но на самом деле все три девочки выросли очень даже симпатичные, хотя никто не сомневался, что самой красивой была все-таки Летти. Фанни одинаково нежно относилась ко всем трем девочкам и не выделяла Марту ничем и никогда.

Мистер Хаттер гордился своими дочками и отправил их в лучшую школу в городе. Софи оказалась самой прилежной. Она очень много читала и довольно скоро выяснила, как мало у нее шансов на интересное будущее. Для Софи это стало большим разочарованием, однако и такой жизнью она была вполне довольна — приглядывала за сестренками и готовила Марту к достойной встрече счастливой судьбы: ведь она-то знала, что эта встреча непременно грядет. Поскольку Фанни постоянно была занята в лавке, Софи приходилось все время присматривать за младшими. А младшие частенько вопили друг на друга и даже таскали за волосы. Летти вовсе не собиралась мириться с грозящей ей неудачей — ведь было ясно, что и ее вслед за Софи ждет сокрушительный провал.

— Это нечестно! — кричала она. — Ну и что, что Марта — младшая? Разве она из-за этого лучше нас? Вот возьму и выйду за принца, тогда узнаете!

В ответ Марта раздраженно фыркала, что уж она-то совершенно точно сумеет несказанно разбогатеть, ни за кого не выходя. И Софи приходилось их растаскивать и чинить им платьица. С иглой она управлялась очень ловко.

Мистер Хаттер умер, как раз когда Софи готовилась навсегда распрощаться со школой. Из-за школьных счетов лавка была по самую крышу в долгах. После похорон Фанни села в гостиной и разъяснила дочкам положение вещей.

— Боюсь, из школы вас придется забрать, — печально объявила она. — Я тут все подсчитала — выходит, что, если я хочу и дела вести, и вас как следует пристроить, придется отдать вас в подмастерья в хорошие места. Оставить вас, всех трех, при лавке непрактично. Это мне не по средствам. И вот что я решила. Сначала Летти...

— Я бы хотела учиться дальше, — сказала Летти.

— И будешь, ласточка, — заверила ее Фанни. — Я устроила так, что тебя возьмут в ученицы в кондитерскую Цезари на Рыночной площади. Всем известно, что с подмастерьями они обращаются, как с королями и королевами, так что тебе там будет очень хорошо, да и ремесло это полезное.

Летти рассмеялась — так, что тут же стало ясно: ни чуточки она не рада.

— Что ж, спасибо, — хмыкнула она. — Хорошо еще, что я люблю готовить.

Фанни вздохнула с облегчением. Иногда Летти была просто ужасно своенравной.

— Теперь Марта, — продолжала она. — Я понимаю, что для работы ты еще мала, поэтому долго думала, как бы устроить тебя так, чтобы ты училась подольше и поспокойнее и чтобы потом это тебе обязательно пригодилось, чем бы ты ни решила заняться. Помнишь мою школьную подружку Аннабель Ферфакс?

— Это та, которая все время трещит? — уточнила Марта. — Разве она не ведьма?

— Да, у нее еще премиленький домик и куча клиентов по всей Подгорной Лоцине, — поспешно закивала Фанни. — Она очень добрая женщина, Марта. Она научит тебя всему, что знает, и, скорее всего, познакомит со своими влиятельными друзьями из Кингсбери. Ты будешь устроена наилучшим образом!

— Да, она ничего, — неохотно согласилась Марта. — Хорошо.

А Софи, слушая этот разговор, думала, что Фанни сделала все в точности как надо. Летти, средней сестре, ничего особенного в жизни не светило, вот Фанни и определила ее туда, где она, скорее всего, повстречает симпатичного молодого приказчика, выйдет за него замуж и будет жить долго и счастливо. Марте, обреченной на успешные поиски счастья, очень пригодятся и влиятельные друзья, и умение колдовать. А что касалось самой Софи — так сама Софи в своем будущем не сомневалась. Так что она вовсе не удивилась, когда Фанни сказала:

— Милая Софи, будет только справедливо, если ты унаследуешь лавку, когда я уйду на покой, — ведь ты старшая. Поэтому я решила, что сама возьму тебя в ученицы и дам возможность досконально изучить наше ремесло. Ну как это тебе?

Не то чтобы Софи казалось, будто она рождена для шляпного дела, но, тем не менее, она горячо поблагодарила Фанни.

— Ну вот, все и улажено! — обрадовалась Фанни.

Само собой разумеется, в шляпном ремесле Софи разбиралась уже неплохо. Фанни уже почти ничему не надо было ее учить. После того как она пару дней провела в мастерской, а потом вместе с Фанни побывала в магазине тканей и у торговца шелком, Фанни посадила ее украшать шляпки. Софи сиде-

Теперь, когда мы умеем летать по небу, как птицы, плавать в воде, как рыбы, нам осталось одно — научиться жить на Земле, как люди.

Дж. Б. Шоу

ла в нише в задней комнате лавки, пришивая розочки к чепчикам и вуалетки к велюру, притачивая шелковые подкладки и выкладывая изящные букеты из тряпичных цветов, лент и восковых ягод. У нее отлично получалось. Ей это очень нравилось. Но понемногу Софи становилось одиноко и немножко скучно. Интереснее всего было послушать разговоры покупательниц.

Шли недели, и Софи все чаще и чаще беседовала со шляпками. Больше ей не с кем было говорить. В те дни всем вдруг понадобились новые шляпки. Дела в лавке определенно шли в гору.

— Зря я так поторопилась и отослала Летти и Марту, — немного виновато говорила Фанни. — При таком наплыве покупателей без них управиться трудновато.

Тем вечером, орудуя иглой, Софи призналась себе, что жизнь у нее скучновата. Ей хотелось что-то сделать — не важно что, только пусть оно будет хоть капельку интереснее, чем украшать шляпки. И вот Софи решила на следующий день выкроить часок и сбегать поболтать с Летти.

Настал Майский праздник. С самого рассвета на улицах началось веселье. Фанни ушла рано, а Софи еще надо было доделать пару шляпок. За работой она пела. В конце концов, Летти сейчас тоже работает. По праздникам кондитерская Цезари открыта до полуночи.

«Куплю себе их знаменитое сливочное пирожное, — решила Софи. — Тысячу лет не ела пирожных». Она глядела на толпившихся за окном гуляк в ярких нарядах, лоточников с безделушками, акробатов на ходулях, и ей и вправду стало весело.

За столиками у Цезари не пустовало ни местечка. Внутри тоже было не продохнуть и так же шумно, как на площади. Софи сразу поняла, где именно в шеренге продавщиц стоит Летти, потому что на прилавок перед ней облокотилась, отпуская шуточки, целая компания фермерских сынков. Софи пришлось силой проталкиваться к прилавку.

Летти ее увидела. На какой-то миг показалось, что она потрясена до глубины души.

Потом глаза у Летти распахнулись, улыбка стала еще шире, и она воскликнула:

— Софи!

— Можно с тобой поговорить? — закричала Софи.

— Секунду! — крикнула в ответ Летти. Она повернулась к напарнице-продавщице и что-то ей шепнула. Продавщица кивнула, просияла и встала на место Летти.

Покупатели протолкнули Софи к дальнему концу прилавка, где сестра уже манила ее рукой, подняв перегородку, и наказали не держать Летти до вечера. Когда Софи протиснулась за перегородку, Летти обхватила ее за талию и утащила в заднюю комнату, где громоздились бесконечные деревянные лотки с рядами пирожных. Летти выдвинула откуда-то две табуретки.

— Сядь, — велела она. Потом протянула руку к ближайшему лотку, не глядя, и вручила Софи сливочное пирожное. — Тебе понадобится, — почему-то добавила она.

Софи плюхнулась на табуретку, вдыхая густой аромат пирожных и чувствуя, что не прочь поплакать.

— Ой, Летти! — всхлипнула она. — Я так рада тебя видеть!

— Ну а я рада, что ты сидишь, — ответила Летти. — Понимаешь, я не Летти. Я Марта.

— Я ужасно боялась, что ты ко мне придешь, — продолжала Марта. — Потому что уж тебе-то я наверняка во всем бы созналась. Дай слово, что ты никому не расскажешь. Ты ведь не расскажешь, если дашь слово. Ты такая честная.

— Честное слово, не расскажу, — кивнула Софи. — Но зачем?... И как?...

— Это мы с Летти устроили, потому что Летти хотела учиться колдовать, а я — нет. Летти страшно умная и собирается и дальше жить своим умом, да только поди скажи это маме! Мама так завидует Летти, что даже и мысли не допустит, будто она умная!

— А ты как же?

— Ешь пирожное, — сказала Марта. — Оно вкусное. Понимаешь, у меня тоже голова немного варит. Так что нужное снабдьё я нашла у миссис Ферфакс уже через две недели. Потом я попросила разрешения навестить сестру, и миссис Ферфакс согласилась. Ну вот, взяла я это снабдьё для перемены наружности и осталась здесь, а Летти поехала к миссис Ферфакс и притворилась, будто она — это я. Первую неделю было страшно трудно: я ведь ничего не знала, а все считали, что я знаю. Ужас. Но потом оказалось, что я людям нравлюсь, — а так оно и бывает, если они тебе нравятся, — и все стало хорошо. Да и миссис Ферфакс пока что Летти не выгнала, — наверное, она там молодцом. Ты-то думала, что мама меня готовит к счастливому будущему. Да я и сама сначала так считала, а когда папа умер, сразу поняла: она просто хочет как можно скорее от нас избавиться — Летти она запихнула туда, где вечно толчется куча мужчин и кто-нибудь скоро возьмет ее замуж, а меня и вовсе отослала подальше! Я так разозлилась, что решила: а почему бы и нет? Ну и поговорила с Летти, а она разозлилась ничуть не меньше, вот мы все и устроили. Теперь мы обе страшно довольны. Только из-за тебя нам совестно. Понимаешь, ты ведь ужасно умная и милая, и нечего тебе всю жизнь торчать в шляпной мастерской. Мы об этом говорили, но так ничего и не придумали.

— Да я отлично живу! — заверила ее Софи. — Разве что скучновато бывает.

— Отлично?! — воскликнула Марта. — Уж конечно отлично, если ты здесь полгода не появлялась, а потом приплелась в этом жутком сереньком платьишке и шали, и вид у тебя такой, будто ты даже меня боишься! Что мама с тобой сделала?

— Ничего, — смутилась Софи. — Мы были очень заняты. Марта, нехорошо так говорить о Фанни. Она же твоя мать.

— Да, она моя мать, и я на нее здорово похожа, так что неплохо ее понимаю, — сердито отозвалась Марта. — Именно поэтому она и отослала меня подальше — по крайней мере, постаралась это сделать. Мама прекрасно знает: если хочешь кого-то эксплуатировать, вовсе не обязательно плохо с ним обращаться. Она прекрасно знает, какая ты вся из себя исполнительная и обязательная. Она прекрасно знает, что ты вбила себе в голову эту ерунду — ну, будто бы ты старшая дочь и поэтому законченная неудачница. Она обвела тебя вокруг пальца и заставила на нее работать. Вот на что угодно спорим — она тебе не платит!

— Но я же пока в ученицах! — возразила Софи.

— Я тоже, но у меня жалованье, — отрезала Марта. — Потому что Цезари понимают, что я его заслуживаю. Эта ваша шляпная лавка в последнее время деньги лопатой гребет — а все ты! Это ведь ты сделала ту зеленую шляпку, в которой жена мэра выглядит как первая красавица на выпускном балу?

— Такую ярко-салатную? Ну да, я ее украшала, — кивнула Софи.

— И еще чепчик, который был на Джейн Ферье, когда она повстречала своего графа! — не унималась Марта. — По части шляпок и одежды ты просто гений, и мама прекрасно это знает! А теперь ты зарабатываешь деньги, а мама гуляет себе на воле...

— Она делает закупки! — возмутилась Софи.

— Закупки! — закричала Марта. Да на это одного утра в неделю довольно! Я же видела ее, Софи, и слышала, что о ней говорят. Она выезжает в наемной карете, разряженная в пух и прах на твои денежки, и ходит с визитами во все особняки! Говорят, она хочет купить тот большой дом в Долине и отделать его по последней моде! А ты куда денешься?

— По-моему, Фанни вполне заслужила отдых и удовольствия — она ведь нас растила, а это было трудно, — рассудила Софи. — Наверное, лавка тогда достанется мне.

— Ах, какая завидная судьба! — ехидно воскликнула Марта. — Слушай... Надо тебе что-то с собой сделать, Софи, Летти все время твердит, что прямо места себе не находит — как-то ты без нас? Мы-то старались внушить тебе хоть капельку самоуважения... И она имеет все основания беспокоиться!

Отнимать у Марты время и дальше было бы нехорошо. Кроме того, Софи надо было побыть одной и подумать.

Софи все думала и думала, она провела за этим занятием всю следующую неделю, но в результате только окончательно запуталась и рассердилась. Ведь теперь вообще все на свете обстояло совсем не так, как она думала. Марта и Летти ее просто потрясли. Оказывается, за столько лет она даже не научилась их понимать! Однако поверить, будто Фанни именно такова, как ее описывала Марта, у Софи не вышло.

Времени на размышления было сколько угодно. После Майского праздника торговля пошла на убыль. Через три дня Софи набралась храбрости и спросила Фанни:

— А можно мне уже получать жалованье?

— Конечно, ласточка, ведь ты столько работаешь! — ласково воскликнула Фанни, поправляя перед зеркалом в лавке широкополую шляпу с цветами. — Вот сегодня вечером я разберусь со счетами, тогда и посмотрим. — И она убежала и вернулась только тогда, когда Софи закрыла лавку и забрала домой оставшиеся на сегодня недоделанные шляпки.

Поначалу Софи было стыдно, что она слушала Марту, но когда Фанни так и не заговорила о жалованье — ни тем вечером, ни через неделю, — Софи начала подумывать, что Марта, возможно, права.

— Может быть, меня и эксплуатируют, — говорила она очередной шляпке, обтягивая ее алым шелком и украшая восковыми вишнями, — но ведь кто-то же должен вас делать, а то нечего будет продавать!

Диана Уинн Джонс

Ходячий замок

Пер. с англ. А. Бродоцкой

- Почему Софи уверена, что ей в жизни не удастся добиться успеха?
- Какой у Софи характер?
- Любит ли Софи свою работу?
- Вернитесь к подчеркнутой фразе. Каким образом Фанни эксплуатирует Софи?
- Что может предпринять Софи, чтобы изменить положение?

- Почему некоторые дети работают с малых лет?
- Какую работу ты бы мог делать самостоятельно?

ПУГАЛО

Гонарио был самым маленьким из семерых братьев. У родителей его не было денег, чтобы послать мальчика в школу учиться. И пришлось ему наняться на богатую ферму — работать. Так Гонарио стал... пугалом. Он должен был ходить по полям и разгонять птиц.

Каждое утро ему давали кулек с порохом, и он отправлялся на работу. Время от времени он останавливался среди поля и поджигал щепотку пороха. Вспышка огня пугала птиц, и те улетали, думая, что пришли охотники. А однажды искра попала на куртку Гонарио, она загорелась, и если бы мальчик не догадался броситься в ров с водой, то, конечно, погиб бы от огня. Прыгнув в ров, Гонарио перепугал там всех лягушек — они с невероятным шумом и гамом бросились врассыпную. Крики лягушек напугали кузнечиков и цикад, и они на мгновение замолкли...

Но больше всего испугался сам Гонарио. Испугался и заплакал. Он сидел один-одинешенек возле рва, мокрый, словно гадкий утенок, маленький, оборванный и голодный. Он плакал так горько, что даже воробьи перестали прыгать с ветки на ветку. Они глядели на мальчика и сочувственно щебетали, пытаясь утешить его. Но разве могут воробьи утешить свое пугало?!

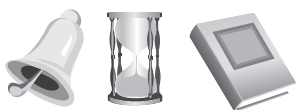
Эта история случилась в Сардинии.

Джанни Родари

Пер. с итал. Ю. Н. Ильина

- Может ли Гонарио после этого случая отказаться от работы?
- Что бы он стал делать?
- Может ли подобное случиться у нас, сегодня?

- В каких семьях дети ранее всего приобщаются к ремеслу родителей? Почему?
- Как ты думаешь, дети странствующих циркачей, актеров, музыкантов более подвержены риску, чем те, которые постоянно живут дома? А какие у них преимущества?

ДЕТИ ТЕАТРА

Представляю, как трудно подчас приходится детям некоторых странствующих актеров, но моя мать никогда не пренебрегала своими обязанностями. Она много работала в театре и все же находила возможность не бросать своих детей на произвол судьбы, а старалась вырастить их здоровыми, счастливыми и образованными, во всяком случае по части театра. Пока дети были слишком малы, чтобы оставлять их дома (а мои родители

в каждом городе, куда мы приезжали, старались подыскать квартиру как можно ближе к театру), моя мать заворачивала их в шаль и укладывала спать в своей уборной. Так что задолго до того, как я начала выступать в театре, я уже бывала в нем.

Позднее, когда мы немного подросли и нас можно было оставлять одних, в нашем доме как-то произошел пожар, и мать, в ужасе выбежав из театра, бросилась к нам. Она успела вывести нас на улицу, забрала с собой в театр и как ни в чем не бывало вышла на сцену в следующем акте. Мне кажется, такое присутствие духа свойственно нашей профессии больше, чем какой-либо другой. Мы выходим в следующем акте, что бы ни случилось, и, если хорошо знаем свое дело, ни один зритель

не заподозрит, что произошло несчастье, что в антракте у кого-то из нас умер близкий друг или дети, оставленные в доме неподалеку, едва не сгорели заживо.

...На эти два месяца большинство актеров получало отпуск, но, работая у Кинов, мы не могли позволить себе такой роскоши. Кэт и я для своих лет зарабатывали хорошо; но семья росла, и мать старалась внушить нам, что и для нас могут наступить черные дни. Должна сказать, что в денежных делах я целиком полагалась на своих родителей — они решали, что мы можем себе позволить, а чего — нет. Каждую неделю я получала шесть пенсов карманных денег и довольствовалась этой суммой много лет. Возможно, мы и были бедны в те годы, но благодаря стараниям и уму нашей матери мы всегда были красиво и изящно одеты. Одним из наших первых выходов в свет был рождественский бал на Хав-Мун-стрит, и я помню, что наши белые муслиновые платья были не хуже, чем у других. Правда, на то, чтобы сшить их, было потрачено гораздо больше любви, труда и забот, чем денег. Как сейчас помню, что, возвращаясь поздно вечером из театра домой, мы заставляли маму за шитьем. Сидя при свече, она мастерила для нас эти красивые платья. Ей часто приходилось засиживаться за шитьем допоздна, и если она уставала, то никогда не показывала этого. Она всегда была заботливой и жизнерадостной. Я же, со свойственной детям беспечностью, вряд ли могла оценить ее любовь и бесконечную заботу о нас и неустанное стремление воспитать детей как можно лучше. Все это я поняла гораздо позже, когда на мои плечи легли не по возрасту тяжкие заботы, многому меня научившие. Но каким бессердечным существом была я, когда танцевала на этом рождественском балу! Помню, что в тот долгожданный вечер наши волосы, спускавшиеся ниже плеч, уложили в красивые прически, и мы выглядели так, что вполне могли танцевать с самим королем. Мне и впрямь довелось танцевать с покойным герцогом Кембриджским. Это было самое чудесное Рождество в моей жизни!

Эллен Терри

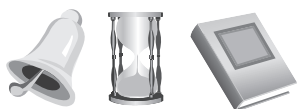
Эллен Терри
История моей жизни

Пер. с англ. И. Разумовской, С. Самостреловой

- О каких еще профессиях можно сказать, что их представители «выходят в следующем акте», то есть продолжают работать как ни в чем не бывало, даже когда у них несчастье или они нездоровы?

- Вспомни книги и фильмы, в которых рассказывается о запомнившихся на всю жизнь счастливых мгновениях.
- Прокомментируй подчеркнутые фразы.

- Случалось ли тебе быть несправедливо наказанным/наказанной?
- Как ты поступаешь, когда у тебя на глазах твоего товарища наказывают без вины?
- Что можно сделать, когда тебя несправедливо обвинили?

КРАСНАЯ КОМНАТА

Джону Риду исполнилось четырнадцать лет, он был четырьмя годами старше меня, так как мне едва минуло десять. Джон не питал особой привязанности к матери и сестрам, меня же он просто ненавидел. Он запугивал меня и тиранил; и это не два-три раза в неделю и даже не раз или два в день, а беспрестанно. Каждым нервом я боялась его и трепетала каждой жилкой, едва он приближался ко мне. Бывали минуты, когда я совершенно терялась от ужаса, ибо у меня не было защиты ни от его угроз, ни от его побоев; слуги не захотели бы рассердить молодого барина, став на мою сторону, а миссис Рид была в этих случаях слепа и глуха: она никогда не замечала, что он бьет и обижает меня, хотя он делал это не раз и в ее присутствии, а впрочем, чаще за ее спиной.

Привыкнув повиноваться Джону, я немедленно подошла к креслу, на котором он сидел; минуты три он развлекался тем, что показывал мне язык, стараясь высунуть его как можно больше. Я знала, что вот сейчас он ударит меня, и, с тоской ожидая этого, размышляла о том, какой он противный и безобразный. Может быть, Джон прочел эти мысли на моем лице, потому что вдруг, не говоря ни слова, размахнулся и пребольно ударил меня. Я покачнулась, но удержалась на ногах и отступила на шаг или два.

— Вот тебе за то, что ты надерзила маме, — сказал он, — и за то, что спряталась за шторы, и за то, что так на меня посмотрела сейчас, ты, крыса!

Я привыкла к грубому обращению Джона Рида, и мне в голову не приходило дать ему отпор; я думала лишь о том, как бы вынести второй удар, который неизбежно должен был последовать за первым.

— Что ты делала за шторой? — спросил он.

— Я читала.

— Покажи книжку.

Я взяла с окна книгу и принесла ему.

— Ты не смеешь брать наши книги; мама говорит, что ты живешь у нас из милости; ты нищенка, твой отец тебе ничего не оставил; тебе следовало бы милостыню просить, а не жить с нами, детьми джентльмена, есть то,

Если не научить детей трудиться, они не научатся ни читать, ни писать, ни музыке, ни гимнастике, ни тому, в чем заключается вся человеческая добродетель: уважению, которое исходит из упражнения во всех вышеназванных науках.

Демокрит

что мы едим, и носить платья, за которые платит наша мама. Я покажу тебе, как рыться в книгах. Это мои книги! Я здесь хозяин! Или буду хозяином через несколько лет. Пойди встань у дверей, подальше от окон и от зеркала.

Я послушалась, сначала не догадываясь о его намерениях; но когда я увидела, что он встал и замахнулся книгой, чтобы пустить ею в меня, я испуганно вскрикнула и невольно отскочила, однако недостаточно быстро: толстая книга задела меня на лету, я упала и, ударившись о косяк двери, расшибла голову. Из раны потекла кровь, я почувствовала резкую боль, и тут страх внезапно покинул меня, дав место другим чувствам.

— Противный, злой мальчишка! — крикнула я. — Ты — как убийца, как надсмотрщик над рабами, ты — как римский император!

— Что? Что? — закричал он. — Кого ты так называешь?.. Вы слышали, девочки? Я скажу маме! Но раньше...

Джон ринулся на меня; я почувствовала, как он схватил меня за плечо и за волосы. Однако перед ним было отчаянное существо. Я действительно видела перед собой тирана, убийцу. По моей шее одна за другой потекли капли крови, я испытывала резкую боль. Эти ощущения на время заглушили страх, и я встретила Джона с яростью. Я не вполне сознавала, что делают мои руки, но он крикнул:

— Крыса! Крыса! — и громко завопил. Помощь была близка. Элиза и Джорджиана побежали за миссис Рид, которая ушла наверх; она явилась, за ней следовали Бесси и камеристка Эббот. Нас разняли, и до меня донеслись слова:

— Ай-ай! Вот негодница, как она набросилась на мастера Джона!

— Этакая злоба у девочки!

И, наконец, приговор миссис Рид:

— Уведите ее в красную комнату и запирайте там.

Четыре руки подхватили меня и понесли наверх.

Я сопротивлялась изо всех сил, и эта неслыханная дерзость еще ухудшила и без того дурное мнение, которое сложилось обо мне у Бесси и мисс Эббот. Я была прямо-таки не в себе, или, вернее, вне себя, как сказали бы французы: я понимала, что мгновенная вспышка уже навлекла на меня всевозможные кары, и, как всякий восставший раб, в своем отчаянии была готова на все.

— Держите ее за руки, мисс Эббот, она точно бешеная...

— Какой срам! Какой стыд! — кричала камеристка. — Разве можно так недостойно вести себя, мисс Эйр? Бить молодого барина, сына вашей благодетельницы! Ведь это же ваш молодой хозяин!

— Хозяин? Почему это он мой хозяин? Разве я прислуга?

— Нет, вы хуже прислуги, вы не работаете, вы дармоедка! Вот посидите здесь и подумайте хорошенько о своем поведении...

Они вышли, затворив за собой дверь, и заперли меня на ключ.

Красная комната была нежилой, и в ней ночевали крайне редко, вернее — никогда,

Быть человеком – значит чувствовать свою ответственность. Чувствовать стыд перед нищетой, которая, казалось бы, и не зависит от тебя. Гордиться каждой победой, одержанной товарищами. Сознать, что, кладя свой кирпич, ты помогаешь строить мир.

А. де Сент-Экзюпери

разве только наплыв гостей в Гейтсхэдхолле вынуждал хозяев вспомнить о ней; вместе с тем это была одна из самых больших и роскошных комнат дома. В комнате стоял промозглый холод, оттого что ее редко топили; в ней царило безмолвие, оттого что она была удалена от детской и кухни; в ней было жутко, оттого что в нее, как я уже го-

Каждый человек несет ответственность перед всеми людьми за всех людей и за все.

Ф. М. Достоевский

ворила, редко заглядывали люди. Одна только горничная являлась сюда по субботам, чтобы смахнуть с мебели и зеркал осевшую за неделю пыль, да еще сама миссис Рид приходила изредка, чтобы проверить содержимое некоего потайного ящика в комод, где хранился фамильный архив, шкатулка с драгоценностями и миниатюра, изображавшая ее умершего мужа; в последнем обстоятельстве, а именно в смерти мистера Рида, и таилась загадка красной комнаты, того заклятия, которое лежало на ней, несмотря на все ее великолепие. С тех пор, как умер мистер Рид, прошло девять лет; именно в этой комнате он испустил свой последний вздох; здесь он лежал мертвый; отсюда факельщики вынесли его гроб, — и с этого дня чувство какого-то мрачного благоговения удерживало обитателей дома от частых посещений красной комнаты.

Грубость и жестокость Джона Рида, надменное равнодушие его сестер, неприязнь их матери, несправедливость слуг — все это встало в моем расстроеном воображении, точно поднявшийся со дна колодца мутный осадок. Постепенно я вся закоченела, и мужество стало покидать меня. Всеми силами я старалась успокоиться. Какой-то слабый свет появился на стене. Я спрашивала себя, не лунный ли это луч, пробравшийся сквозь отверстие в занавесе? Нет, лунный луч лежал бы спокойно, а этот свет двигался; пока я смотрела, он скользнул по потолку и затрепетал над моей головой. Теперь я охотно готова допустить, что это была полоска света от фонаря, с которым кто-то шел через лужайку перед домом. Но в ту минуту, когда моя душа была готова к самому ужасному, а чувства потрясены всем пережитым, я решила, что неверный трепетный луч — вестник гостя из другого мира. Мое сердце судорожно забилося, голова запылала, уши наполнил шум, подобный шелесту крыльев; я ощущала чье-то присутствие, что-то давило меня, я задыхалась; всякое самообладание покинуло меня. Я бросилась к двери и с отчаянием начала дергать ручку. По коридору раздались поспешные шаги; ключ в замке повернулся, вошли Бесси и Эббот.

— Мисс Эйр, вы заболели? — спросила Бесси.

— Какой ужасный шум! Я до смерти испугалась! — воскликнула Эббот.

— Возьмите меня отсюда! Пустите меня в детскую! — закричала я.

— Отчего? Разве вы ушиблись? Или вам что-нибудь привиделось? — снова спросила Бесси.

— О!.. Тут мелькнул какой-то свет и мне показалось, что сейчас появится привидение! — Я вцепилась в руку Бесси, и она не вырвала ее у меня.

— Она нарочно подняла крик, — сказала Эббот презрительно, — и какой крик! Как будто ее режут. Верно, она просто хотела заманить нас сюда. Знаю я ее гадкие штуки!

— Что тут происходит? — властно спросил чей-то голос; по коридору шла миссис Рид, ленты на ее чепце развевались, платье угрожающе шуршало. — Эббот, Бесси! Я, ка-

жется, приказала оставить Джен Эйр в красной комнате, пока сама не приду за ней!

— Мисс Джен так громко кричала, сударыня, — просительно сказала Бесси.

— Пустите ее, — был единственный ответ. — Не держись за руки Бесси, — обратилась она ко мне. — Этим способом ты ничего не добьешься, можешь быть уверена. Я ненавижу притворство, особенно в детях; мой долг доказать тебе, что подобными фокусами ты ничего не достигнешь. Теперь ты останешься здесь еще на лишний час, да и тогда я выпущу тебя только при условии полного послушания и спокойствия.

— О тетя! Сжальтесь! Простите! Я не могу выдержать этого... Накажите меня еще как-нибудь! Я умру, если...

— Молчи! Такая несдержанность отвратительна!

Я и в самом деле была ей отвратительна. Она считала меня уже сейчас опытной комедианткой; она искренне видела во мне существо, в котором неумеренные страсти сочетались с низостью души и опасной лживостью.

Тем временем Бесси и Эббот удалились, и миссис Рид, которой надоели и мой непреодолимый страх и мои рыдания, решительно втолкнула меня обратно в красную комнату и без дальнейших разговоров заперла там. Я слышала, как она быстро удалилась. А вскоре после этого со мной, видимо, сделался припадок, и я потеряла сознание.

...

Происшествие в красной комнате прошло для меня сравнительно благополучно, не вызвав никакой серьезной или продолжительной болезни; оно сопровождалось лишь потрясением нервной системы, следы которого остались до сих пор.

Шарлотта Бронте

Джен Эйр

Пер. с англ. В. Станевич

- Как следует поступать младшим детям, если старшие их обижают?
- А если при этом и взрослые на стороне обидчиков?
- Есть ли у Джен реальный выход из создавшегося положения?
- Прочти роман, чтобы узнать о дальнейшей судьбе героини.

- Почему некоторые дети не слушаются, не соблюдают дисциплину?
- Что приводит детей к правонарушению?
- Знаешь ли ты случаи, когда подросток нарушил закон, но не был наказан? Почему? Что с ним стало?

МУЧИТЕЛЬ ФЕДОСКИН

В этой школе все знают, что стоит за словами «Федоскин ходит». Идут уроки. Учителя спрашивают, ученики отвечают. И вдруг с ликованием и эхом весеннего грома по ступенькам лестницы катится пустое ведро. «Федоскин ходит!» — по всем партам веселым ветром доносится догадка. Немного погодя, дверь какого-нибудь класса, как в

детективном фильме, приоткроеется медленно, со скрипом. «А-а! А-а!» — влетит в класс протяжный, в исполнении Федоскина, тоскливый припев из кинофильма «Бременские музыканты». «Какой наглец!» — ужасается про себя директор школы и начинает искать служебный телефон матери Федоскина.

Иногда, выскочив в коридор, Генка видит, что навстречу ему идет не кто-нибудь, а родная мать Людмила Петровна, и уж тут-то он весь съезжится, станет маленьким, с мышонка, и юркнет в какую-нибудь щель. Мать у него еще совсем молодая, красивая и одета, как выразился однажды его друг Коля, «на тыщу, а может, и больше». Она работает в универмаге, совсем рядом со школой, и отреагировать на звонок директора ей ничего не стоит.

Она пять лет мучилась с первым мужем, отцом Генки, официантом по профессии, красавцем, но рохлей, совершенно неприспособленным к счастливой жизни человеком. Она ушла от него. Сразу — к другому. Второй муж, по имени Эдик, оказался полной противоположностью первому. Эдик очень хорошо отнесся к Генке, с удовольствием, молодо смеясь, возился с приемным сыном после работы, учил его ходить, по всем правилам, на лыжах. Потом, когда родился Игорь, Эдик переключил всю свою веселость и любовь на малыша, а Генку как бы перестал замечать, а если и смотрел на него, то как-то задумчиво и грустно. Иногда он вдруг, без всякой связи с предыдущим, говорил: «А что? Пусть живет...» Хотя Эдик имел полное право сказать Генке, что приходится ему не родным отцом, а отчимом, он этого не сделал. А Генка ни о чем не догадался, да и догадаться не мог. Кому из нас ни с того ни с сего вскочит в голову такая дикая мысль, что мы — не родные?

В последние годы, Федоскины стали жить намного лучше. Из коммунальной квартиры они переехали в отдельную, завели новую обстановку, обновили гардероб. Людмила Петровна оптом закупила много собраний сочинений великих писателей и долго радовалась, что книги гармонируют с обоями. Казалось, живи, наслаждайся! Все в квартире блестит, телевизор с экраном в полстены излучает сияние, ноги в ворсистых коврах по щиколотки утопают. А Генка стал болезнью — такой же, как ревматизм ноги: и не отрежешь, и все удовольствие жизни портит.

С кем бы другим, может, и не стали церемониться, но Федоскина учителя терпят, потому что на самом деле он способный человек. В начальной школе он переходил из класса в класс, выезжая на редкой памяти. Что на уроке услышит, то почти слово в слово и запомнит. Он и сейчас может очнуться на уроке, пойти к доске и так хорошо ответить, что весь класс удивленно воззрится на него, а учительница только ахнет: «Ну, Федоскин! Ну, академик...» — «Голова у меня головешка, — признает он сам. — Как телик: постукаешь — начинает работать».

Телом он растет намного быстрее, чем умом. Его поступки напоминают движения заводной игрушки, которая от небрежного обращения вдруг пятится назад или заваливается набок вместо того, чтобы идти вперед. Чем Федоскин взрослее, тем нелепее его игры.

«Что с ним делать?» — спрашивали меня и в школе, и в семье.

Советы легко давать; трудно их выполнять, особенно теперь, когда Генка уже не хочет отвечать на добро добром. Кажется, вот он все понял, прочувствовал — кошка, и та бы все поняла! — и начинается медленное выправление. Но именно в тот день, когда появились надежды, он исчезает на субботу и воскресенье из дому, ночует в

каком-то подвале, забирается в школу-интернат, съедает огромное количество сарделек, от которых дома нос воротит, совершает кражу совершенно ненужного ему барабана — и попадает в милицию. Оттуда возвращается молчаливым, долго смотрит на себя в зеркало, ощупывает лицо и говорит: «Что-то я похудел...». Его мать, на что женщина неслезливого десятка, не выдерживает нервной нагрузки. «Да человек ли ты?» — кричит она ему в ужасе.

— Игоряшка! — зовет Эдик родного сына, чтобы тот не видел неприятную сцену. — Пойдем сыграем в бадминтон...

15 лет ему исполнилось, когда он находился в детприемнике. Опять что-то натворил, и комиссия, много раз прощавшая ему, на этот раз решила — хватит! Через три дня ему могли бы выписать путевку в спецпэту.

Но у него нашелся еще один защитник — инспектор детской комнаты милиции Александра Васильевна. Немолодая, постоянно жалующаяся на ноги женщина, обежала за три дня сто кабинетов и упросила еще раз заслушать вопрос о Федоскине. «Где вы были раньше?» — возмущались члены комиссии. «Я и раньше говорила: не мальчишку надо привлекать, — храбро отвечала Александра Васильевна. Можете по протоколу проверить...»

Федоскин и его судьба были последним вопросом заседания. «Пригласите представителя детприемника, — сказал председатель; а когда тот вошел, спросил его: — Как мальчишка вел себя?»

— Весь месяц прекрасно. Хорошо учился. Ни одного замечания не получил. В сравнении с другими был просто золото. Мы даже думали: может, какое-то недоразумение вышло...

— Притворялся, — высказала такое мнение директор школы Вера Елисеевна.

— Мы не первый год работаем и умеем отличать, — возразил представитель.

— Мальчишку позовите, — попросил председатель своего помощника.

Вошел Генка. Толстый ковер заглушал его шаги, когда он шел к середине зала заседаний; казалось, он не идет, только изображает ходьбу. В голубой безрукавке и парусиновых штанах прославленный хулиган Федоскин выглядел совсем безобидно, будто его не из детприемника привезли, а со двора позвали.

— Ты не маленький, скажи, чего бы хотел сам, — без лишних слов приступил к делу председатель.

Генка в ответ молчал.

— Ты же в детприемнике плакал, говорил мне, что хочешь пойти работать, — полупрошептом подсказала ему инспектор Александра Васильевна.

— На курсы шоферов хочу, — наконец открыл он рот.

— На курсы ему рано, а вот в мастерскую по ремонту машин я бы мог устроить, — негромко сказал один из членов комиссии.

— Устройте, — не очень вежливо вмешался в разговор Генка.

— А ты не подведешь меня? — спросил член комиссии.

— Нет, — сказал он.

— Ладно, посиди теперь в приемной, — сказал председатель Федоскину. Поглядел ему вслед, попросил помощника поплотней

Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего делать.

Р. Уоррен

закрыть за ним дверь. — Я предлагаю пересмотреть наше решение...

Он встал из-за стола, подошел к отчиму, Эдику, который, словно пригревшись, вполглаза дремал.

— Вам не стыдно? — громко спросил его председатель.

Отчим Эдик вскочил, зачем-то вытащил из нагрудного кармана записную книжку и стал в нее застенчиво смотреть.

— Вам, молодому человеку, водителю первого класса, спортсмену, не стыдно нанимать для сына воспитателей со стороны?

Эдик спрятал книжку за спину.

— У вас, я знаю, еще один есть. Вы подумайте хорошенько, каким он у вас вырастет, если на его глазах старший брат окончательно сломается...

Иван Зюзюкин
Люди, я расту!

- Какие шансы у Федоскина исправиться?
- Мог бы интерес Гены Федоскина к автомобилям помочь ему найти себя?
- Что бы ты посоветовал Гене?
- Как должны поступить его родители?
- Прокомментируй последнюю фразу.

Как можно познать себя? Не любясь на себя, но действуя. Попробуй исполнить свой долг, и ты тут же узнаешь, кто ты.

И. В. Гете

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.

Я не люблю открытого цинизма,
В восторженность не верю, и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда — наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

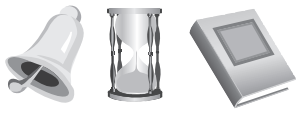
Я не люблю уверенности сытой, —
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, что слово «честь» забыто
И что в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья —
Нет жалости во мне, и неспроста:
Я не люблю насилие и бессилье, —
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
Обидно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них миллион меняют по рублю,
Пусть впереди большие перемены —
Я это никогда не полюблю!

Владимир Высоцкий

- Какие системы воспитания ты знаешь?
- Как ты считаешь, какая система воспитания применяется в твоем случае?
- Считаешь ли ты, что тебя нужно было воспитывать иначе, чем других детей?

БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР

— Бедный мальчик. Я знаю, как вам одиноко. Вот уже сорок лет я помогаю таким бедным мальчикам избавиться от одиночества и найти свой путь.

— Найти путь, миледи? — не совсем понял Эраст Петрович.

— О да, — оживилась леди Эстер, видимо, садясь на любимого конька. — Найти свой путь — самое главное в жизни любого человека. Я глубоко убеждена, что каждый человек неповторимо талантлив, в каждом заложен божественный дар. Трагедия человечества в том, что мы не умеем, да и не стремимся этот дар в ребенке обнаружить и выпестовать. Гений у нас — редкость и даже чудо, а ведь кто такой гений? Это просто человек, которому повезло. Его судьба сложилась так, что жизненные обстоятельства сами подтолкнули человека к правильному выбору пути. Классический пример — Моцарт. Он родился в семье музыканта и с раннего детства попал в среду, идеально питающую заложенный в нем от природы талант. А теперь представьте себе, дорогой сэр, что Вольфганг Амадей родился бы в семье крестьянина. Из него получился бы скверный пастух, развлекающий коров волшебной игрой на дудочке. Родись он в семье солдафона — вырос бы бездарным офицериком, обожающим военные марши. О, поверьте мне, молодой человек, каждый, каждый без исключения ребенок таит в себе сокровище, только до этого сокровища надобно уметь докопаться!

Леди Эстер перевела дыхание и продолжала:

— Моя система воспитания построена на том, чтобы великий полководец непременно попал на военную службу, а великий художник вовремя получил доступ к краскам. Мои педагоги пытливы и терпеливы прощупывают душевное устройство каждого питомца, отыскивая в нем Божью искру, и в девяти случаях из десяти ее находят!

— Ага, так все-таки не во всех она есть! — торжествующе поднял палец Фандорин.

— Во всех, милый юноша, абсолютно во всех, просто мы, педагоги, недостаточно искусны. Или же в ребенке заложен талант, которому в современном мире нет употребления. Возможно, этот человек был необходим в первобытном обществе или же его гений будет востребован в отдаленном будущем — в такой сфере, которую мы сегодня и представить себе не можем.

— Про будущее — ладно, судить не берусь, — заспорил Фандорин, против воли увлеченный беседой. — Но про первобытное общество что-то непонятно. Какие же это таланты вы имеете в виду?

— Сама не знаю, мой мальчик, — обезоруживающе улыбнулась леди Эстер. — Ну, предположим, дар угадывать, где под землей вода. Или дар чуют в лесу зверя. Может быть, способность отличать съедобные корни от несъедобных. Знаю только одно, что в те далекие времена именно такие люди были главными гениями, а мистер Дарвин или герр Шопенгауэр, родись они в пещере, остались бы в племени на положении дурачков. Кстати говоря, те дети, которых сегодня считают умственно недоразвитыми, тоже обладают даром. Это, конечно, талант не рационального свойства, но оттого не менее драгоценный. У меня в Шеффилде есть специальный эстернат для тех, от кого отказалась традиционная педагогика. Боже, какие чудеса гениальности обнаруживают эти мальчики! Там есть ребенок, к тринадцати годам едва выучившийся говорить, но он вылечивает прикосновением ладони любую мигрень. Другой — он и вовсе бессловесен — может задерживать дыхание на целых четыре с половиной минуты. Третий взглядом нагревает стакан с водой, представляете?

— Невероятно! Однако как устроена ваша система? Как производится, так сказать, сортировка детей? — с живейшим любопытством спросил Эраст Петрович.

— Вам правда интересно? — обрадовалась баронесса. — Пойдемте в учебный корпус и увидите сами.

Она с удивительной для ее возраста проворностью вскочила, готовая вести и показывать.

По дороге она рассказывала:

— Здешнее заведение совсем новое, три недели как открылось, и работа еще в самом начале. Мои люди взяли из приютов, а подчас и прямо с улицы сто двадцать мальчиков-сирот в возрасте от четырех до двенадцати лет. Если ребенок старше, с ним уже трудно что-либо сделать — личность сформировалась. Для начала мальчиков разбили на возрастные группы, и в каждой свой учитель, специалист по данному возрасту. Главная обязанность учителя — присматриваться к детям и исподволь давать им разные несложные задания. Задания эти похожи на игру, но с их помощью легко определить общую направленность натуры. На первом этапе нужно угадать, что в данном ребенке талантливее — тело, голова или интуиция. Затем дети будут поделены на группы уже не по возрастному, а по профильному принципу: рационалисты, артисты, умельцы, лидеры, спортсмены и так далее. Постепенно профиль все более сужается, и мальчиков старшего возраста нередко готовят уже индивидуально. Я работаю с детьми сорок лет, и вы не представляете, сколь многого достигли мои питомцы — в самых различных сферах.

Борис Акунин

Азазель

- Примерь к себе систему леди Эстер. В какой профиль ты вписываешься?
- Что делают окружающие для выявления твоих склонностей?
- Что ты сам делаешь для своего развития?
- Расскажи, как и что помогло тебе открыть в себе талант или склонность к тому или иному занятию.

- Почему человек может полюбить кого-то?
- Почему из множества встреченных нами людей мы выбираем одного?
- Почему кто-то выбирает нас?

ДЕСЯТЬ МЕШКОВ РИСА

Однажды два моряка отправились в странствие по свету, чтобы найти свою судьбу. Приплыли они на остров, где у вождя одного из племен было две дочери. Старшая — красавица, а младшая — не очень.

Один из моряков сказал своему другу:

— Все, я нашел свое счастье, остаюсь здесь и женюсь на дочери вождя.

— Да, ты прав, старшая дочь вождя красавица, умница. Ты сделал правильный выбор — женись.

— Ты меня не понял, друг! Я женюсь на младшей дочери вождя.

— Ты что, с ума сошел? Она же такая... не очень.

— Это мое решение, и я это сделаю.

Друг поплыл дальше в поисках своего счастья, а жених пошел свататься. Надо сказать, что в племени было принято давать за невесту выкуп мешками риса. Хорошая невеста стоила десять мешков риса.

Притащил он десять мешков риса и подошел к вождю.

— Вождь, я хочу взять замуж твою дочь и даю за нее десять мешков риса!

— Это хороший выбор. Моя старшая дочь красавица, умница, и она стоит десяти мешков риса. Я согласен.

— Нет, вождь, ты не понял. Я хочу жениться на твоей младшей дочери.

— Ты что, шутишь? Не видишь, она же такая... не очень.

— Я хочу жениться именно на ней.

— Хорошо, но как честный человек я не могу взять десять мешков риса, она того не стоит. Я возьму за нее три мешка, не больше.

- Как ты думаешь, почему моряк выбрал менее красивую сестру?
- Почему отец меньше ее ценит?
- Опиши старшую сестру, красавицу, какой ты себе ее представляешь.
- Опиши младшую, которая... не очень.
- Как теперь поступит моряк?

— Нет, я хочу заплатить именно десять мешков риса.

Они поженились.

Прошло несколько лет, и странствующий друг, уже на своем корабле, решил навестить оставшегося товарища и узнать, как у него жизнь. Приплыл, идет по берегу, а навстречу женщина неземной красоты. Он ее спросил, как найти его друга. Она показала. Приходит и видит: сидит его друг, вокруг детишки бегают.

— Как живешь?

— Я счастлив.

Тут входит та самая красивая женщина.

— Вот, познакомься. Это моя жена.

— Как? Ты что, женился еще раз?

- Почему было важно заплатить именно десять мешков риса за избранную девушку?
- Как ты думаешь, что произошло в семье моряка?
- Кто такая эта красавица?

— Нет, это все та же женщина.

— Но как это произошло, что она так изменилась?

— А ты спроси у нее сам.

Подошел друг к женщине и спрашивает:

— Извини за бестактность, но я помню, какая ты была... не очень. Что произошло, что ты стала такой прекрасной?

— Просто однажды я поняла, что стою десяти мешков риса.

Восточная притча

- Случается ли тебе судить о ком-то по первому впечатлению?
- Сравниваешь ли ты иногда двух людей со словами: *этот — особенный, а другой — не очень?*
- Как мы оцениваем красоту или душевные качества людей?
- Как мы оцениваем себя?
- Нужно ли, чтобы кто-то пришел и сказал нам, что мы стоим большего, чем нам кажется?
- Что можно предпринять, чтобы не недооценивать себя?

ДЕНЬГИ

Теперь толкуют о деньгах
В любых заброшенных снегах,
В портах, постелях, поездах,
Под всяким мелким зодиаком.
Тот век рассыпался, как мел,
Который словом жить умел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком.

О, жгучий взгляд из-под бровей!
Листанье сборника кровей!
Что было содержанием дней,
То стало приложением вроде,
Вот новоявленный Моцарт,
Сродни менялам и купцам,
Забыв про двор, где ждут сердца,
К двору монетному подходит.

Все на продажу понеслось,
И что продать, увы, нашлось:
В цене все то, что удалось,
И спрос не сходит на интриги.
Явились всюду чудеса,
Рубли раздув, как паруса,
И рыцарские голоса
Смехоподобны, как вериги.

Моя надежда на того,
Кто, не присвоив ничего,
Свое святое естество
Сберег в дворцах или в бараках,
Кто посреди обычных дел
За словом следовать посмел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком.

Юрий Визбор

- Как ты выучился читать?
- Почему учиться читать нужно в детстве?
- Хорошо ли это делать до школы? (Обсудите аргументы за и против.)

НЕЧАЯННО

Всякий раз, как Маня касается вопроса собственного чтения, чувство какой-то особой робости заливают краской ее лицо.

Прошлым летом Броня, живя в деревне, нашла, что очень скучно учить азбуку в одиночку, тогда она решила «играть в учительницу» с Маней. Несколько недель обе девочки занимались тем, что раскладывали в некоем порядке, часто произвольном, буквы алфавита, вырезанные из картона. И вот, когда однажды утром Броня, запинаясь, стала читать родителям по складам какой-то простой текст, Маня не выдержала, взяла книгу у нее из рук и почти бегло прочла первую строчку открытой страницы. Польщенная внимательным молчанием слушателей, она продолжила эту увлекавшую ее игру. Но вдруг остановилась в испуге. Взгляд на изумленные лица родителей, взгляд на обидчивую гримасу Брони... сразу какие-то бессвязные, невнятные слова, затем безудержное рыдание... и чудо-ребенок превратился в четырехлетнюю малютку, которая заливалась горячими слезами, лепеча жалобно и виновато:

— Простите... Простите... Я не нарочно... Я не виновата... Броня тоже не виновата! Просто это очень легко!

Маня пришла в отчаяние от мысли: а вдруг ее никогда не простят за то, что она выучилась читать без спору?

После этого знаменательного чтения девочка хорошо усвоила и большие, и маленькие буквы, а если не сделала новых замечательных успехов, то лишь потому, что родители, как опытные и осторожные педагоги, старались не давать ей книг. Они боялись этой скороспелости в их дочери, и стоит Мане протянуть руку к одному из альбомов с крупной печатью, лежавших повсюду в доме, как слышит она родительский голос: «Ты бы поиграла в кубики... А где твоя кукла?.. Спой мне такую-то песенку». Или, как сегодня: «Лучше бы ты пошла в сад...»

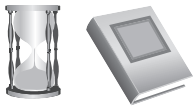
Ева Кюри

Мария Кюри

Пер. с франц. Е. Ф. Корша

- Как ты объясняешь подчеркнутую фразу?
- Является ли кукла альтернативой для книги? Почему? До какого возраста?

- Возрастает ли роль учителя/воспитателя, если ребенок живет вдали от дома, в интернате?
- Какими должны быть отношения педагог—воспитанник для того, чтобы старший мог воспитывать младшего?

ВЕЛИКАЯ ВОСПИТУЮЩАЯ СИЛА

Новый классный руководитель четвертого класса, доктор Вéман, прежде всего помогал своим воспитанникам уверовать в собственные силы. А ведь именно в этом больше всего нуждался гимназист Швéйцер, отныне живший в Мюльга́узене. Доктор Веман не преподносил ученикам абстрактные знания, а увязывал их с реальной жизнью. Он тщательно готовился к каждому уроку. Сам воспитатель служил своим питомцам таким ярким примером, что всего за какие-нибудь три месяца Швейцер выдвинулся в ряд лучших учеников класса. Даже уже будучи доцентом университета, Альберт Швейцер тепло вспоминал доктора Вемана: «Он показал мне, что глубокое, скрупулезное чувство долга есть великая воспитующая сила, которая способна осуществить то, чего не добиться никакими нотациями и наказаниями, и эту истину я стремлюсь претворять в жизнь в моей педагогической деятельности».

В этот период заметно улучшились отношения Швейцера с его учителем музыки. У господина Мюнха скоро уже не было необходимости жаловаться на «деревянную игру» Альберта на пианино. Однажды, не слишком веря в успех, он дал ученику задание: разучить короткую песню без слов Мендельсона-Бартольди. Целую неделю Швейцер разучивал эту пьесу, и тетушка Софи под конец убедилась, что он способен сыграть ее точно, хотя, может, излишне эмоционально. Учитель музыки Мюнх похлопал мальчика по плечу. Какая честь! Он не ожидал от Швейцера такой тонкости восприятия. И он сразу же дал ему следующее задание: разучить пьесу Бетховена. Спустя всего несколько уроков учитель счел своего ученика достойным Баха. Потом были еще уроки, и учитель объявил Альберту, что после подтверждения ему разрешат учиться играть на большом органе в церкви св. Стефана. Таким образом, когда Швейцеру было пятнадцать лет, исполнилась его давнишняя мечта: играть на большом красивом органе с тремя клавиатурами и шестьюдесятью двумя клавишами и довершить здесь то, что некогда он начал на маленьком органе в сельской церквушке в Гюнсбахе. Шестнадцати лет Швейцер впервые заменил у органа во время богослужения своего учителя Эугена Мюнха, который был органистом в церкви св. Стефана. Вскоре учитель доверил Альберту сопровождать на органе большой хор и оркестр во время публичного исполнения ими «Реквиема» Брамса в Мюльгаузене, где дирижировал сам Мюнх. В 1898 году Эуген Мюнх во цвете лет умер от тифа. Альберт Швейцер почтил его память небольшой брошюрой, написанной по-французски. Это было его первое печатное произведение.

Никто не знает, каковы его силы, пока их не испробует.

Иоганн Вольфганг Гете

Плохо живут те, которые всю жизнь лишь собираются жить.

Публилий Сир

«Самое глубокое впечатление произвел на меня в гимназии ее директор Вильгельм Дееке, который приехал в Мюльгаузен, когда я уже учился в старших классах, — писал впоследствии Альберт Швейцер. — Чувствовалось, что он хотел не только дать нам знания, но и воспитать нас настоящими людьми». Директор Дееке приехал в Страсбург из Любека. Он не скрывал, что осуждает «опруссачивание» Эльзаса и позволял себе смелые высказывания. Об этом вскоре прослышал наместник генерал фон Мантейфель. Тогда Дееке перевели в более скромную гимназию: назначение в Мюльгаузен было для него своего рода ссылкой. Однако в общении со своими воспитанниками директор никогда не позволял себе выказывать озлобленность, напротив, как истинный педагог, он старался также научить своих питомцев такту и твердости духа. Разумеется, все ученики знали, как поступили с их директором. Альберт Швейцер выучился у него не только греческому и латинскому, но прежде всего стойкости.

«После злого брожения вино отстоялось. В сущности, я остался таким же, каким был тогда. Совершенно отчетливо я сознавал: если я откажусь от моей страсти к истине и разуму, ко всему, что постигается в процессе мышления, я тем самым отступлюсь от самого себя. Поэтому, в сущности, я столь же невыносим, как и прежде. Я стараюсь лишь, насколько могу, сочетать свою страсть с принятой в обществе учтивостью, чтобы не докучать людям. Я примирился с необходимостью участвовать в разговорах, которые так и остаются разговорами, и выслушивать бездумные суждения, не выражая негодования. Врожденная замкнутость характера помогла мне усвоить эту манеру благовоспитанного человека».

- О ком Швейцер вспоминает с теплотой?
- Почему они остались для него эталонами?
- Согласен ли ты с тем, что доверие воспитывает ответственность?
- Правильно ли считать, что благовоспитанный человек не должен выражать то, что чувствует?

Человек — это то, во что он верит.

А. П. Чехов

Пауль Герберт Фрайер

Альберт Швейцер: картина жизни

Пер. с нем. С. А. Тархановой

СОКРОВИЩЕ

— Каждого живущего на земле ждет его сокровище, — говорило сердце, — но мы, сердца, привыкли помалкивать, потому что люди не хотят обретать их. Только детям мы говорим об этом, а потом смотрим, как жизнь направляет каждого навстречу его судьбе, но, к несчастью, лишь немногие следуют по предназначенной им Стезе. Прочим мир внушает опасения и потому в самом деле становится опасен. И тогда мы, сердца, говорим все тише и тише. Мы не замолкаем никогда, но стараемся, чтобы наши слова не были услышаны: не хотим, чтобы люди страдали оттого, что не вняли голосу сердца.

— Почему же сердце не подсказывает человеку, что он должен идти к исполнению своей мечты? — спросил Сантьяго.

— Потому что тогда ему пришлось бы страдать, а сердце страдать не любит.

С того дня юноша стал понимать свое сердце. И попросил, чтобы отныне, как только он сделает шаг прочь от своей мечты, сердце начинало сжиматься и болеть, подавая сигнал тревоги. И поклялся, услышав этот сигнал, возвращаться на Свою Стезю.

Пауло Коэльо

Алхимик

Пер с португ. А. Богдановского

- Случалось ли тебе встречать людей, которыми ты восхищался?
- Что заставляет нас говорить о ком-то, что он превозмог себя?
- Были ли в твоей жизни случаи, когда ты думал о том, как же быть дальше?

НЕ НАДО ТЕРЯТЬ НАДЕЖДУ

У меня часто спрашивают: что вы думаете о своей жизни с аппаратной поддержкой жизнедеятельности? По правде говоря, я не очень об этом задумываюсь. Я стараюсь вести как можно более нормальный образ жизни и не думать о своем состоянии или жалеть о вещах, которые я мог бы делать, если бы не моя болезнь. Впрочем, последних не так уж и много.

Для меня было большим потрясением узнать, что у меня нейромоторная болезнь. В детстве у меня была неважная координация движений, я плохо играл в мяч, а мой почерк приводил учителей в отчаяние. Возможно, именно поэтому я не был особо привязан к спорту и прочим физическим занятиям. Но в Оксфорде, куда я поступил в 17 лет, я занялся греблей и даже участвовал в соревнованиях.

Однако на третьем курсе я заметил, что становлюсь все более неуклюжим. Два-три раза я падал без видимой причины. Но только на следующий год, когда я уже был в Кембридже, мой отец тоже заметил неладное и повел меня к семейному врачу. Тот отправил нас к специалисту, и вскоре после своего 21-летия я лег на обследование в больницу. После обследования мне не сказали, чем же я болен, — только заверили, что это не рассеянный склероз и что случай вообще атипичный. Тем не менее, я понял, что они ожидали ухудшения и что ничего не могли для меня сделать, кроме как прописать мне витамины. При этом было ясно, что от витаминов тоже не ожидалось особого эффекта. О подробностях я спрашивать не стал — все равно ничего хорошего мне сообщить не могли.

Осознание того, что я неизлечимо болен и, скорее всего, скоро умру, было, как я сказал, потрясением. Как могло такое случиться со мной? Почему, за что я должен быть вырезан из жизни таким жестоким образом? Но, пока я лежал в больнице, на соседней кровати умирал от лейкемии парень, с которым я был немного знаком. Неприятное это было зрелище. Я понял, что есть люди, которым хуже, чем мне. По крайней мере, моя болезнь не причиняла мне особых физических страданий. Каждый раз, когда мне

Когда ты ударяешься о камень, виноват не камень, а нога, которая не знала, куда ступить.

Луис Бономелли

хочется пожалеть себя, я вспоминаю этого парня.

Я не знал, что случится со мной дальше и насколько быстро будет прогрессировать болезнь, и эта неопределенность отнимала у меня способность принимать решения.

Врачи посоветовали мне вернуться в Кембридж и продолжить исследование, которое я незадолго до того начал — об общей теории относительности и космологии. Но оно трудно продвигалось, потому что мне не хватало математической подготовки. И вообще, я ведь мог и не дожить до защиты диссертации. Я чувствовал себя трагическим героем. Я начал увлекаться Вагнером; но слухи о том, что я стал пить, сильно преувеличены. Просто однажды какой-то журнал об этом написал, другие повторили, и так далее. Люди готовы поверить во что угодно, если это много раз появится в печати.

До того как обнаружилось, что я болен, я успел почувствовать, что жизнь мне изрядно наскучила. Казалось, ничего не стоит того, чтобы им заниматься. Но незадолго до выписки мне приснилось, что меня должны казнить. И я вдруг понял, что, если меня оставят в живых, есть еще множество вещей, которые я могу сделать. Другой сон, который повторялся несколько раз, был о том, как я жертвую жизнью, чтобы спасти других. В конце концов, если уж мне предстояло умереть, я мог хоть принести какую-то пользу. Но я не умер. Более того, я с большим изумлением понял, что радуюсь жизни гораздо больше, чем прежде. Мое исследование стало продвигаться вперед. Я обручился с девушкой по имени Джейн Уайлд, с которой познакомился незадолго до того, как мне был поставлен диагноз. Помолвка изменила мою жизнь. Теперь мне было для чего жить. Но это также означало, что мне понадобится найти себе работу, если я собираюсь жениться. Поэтому я подал заявку на исследовательскую стипендию в одном из кембриджских колледжей. К моему несказанному удивлению, стипендию мне дали, и мы с Джейн поженились несколько месяцев спустя.

Стипендия временно решила проблему дохода. Мне повезло, что я занялся теоретической физикой, поскольку это одна из немногих областей, в которых мое состояние не являлось серьезным препятствием к работе. Мне также повезло, что моя научная репутация росла по мере того, как мое здоровье ухудшалось. В результате люди всегда были готовы предложить мне должности, на которых я мог заниматься наукой, но не был обязан преподавать.

До 1974 года я мог питаться, вставать и ложиться самостоятельно. Джейн удавалось поддерживать меня и воспитывать детей, не прибегая к посторонней помощи. Но постепенно сложности нарастали, и тогда мы стали приглашать моих аспирантов пожить с нами. За жилье и мое особое внимание к их научной работе они помогали мне подниматься и садиться. В 1980 году мы перешли на систему частных сиделок, которые приходили на пару часов утром и вечером. Так продолжалось до тех пор, пока я не заболел пневмонией в 1985 году. Мне пришлось сделать трахеотомию. После нее

Первая наука — узнать, кто ты, и что свойственно именно тебе.

Джорджо Бассани

Страх ошибки — вот ворота, запирающие нас в стенах посредственности: если нам удастся победить в себе этот страх, мы сделаем значительный шаг в направлении свободы.

Пауло Коэльо

мне понадобился круглосуточный уход. Мы смогли себе это позволить благодаря ряду грантов из различных фондов.

Еще до операции моя речь постепенно становилась все более неразборчивой, и только немногие близкие люди могли понять, что я говорю. Но, по крайней мере, я мог общаться. Я писал научные статьи, диктуя их секретарю, и вел семинары посредством «переводчика»: он повторял мои слова громче и яснее. Но трахеотомия полностью лишила меня возможности говорить. Одно время единственной возможностью общаться было собирать слова буква за буквой, то есть я поднимал брови, когда мне показывали нужную букву на карточке. Достаточно сложно вести таким образом беседу, не говоря уж о написании научных статей. О моей проблеме узнал Уолт Уолтош, компьютерщик из Калифорнии. Он прислал мне свою компьютерную программу *Equalizer*. Программа позволяла мне нажатием кнопки выбирать слова из вкладок на экране. Кнопку можно было держать в ладони, а можно было управлять ею движением головы или глаз. Набрал то, что я хотел сказать, я мог послать фразу на синтезатор речи. Вначале я просто запускал *Equalizer* на своем настольном компьютере.

Но Дэвид Мэйсон, специалист из Кембриджа, приладил небольшой переносной компьютер и синтезатор речи к моему инвалидному креслу. Эта система позволила мне общаться гораздо эффективнее, чем прежде. Я могу выдавать до 15 слов в минуту. Набранные слова можно произнести посредством синтезатора или сохранить на диске. Сохраненный текст можно распечатать или озвучить позже, фраза за фразой. Таким образом я написал книгу и десятки статей. Я также выступал с популярными и научными лекциями. Их тоже хорошо приняли. Думаю, в большой степени это стало возможно благодаря синтезатору речи фирмы Speech Plus. Из всех синтезаторов, которые я использовал, этот — наилучший, потому что он варьирует интонацию, а не скрежещет, как робот-мутант. Одна беда — он озвучивает меня с американским акцентом.

Я прожил с нейромоторной болезнью практически всю свою взрослую жизнь. Но она не помешала мне ни обзавестись очень привлекательной семьей, ни достичь успехов в работе. Это удалось благодаря помощи Джейн, моих детей и ряда людей и организаций. Мне повезло — мое состояние ухудшалось медленнее, чем это обычно бывает. Но это показывает, что не надо терять надежды.

- Обсудите подчеркнутые фразы.
- Примерь к себе выводы Хокинга. Какие из них ты мог бы взять на вооружение?
- Чему можно научиться у героя приведенной истории?

Вы ничего не можете поделаться с длиной вашей жизни, но вы можете сделать что-нибудь с ее шириной и глубиной.

Шира Терани

Собственные недостатки — что котомка за плечами: не увидишь.

Эразм Роттердамский

Стивен Хокинг
<http://www.hawking.org.uk>
Пер. с англ. Е. Карталяну

- Представь себе, что ребенок, выросший в одной семье, неожиданно попадает в другую. Почему это может произойти?
- Как следует поступить, чтобы легче приспособиться к новым условиям жизни?
- Что такое оптимизм? Как можно воспитать его в себе?

ИГРА В РАДОСТЬ

— Ягненок мой! Бедненькая моя! — запричитала Нэнси. — Да ты, наверное, голодна! Боюсь, я не смогу тебя сегодня ничем порадовать. На ужин для тебя ничего нет, кроме хлеба с молоком, и есть тебе придется вместе со мной, на кухне. И все потому, что твоя тетя рассердилась, когда ты не пришла ужинать вовремя.

— Но я не могла прийти. Ведь я была здесь!

— Верно. Но она-то об этом не знала, — справедливо заметила Нэнси, которой стоило большого труда удержаться от смеха. — Конечно же, это не повод заставлять тебя есть хлеб с молоком. Как жаль, что все так получилось!

— А мне не жаль. Я рада.

— Рада? Чему ты рада?

— Я люблю хлеб с молоком, и мне будет очень приятно поесть вместе с вами. Видите, мне совсем не трудно радоваться.

— Ну, сдастся мне, тебе ничему не трудно радоваться, — пробормотала совершенно ошеломленная Нэнси, вспоминая, как Поллианна пыталась полюбить свою комнатку на чердаке.

Поллианна тихонько засмеялась:

— В этом-то и вся трудность нашей игры.

— Игры?

— Ну, да. Игры в то, чтобы все время радоваться.

— С тобой как, все в порядке? — сварливо осведомилась Нэнси.

— Конечно. Просто это такая игра. Мой папа научил меня играть в нее, и это очень здорово, — ответила Поллианна. — Мы начали играть в нее, когда я была еще совсем маленькой. Потом я рассказала о нашей игре в Женской помощи, и они тоже стали играть. Ну, не все, а некоторые.

— А как это? Я, конечно, не мастак на всякие игры, но все-таки расскажи. Никогда еще не слышала, чтобы играли в радость.

Поллианна засмеялась, потом вздохнула, и ее худое личико погрустнело.

— Это началось, когда нам среди пожертвований достались костыли, — торжественно изрекла она.

— Костыли?

— Да. Мне тогда ужасно хотелось куклу, вот папа и попросил женщину, которая собирала пожертвования. А та леди ответила, что кукол никто не жертвовал, поэтому вместо куклы посылает маленькие костыли. Она писала, что они могут тоже пригодиться.

— Ну, пока я не вижу ничего забавного, — сказала Нэнси. — Что же это за игра, просто глупость какая-то.

— Да вы не поняли. Наша игра в том и заключалась, чтобы радоваться, несмотря

на то, что радоваться вроде бы нечему. Вот мы с этих костылей и начали.

— Домик мой с палисадником! Да как же можно радоваться, когда ты ждешь куклу, а тебе присылают костыли!

Поллианна от радости даже в ладоши хлопала.

— Можно! Можно радоваться! Можно!

Можно! — восклицала она. — Я тоже сначала подумала так же, как вы, — честно призналась она, — но потом папа мне все объяснил.

— Может, поделишься, окажешь милость? — обиженно спросила Нэнси, ибо ей показалось, что девочка просто смеется над ней.

— А вот слушайте дальше, — как ни в чем не бывало принялась объяснять Поллианна, — именно потому и надо радоваться, что костыли мне не нужны! Вот и вся хитрость! — с победоносным видом завершила она. — Надо только знать, как к этому подступиться, и тогда играть не так уж трудно.

— Просто бред какой-то! — буркнула Нэнси и с тревогой посмотрела на Поллианну.

— Никакой не бред, а очень умная игра, — горячо запротестовала та. — Мы с тех пор в нее все время с папой играли. Вот только... Только... Все-таки в нее иногда очень трудно играть. Например, когда твой отец уходит в лучший мир и у тебя не остается никого, кроме Женской помощи.

— Вот именно! — с жаром поддержала ее Нэнси. — И когда тебя любимая родственница запикивает в каморку на чердаке, в которой даже мебели-то пристойной нет.

Поллианна тяжело вздохнула.

— Вообще-то я сначала расстроилась, — призналась она. — Особенно потому, что мне было очень одиноко. А потом, мне так хотелось жить среди всех этих красивых вещей... Знаете, Нэнси, я вдруг почувствовала, что просто не могу играть в свою игру. Но потом я вспомнила, что ненавижу глядеть на свои веснушки, и тут же порадовалась, что у меня нет зеркала. Ну, а когда я взглянула в окно, и мне из него вид так понравился... И стало совсем хорошо. Понимаете, Нэнси, когда ищешь, чему бы порадоваться, обо всем остальном как-то меньше думаешь. Это то же, что с куклой.

У Нэнси к горлу подступили слезы, и она смогла лишь хмыкнуть в ответ.

— Обычно мне не приходится тратить на это слишком много времени. А иногда это вообще происходит само собой. Ведь я уже столько лет играю в эту игру, и хорошо натренировалась. Но все равно, чем больше я играю, тем больше увлекаюсь. Па... — голос ее дрогнул, — папа тоже очень любил играть. А теперь мне, наверное, будет труднее. Ведь папы-то нет, а одной играть не так легко. Я вот надеюсь... — она замялась, потом решительно выпалила: — Может быть, тетя Полли согласится играть со мной?

— Ну, как бы ни так! — пробормотала Нэнси себе под нос. Затем, повысив голос, обратилась к девочке:

Мой жизненный опыт убедил меня, что люди, не имеющие недостатков, имеют очень мало достоинств.

Авраам Линкольн

Попробуй изменить в себе то, что пытаешься изменить в других.

Жаклин Пейро

— Сдается мне, мисс Поллианна, что я не больно-то хорошо смогу играть. Но все-таки я постараюсь. Вот так я тебе и скажу. Постараюсь. Постараюсь, так вот тебе и скажу.

— О! Нэнси! — воскликнула Поллианна и изо всех сил обхватила ее шею руками. — Я уверена, у нас отлично получится! И вы тоже так думаете, правда?

— М-может быть, — неуверенно ответила Нэнси, — но все-таки ты не очень-то на меня надейся. Я не больно умелая до всех этих игр. Но постараться-то я постараюсь. Вот так я тебе и скажу: постараюсь. А тебе будет все-таки с кем играть. Будет, с кем играть, вот так я тебе и скажу, — завершила она, когда они переступали порог кухни.

Элинор Портер

Поллианна

Пер. А. Иванова и А. Устиновой

- Найди среди окружающих тебя людей тех, с кем можно сыграть «в радость».
- Вспомни случай, когда ты в последний раз расстраивался. Посмотри на него глазами Поллианны.

ЗАНИМАЙТЕСЬ ТЕМ, ЧТО ВАМ ПРИНОСИТ СЧАСТЬЕ

Профессор философии, стоя перед своей аудиторией, взял пятилитровую стеклянную банку и наполнил ее камнями, каждый не менее трех сантиметров в диаметре.

Потом он спросил студентов, полна ли банка?

Они ответили: да, полна.

Тогда он открыл банку горошка и высыпал ее содержимое в большую банку, немного потряс ее. Горошек занял свободное место между камнями. И вновь профессор спросил студентов, полна ли банка?

Ответом было: да, полна.

Затем он взял коробку, наполненную песком, и насыпал его в банку. Естественно, песок полностью занял существующее свободное место и все закрыл. Еще раз профессор спросил студентов, полна ли банка?

Они ответили: да, и на этот раз однозначно, она полна.

Тогда из-под стола он достал две кружки кофе и вылил их в банку до последней капли, размачивая песок.

Студенты смеялись.

— А сейчас я хочу, чтобы вы поняли: банка — это ваша жизнь, — сказал профессор. — Камни — это важнейшие составляющие вашей жизни: семья, здоровье, друзья, свои дети — все то, что необходимо, чтобы ваша жизнь все-таки оставалась полной даже в случае, если все остальное потеряется. Горошек — это то, что лично для

Умей дарить себя другим, не отнимая себя — у себя же.

Джорджио Бассани

Величайшая победа есть победа над самим собой.

Педро Кальдерон де ла Барка

вас стало важным: работа, дом, автомобиль. Песок — это все остальное, мелочи. Если сначала наполнить банку песком, не останется места, где могли бы разместиться горошек и камни. И также в вашей жизни, если тратить все время и всю энергию на мелочи, не остается места для важнейших вещей. Занимайтесь тем, что вам приносит счастье: играйте с вашими детьми, уделяйте время супругам, встречайтесь с друзьями. Всегда будет еще время, чтобы поработать, заняться уборкой дома, починить и помыть автомобиль. Занимайтесь, прежде всего, камнями, то есть самыми важными вещами в жизни; определите ваши приоритеты: остальное — это только песок.

Тогда студентка подняла руку и спросила профессора, какое значение имеет кофе?

Профессор улыбнулся.

— Я рад, что вы спросили меня об этом. Я это сделал просто, чтобы доказать вам, что, как бы ни была ваша жизнь занята, всегда есть немного места для чашечки кофе и праздного безделья.

Всегда поступайте правильно. Это удовлетворит одних и удивит других.

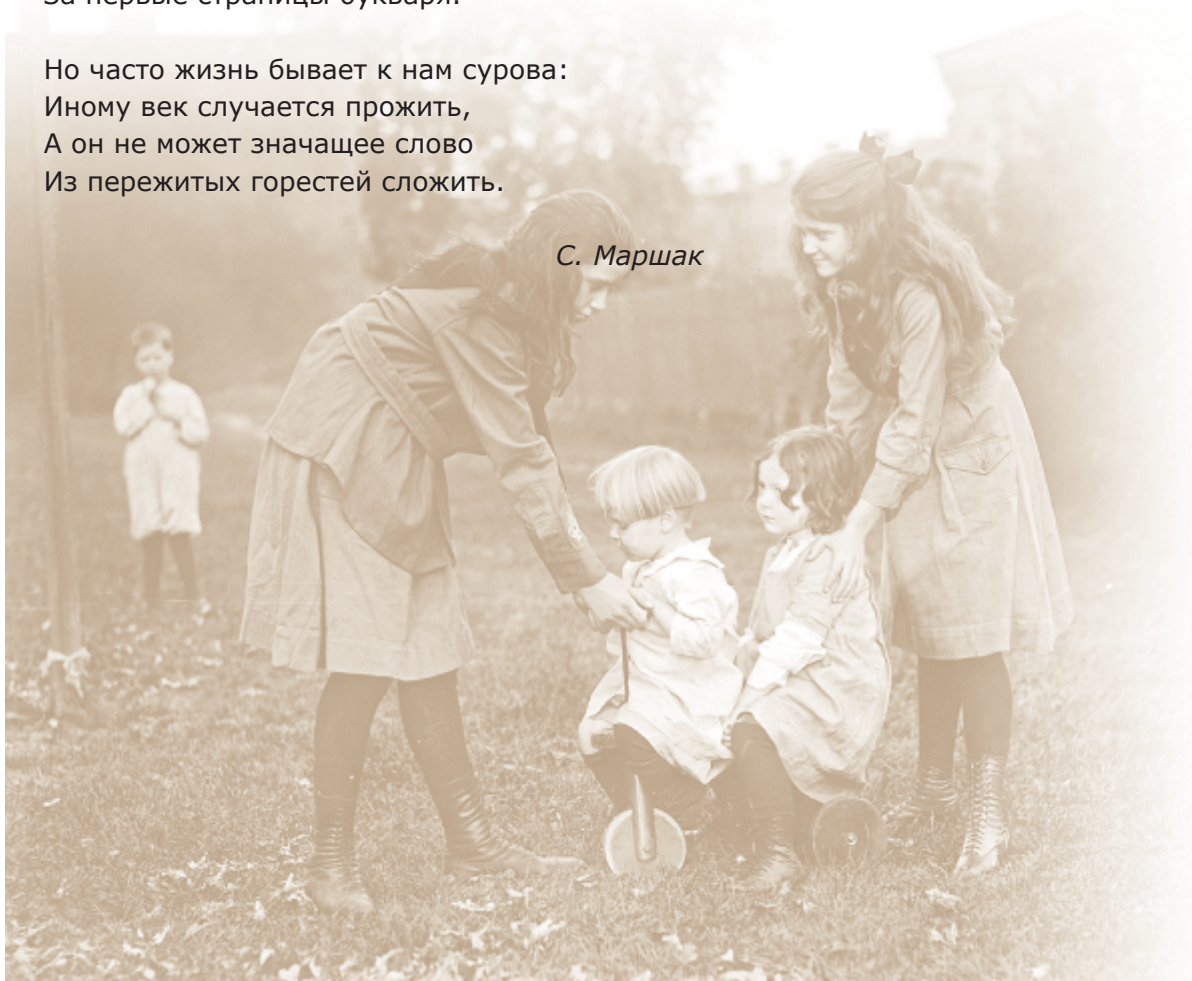
Марк Твен

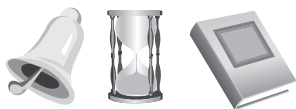
Когда, изведав трудности ученья,
Мы начинаем складывать слова
И понимать, что есть у них значенье —
«Вода», «огонь», «старик», «олень», «трава», —

По-детски мы удивлены и рады
Тому, что буквы созданы не зря,
И первые рассказы нам награда
За первые страницы букваря.

Но часто жизнь бывает к нам сурова:
Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей сложить.

С. Маршак

- Известны ли тебе случаи, когда один человек резко изменяет судьбу другого? Как это происходит?
- Связано ли это с профессией?
- Считаешь ли ты, что учитель и врач играют особую роль в жизни каждого из нас?

ДОКТОР ИВАН ИВАНЫЧ

Сперва ему, кажется, нравилось, что я ни о чем не могу его спросить, особенно когда он по ночам просыпался от каждого скрипа шагов за окном и долго лежал, опершись на локоть и прислушиваясь. Но прошло два—три дня, и он заинтересовался моей немотой.

— Ты почему не говоришь? Не хочешь?

Я молча смотрел на него.

— А я тебе скажу, что ты должен говорить. Ты слышишь, стало быть, должен говорить. Это, брат, редчайший случай, коли ты все слышишь — и немой. Может, ты глухонемой?

Я замотал головой.

— Ну, вот. Значит, заговоришь.

Он вынул из заплечного мешка какие-то инструменты, пожалел, что мало света, хотя был ясный солнечный день, и полез мне в ухо.

— Ухо вульгарис, — объявил он с удовольствием, — ухо обыкновенное.

Он отошел в угол и сказал шепотом: «Дурак».

— Слышал?

Я засмеялся.

— Хорошо слышишь, как собака. — Он подмигнул Сане, которая, разиня рот, смотрела на нас. — Отлично слышишь. Что же ты, милый, не говоришь?

Он взял меня двумя пальцами за язык и вытащил его так далеко, что я испугался и захрипел.

— У тебя, брат, такое горло! Чистый Шаляпин. Н-да!

Он с минуту смотрел на меня.

— Нужно учиться, милый, — серьезно сказал он. — Ты про себя-то можешь что-нибудь сказать? В уме?

Он стукнул меня по лбу.

— В голове, понимаешь?

Я промычал, что да.

— Ну, а вслух? Скажи вслух все, что ты можешь. Ну, скажи: «да».

Я почти ничего не мог. Но все-таки сказал:

— Да.

— Прекрасно! Еще раз.

Я сказал еще раз.

— Теперь свистни.

Я свистнул.

— Теперь скажи: «у».

Я сказал «у».

— Лентяй ты, вот что! Ну, повторяй за мной...

Он не знал, что я все говорил в уме. Без сомнения, именно поэтому с такой отчетливостью запомнились мне первые годы. Но от моей немой речи еще так далеко было до всех этих «е», «у», «ы», до этих незнакомых движений губ, языка и горла, в котором застревали самые простые слова. Мне удавалось повторять за ним отдельные звуки главным образом гласные, но соединять их, произносить их плавно, не «лаять», как он мне велел, — вот была задача!

Только три слова: «ухо», «мама» и «плита», получились сразу, как будто я произносил их когда-то, а теперь оставалось только припомнить. Так оно и было: мать рассказывала, что в два года я уже начинал говорить и вдруг замолчал после какой-то болезни.

Мой учитель спал на полу, покрывшись полушубком и положив под сеник какую-то металлическую светлую штуку, а я все ворочался, пил воду, садился на постели, смотрел в замерзшее узорами окно. Я думал о том, как я вернусь домой, как стану говорить с матерью, с тетей Дашей. Я вспомнил первую минуту, когда я понял, что не умею, не могу говорить: это было вечером, мать думала, что я сплю, и, бледная, прямая, с черными косами, переброшенными на грудь, долго смотрела на меня. Тогда впервые пришла мне в голову горькая мысль, отравившая мои первые годы: «Я хуже всех, и она меня стыдится». Повторяя «е», «у», «ы», я не спал до утра от счастья. Саня разбудила меня, когда был уже день.

— Я к бабушке бегала, а ты все спишь, — сказала она быстро. — У бабушки котенок пропал, его Мурка в котел снесла. А Иван Иванович где?

Сеник лежал на полу, и еще видны были примятые места: голова, плечи, ноги. Но самого Ивана Ивановича не было.

Исчез, пропал, ушел, никому не сказавшись! Грустный, я вышел во двор и обошел вокруг дома. Следы! Его следы, уже слегка запыленные снегом, шли прямо в поле, минуя дорогу, лежавшую в другой стороне. Все меньше становились они и, дойдя до пруда, исчезли на тропинке, по которой бабы ходили полоскать в проруби белье.

* * *

Всю зиму я учился говорить. С утра, едва проснувшись, и громко произносил шесть слов, которые Иван Иванович завещал мне произносить ежедневно: «кура», «седло», «ящик», «вьюга», «пьют», «Абрам». Как это было трудно! И как хорошо, как непохоже говорила эти слова сестра! Но я был настойчив. Точно заклинанье, которое должно было мне помочь, я повторял их по тысяче раз в день. Они мне снились. Я представлял себе какого-то загадочного Абрама, который сажает куру в ящик или уходит из дому в шляпе и несет на плече седло. Вьюга, пьют!

Язык мой не слушался, губы чуть двигались. Сколько раз я готов был побить Саню, которая невольно смеялась надо мной. По ночам я просыпался в тоске и чувствовал; нет, никогда я не научусь говорить, навсегда останусь уродом, как однажды назвала меня мать. Но в эту же минуту я пробовал сказать и это слово: урод. Я помню, как это

Молчание — самый надежный ответ на все противоречия, продиктованные дерзостью, вульгарностью или завистью.

Иоганн Георг Циммерман

удалось мне наконец, и я уснул счастливый. Иван Иванович велел мне учиться говорить, не двигая руками, чтобы отстать от той привычки глухонемых, которая уже довольно прочно во мне укоренилась. Положив руки в карманы, я глазами показывал на что-нибудь — на окно, на печь, на ведра — и громко, по слогам произносил это слово. Почему-то ударения мне не давались, я еще и до сих пор ставлю неправильные ударения...

Отдаленность измеряется не расстоянием. За оградой какого-нибудь сада порою скрывается больше тайн, чем за Китайской стеной, и молчание ограждает душу маленькой девочки надежнее, чем бескрайние пески Сахары ограждают одинокий оазис.

А. де Сент-Экзюпери

Я не заметил, когда окончилась весна. Но лето началось в тот день, когда «Нептун», свистя и грозно птясь задом, причалил к пристани, на которой мы с мамой ждали его с утра. Я часто думал зимой, как она будет поражена, услышав, что я говорю. А она только обняла меня и засмеялась. На пароходе она все думала — поднимала брови, покачивала головой, — должно быть, спорила с кем-то в уме. Я тоже думал и думал: мне представлялось, с какой важностью я буду разгуливать по двору и вдруг небрежно скажу что-нибудь, как будто всегда умел говорить. Заглядевшись на воду, я задремал и до смерти испугала во сне: мне померещилось, что я опять онемел.

— Мама, — сказал я шепотом.

Она молчала.

— Мама! — в ужасе заорал я.

Она обернулась.

Тетя Даша была в отъезде и вернулась недели через две. Вот кого я обрадовал и испугал! Мы сидели на кухне вечером. Она все спрашивала меня, как нам жилось в деревне, — спрашивала и сама же отвечала.

— Что же вы, бедняги, должно быть, скучали одни-то да одни? Кто же вам варил-то? Петровна? Петровна.

— Нет, не Петровна, — вдруг сказал я, — мы сами варили.

Никогда не забуду, какое лицо сделалось у тети Даши, когда я произнес эти слова. Открыв рот, она потрясла головой и икнула.

— И не скучали, — добавил я хохоча. — Только по тебе, тетя Даша, скучали. Что же ты к нам не приехала, а?

Она обняла меня.

— Милый ты мой, да как же это? Заговорил? Заговорил, голубчик ты мой! И молчит, еще притворяется, ах ты этакой! Ну, рассказывай!

И я рассказал ей о замерзшем докторе, постучавшемся в нашу избу, как мы прятали его трое суток, как он показал мне «е», «у», «ы» и заставил сказать «ухо».

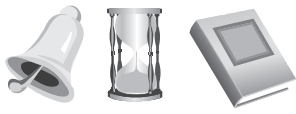
Вениамин Каверин

Два капитана

- Какие чувства испытывает мальчик к тому, кто помог ему избавиться от немоты?
- Почему никто из родных не научил его говорить?
- Считает ли он, что этот случайно встреченный человек изменил его судьбу?

Прочтите роман «Два капитана», чтобы узнать, что станет дальше с мальчиком.

- Попробуйте составить коллективный портрет бабушки: как она выглядит, что предпочитает, как строит отношения с внуками?

БАБУШКА: Внуки у нас подросли как раз к моему уходу на пенсию, так что мой «заслуженный отдых» оказался очень кстати. И вот уже почти десять лет я дома — с внучатами. Получилось так, что двое всегда при нас, мы живем вместе; двое приезжают на выходные и на лето, остальные бывают раза 3-4 в год — чаще просто не выходит: далеко живут.

И вот что я заметила: всех я люблю, конечно, но как по-разному складываются наши отношения! Что любовь даже у матери бывает разная, это я и раньше знала: к ней всегда примешивается то чувство острой жалости, то какой-то робости, то глубокого уважения, то удивления — свой «привкус», свой «оттенок» у любви к каждому ребенку. А с внуками вышло по-другому, здесь многое зависит от того, сколько мы бываем вместе. Вот когда я поняла и вдруг почувствовала, как сложно бывает с малышами, когда они растут не рядом, а где-то за тридевять земель. С теми, что живут у нас, мы понимаем друг друга с полуслова, полувзгляда, как камертоны, легко настраиваемся друг на друга — такого наслаждения от взаимопонимания я не испытывала даже с детьми.

А вот к внучатам, приезжающим раз в неделю, уже приходится сначала привыкать: ведь дней пять не виделись — они уже другие! Помогает, конечно, опыт, но опыт — это обобщенное знание, а здесь-то каждый — уникальная личность, которая успела измениться и... отвыкнуть от меня. Первый день приходится быть «на подступах», второй мы уже свои, а тут — снова расставание.

С остальными еще сложнее: три-четыре месяца перерыва — словно скачок в неизвестное. Тут уж приноравливаться заново и завоевывать их симпатию приходится неделями.

Вот после этого и думаю, думаю... Бабушки и дедушки все чаще становятся теперь п р и х о д я щ и м и, а от входящих, временных что внукам достается? Только гостинцы и нотации. Немного, честно говоря. Впрочем, старикам от внуков тоже ничего не перепадает, кроме спасибо и вежливых улыбок. На шею никто не кинется, не задохнется от счастья, как недавно моя Лелека. Мы с ней за все три года ее жизни почти не разлучались надолго, а тут меня не было около двух недель. Обняв меня крепко-крепко, она даже не могла вымолвить ничего, только постанывала: «А! а!» — и прижималась, прижималась щекой к моей щеке. А про гостинцы мы обе забыли...

Б. и Л. Никитины
Мы, наши дети и внуки

- К какой категории внуков относит себя каждый из вас?
- Чувствуешь ли ты необходимость общаться с родителями твоих родителей?
- Есть ли разница между тем, как ты ведешь себя с ними и как себя ведут другие внуки? Почему?
- Что бы ты хотел им сказать, но еще не сказал? Скажи, позвони или напиши.

- В нижеприведенном отрывке учитель рассказывает ученикам о своем детстве. Приходилось ли тебе разговаривать об этом с учителем? Интересно ли это тебе? Почему?

ФРАНЦУЗСКИЙ АППАРАТ

— Я был тогда во II классе. Было лето, шла война, и мама отправила меня в деревню, к дедушке и бабушке...

Представьте себе: на улице осенний дождь, погода скучная, мы находимся в классной комнате, они расположились как хотят, некоторые стоят рядом со мной, а я сижу на маленьком стульчике, и урок чтения прерывается. Рассказ о дедушке, о котором мы только что спорили, унес меня в воспоминания детства. Дети слушают меня с большим интересом и ясно представляют своего учителя в коротких штанишках, тоже неугомонного шалуна. Я рассказываю с грустью, иронизируя над собой, и они тоже — то смеются, то грустят.

— Дедушка готовился опрыскивать виноградники специальной жидкостью против заболевания листьев. Эту жидкость он наливал в аппарат, который потом перекидывал через спину; правой рукой он давил на рычаг, а в левой держал узкую длинную трубку, из головки которой неслись брызги синей жидкости и опрыскивали листья виноградника. Этот аппарат очень интересовал меня. Дедушка гордился своим аппаратом и не давал мне трогать его. Но я все же тайком разобрал его. Но как вы думаете, мог ли я его вновь собрать? Увидев испорченный аппарат, дедушка рассердился. «Кто это мог сделать? — возмутился он. — Вот бы я надрал ему уши!» Он прекрасно знал, что это было делом моих рук. Но как будто я тут был ни при чем, так он жаловался мне. А я не признавался, стыдился. «Ты посмотри, — говорил он мне, показывая на испорченную часть аппарата, — какой-то шалопай взял и испортил мой французский аппарат. Чем я теперь буду опрыскивать виноградники? Давай пойдем к мастеру». А тут и мастер подрос. «Ой, — говорит, — неужели этот глупец не понимал, что значит для виноградаря в такое жаркое лето аппарат для опрыскивания виноградников, да еще такой?! Где сейчас найдешь французский аппарат?» И подмигивает мне одним глазом. «Подойди, — говорит, — поддержи этот рычаг!» Он исправлял аппарат и все время говорил, что он делает, что происходит в аппарате, почему его нельзя разбирать... Прошло лето. И только когда я уже возвращался домой, я признался дедушке: «Дедушка, это я испортил твой аппарат. Прости меня, пожалуйста. Обещаю тебе, когда у меня будут деньги, я куплю тебе новый, хорошо?» Как вы думаете, что мне ответил дедушка?..

Так росло и крепло наше взаимное доверие друг к другу. Детям не нужно было скрывать от меня свои страсти. Я включался в их разговор как свой, советовал и советовался с ними, доверялся им и они доверялись мне...

Ш. Амонашвили
Как живете, дети?

- Объясни подчеркнутую фразу. О чем она говорит?
- Вспомни, приходилось ли тебе быть в таком же положении? Легко ли признаться в содеянном? Какое чувство испытываешь после признания?
- Следовало ли дедушке провести расследование и наказать внука?

- Как ты думаешь, что ответил внуку дедушка?
- Что бы ты сам ответил на его месте?

ОБЕЩАНИЕ

Марья Петровна часто ходит к нам чай пить. Марья Петровна всегда как только меня увидит, так сразу начинает приставать: кем я хочу быть. Я ей уже пять раз объяснял, а она все продолжает задавать один и тот же вопрос. Чудная. Она когда первый раз к нам пришла, на дворе была весна, деревья все распустились, и в окна пахло зеленью, и, хотя был уже вечер, все равно было светло. И вот мама стала меня посылать спать, и, когда я не хотел ложиться, эта Марья Петровна вдруг говорит:

— Будь умницей, ложись спать, а в следующее воскресенье я тебя на дачу возьму, на Клязьму. Мы на электричке поедем. Там речка есть и собака, и мы на лодке покажемся все троим.

И я сразу лег, и укрылся с головой, и стал думать о следующем воскресенье, как я поеду на дачу, и пробежусь босиком по траве, и увижу речку, и, может быть, мне дадут погрести, и уключины будут звенеть, и вода будет булькать, и с весел в воду будут стекать капли, прозрачные, как стекло. И я подружусь там с собачонкой, Жучкой или Тузиком, и буду смотреть в его желтые глаза, и потрогаю его язык, когда он его высунет от жары.

И я так лежал, и думал, и слышал смех Марьи Петровны, и незаметно заснул, и потом целую неделю, когда ложился спать, думал все то же самое. И когда наступила суббота, я почистил ботинки и зубы, и взял свой перочинный ножик, и наточил его о плитку, потому что мало ли какую я палку себе вырежу, может быть, даже ореховую.

А утром я встал раньше всех, и оделся, и стал ждать Марью Петровну. Папа, когда позавтракал и прочитал газеты, сказал:

— Пошли, Дениска, на Чистые, погуляем!

— Что ты, папа! А Марья Петровна? Она сейчас приедет за мной, и мы отправимся на Клязьму. Там собака и лодка. Я ее должен подождать.

Папа помолчал, потом посмотрел на маму, потом пожал плечами и стал пить второй стакан чаю. А я быстро дозавтракал и вышел во двор. Я гулял у ворот, чтобы сразу увидеть Марью Петровну, когда она придет. Но ее что-то долго не было. Тогда ко мне подошел Мишка, он сказал:

— Слазим на чердак! Посмотрим, родились голубята или нет...

— Понимаешь, не могу... Я на денек в деревню уезжаю. Там собака есть и лодка. Сейчас за мной одна тетенька приедет, и мы поедем с ней на электричке.

Тогда Мишка сказал:

— Вот это да! А может, вы и меня захватите?

Я очень обрадовался, что Мишка тоже согласен ехать с нами, все-таки мне с ним куда интереснее будет, чем только с одной Марьей Петровной. Я сказал:

— Какой может быть разговор! Конечно, мы тебя возьмем, с удовольствием! Марья Петровна добрая, чего ей стоит!

И мы стали вдвоем ждать с Мишкой. Мы вышли в переулочек и долго стояли и ждали,

и, когда появлялась какая-нибудь женщина, Мишка обязательно спрашивал:

— Эта?

И через минуту снова:

— Вон та?

Но это все были незнакомые женщины, и нам стало скучно, и мы устали так долго ждать.

Мишка рассердился и сказал:

— Мне надоело!

И ушел.

А я ждал. Я хотел ее дождаться. Я ждал до самого обеда. Во время обеда папа опять сказал, как будто между прочим:

— Так идешь на Чистые? Давай решай, а то мы с мамой пойдем в кино!

Я сказал:

— Я подожду. Ведь я обещал ей подождать. Не может она не прийти.

Но она не пришла. А я не был в этот день на Чистых прудах и не посмотрел на голубей, и папа, когда пришел из кино, велел мне уходить от ворот. Он обнял меня за плечи и сказал, когда мы шли домой:

— Это все еще будет в твоей жизни. И трава, и речка, и лодка, и собака... Все будет, держи нос повыше!

Но я, когда лег спать, я все равно стал думать про деревню, лодку и собачонку, только как будто я там не с Марьей Петровной гуляю, а с Мишкой и с папой или с Мишкой и мамой. И время потекло, оно проходило, и я почти совсем забыл про Марию Петровну, как вдруг однажды, пожалуйста! Дверь растворяется, и она входит собственной персоной. И сережки в ушах звяк-звяк, и с мамой чмок-чмок, и все садятся за стол и начинают пить чай. Но я не вышел к Марье Петровне, я сидел за шкафом, потому что я сердился на Марию Петровну.

А она сидела как ни в чем не бывало, вот что было удивительно! И когда она напилась своего любимого чаю, она вдруг ни с того ни с сего заглянула за шкаф и схватила меня за подбородок.

— Ты что такой угрюмый?

— Ничего, — сказал я.

— Давай вылезай, — сказала Марья Петровна.

— Мне и здесь хорошо! — сказал я.

Тогда она захохотала, и все на ней брякало от смеха, а когда отсмеялась, сказала:

— А чего я тебе подарю...

Я сказал:

— Ничего не надо!

Она сказала:

— Саблю не надо?

Я сказал:

— Какую?

— Буденновскую. Настоящую. Кривую.

Вот это да! Я сказал:

Говорить ясно получается только тогда, когда тебе есть что сказать.

Генри Уолд

Все можно получить в одиночестве, но только не характер.

Стендаль

Большинство ссор происходят оттого, что люди не выражают должным образом свои мысли и неверно толкуют мысли других.

Бенедикт Спиноза

— А у вас есть?

— Есть, — сказала она.

— А она вам не нужна? — спросил я.

— А зачем? Я женщина, военному делу не училась, зачем мне сабля? Лучше я тебе ее подарю.

И было видно по ней, что ей нисколько не жаль сабли. Я даже поверил, что она и на самом деле добрая. Я сказал:

— А когда?

— Да завтра, — сказала она. — Вот завтра придешь после школы, а сабля — здесь. Вот здесь, я ее тебе прямо на кровать положу.

— Ну ладно, — сказал я и вылез из-за шкафа, и сел за стол и тоже пил с ней чай, и проводил ее до дверей, когда она уходила.

И на другой день в школе я еле досидел до конца уроков и побежал домой сломя голову. Я бежал и размахивал рукой — в ней у меня была невидимая сабля, и я рубил и колот фашистов, и защищал черных ребят в Африке, и перерубил всех врагов Кубы. Я из них прямо капусту нарубил. Я бежал, а дома меня ждала сабля, настоящая буденновская сабля, и я знал, что, в случае чего, я сразу запишусь в добровольцы, и, раз у меня есть собственная сабля, меня обязательно примут. И когда я вбежал в комнату, я сразу бросился к своей раскладушке. Сабли не было. Я посмотрел под подушку, пошарил под одеялом и заглянул под кровать. Сабли не было. Не было сабли. Марья Петровна не сдержала слова. И сабли не было нигде. И не могло быть.

Я подошел к окну. Мама сказала:

— Может быть, она еще придет?

Но я сказал:

— Нет, мама, она не придет. Я так и знал.

Мама сказала:

— Зачем же ты под раскладушку-то лазил?..

Я объяснил ей:

— Я подумал: а вдруг она была? Понимаешь? Вдруг. На этот раз.

Мама сказала:

— Понимаю. Иди поешь.

И она подошла ко мне. А я поел и снова встал у окна. Мне не хотелось идти во двор.

Виктор Драгунский
Денискины рассказы

- Почему Дениска поверил маминой знакомой в первый раз?
- Было бы правильно, если бы он напомнил ей об обещанной поездке на дачу, когда она появилась снова?
- Видишь ли ты разницу между тем, когда лжет и не держит слово ребенок, и тем, когда это делает взрослый?
- Ответь, от имени Дениски, почему ему *не хотелось идти во двор*.
- Знаешь ли ты какой-либо способ борьбы с необязательностью?
- Есть ли у Марьи Петровны шанс, что Дениска поверит ей снова?

- Если тебе представится возможность выбрать между предметом фабричного и домашнего производства, что ты предпочтешь:
 - Фабричное или сшитое у портнихи платье?
 - Хлеб домашний или выпеченный на хлебзаводе?
 - Домашнюю или магазинную колбасу?
 - Домашнюю или фабричную мебель?
 - Почему?

САМОДЕЛКИ

Папа делал нам санки. Верстак помещался в коридоре. Пилил, размечал доски, строгал рубанком, фуганком. Долото, напильник, сверло, тиски — все пригодилось. Санки были зеленого цвета, полозья резные, на боковых сторонах — цветы, ветки, листья. Сиденье широкое, удобное, как бы из двух равных частей, чтобы мы с Наташей вдвоем сидели. Веревки продеты в специальное отверстие в середине перекладки.

В выходной папа повез нас покатать. Но санки не поехали. Дерево полозьев облепило снегом. Папа не прошел и двух шагов, санки затормозили, клюнули носом и стоят, сколько ни тяни. Согласны поехать только, когда мы вылезем. Ну и зачем они, если кататься нельзя? Ни шкурка, ни лак не помогли. Железные полозья достать трудно. Но через несколько дней папа достал их где-то и принес, долго чистил от ржавчины. Вначале она летела, как рыжий порошок. Приделал к санкам.

Мы пошли на горку к вечеру. Даже вторая смена кончила учиться. Ребят на горке полным-полно снизу доверху. Мы недолго катались. Большие мальчишки сбили нас, подняли наши зеленые санки с цветами повыше, и над головой у нас произошел примерно такой разговор:

- Фабричные, что ль? — наклонились к нам. — Чьи санки?
- Наши, — испуганным шепотом ответили мы.
- Вот дураки! Купили где? Ни у кого таких нет! Заграничные?
- Папа сделал.
- Самоделки! — Санки презрительно брошены в снег.

И вспоминать-то об этом не хочется, да что делать. Принесли мы зеленые санки домой, и как ни просили нас, ни уговаривали, сколько ни объясняли, ни упрашивали, все зря. Ни разу, ни за что не согласились мы кататься на этих санках. И куда их потом дели, не знаю. Никто, наверное, не любил вспоминать об этом.

А как весело папа строгал доски, когда делал санки для нас, как он измерял каждую

доску, помечая большим плотницким карандашом, как тер их наждачной шкуркой. А мы помогли, как могли, но чаще играли золотыми стружками, они были как волны в море...

Вот какие мы были глупые! Единственное утешение — малы еще были, и соображение маленькое, разума кот наплакал, ум — со свиной хвостик.

Татьяна Александрова
Друзья зимние, друзья летние

- Всегда ли для тебя мнение сверстников либо ребят постарше стоит дороже / значит больше, чем мнение взрослых?
- Считаешь ли ты, что девочки застыдились своих самодельных санок, потому что им было не по возрасту сложно понять, каких усилий эти санки стоили отцу?

ВСЕМ НЕ УГОДИШЬ

Как-то раз отец со своим сыном и осликом в полуденную жару путешествовал по пыльным улицам города. Отец сидел верхом на осле, а сын вел его за уздечку.

— Бедный мальчик, — сказал прохожий, — его маленькие ножки едва успевают за ослом. Как ты можешь лениво восседать на осле, когда видишь, что мальчишка совсем выбился из сил?

Отец принял его слова близко к сердцу. Когда они завернули за угол, он слез с осла и велел сыну сесть на него. Очень скоро повстречался им другой человек. Громким голосом он сказал:

— Как не стыдно! Малый сидит верхом на ослике, как султан, а его бедный старый отец бежит следом. Мальчик очень огорчился от этих слов и попросил отца сесть на ослика позади него.

— Люди добрые, видали вы где-либо подобное? — заголосила женщина под чадрой.
— Так мучить животное! У бедного ослика уже провис хребет, а старый и молодой бездельники восседают на нем, будто он диван, о несчастное существо!

Не говоря ни слова, отец и сын, посрамленные, слезли с осла. Едва они сделали несколько шагов, как встретившийся им человек стал насмехаться над ними:

— Чего это ваш осел ничего не делает, не приносит никакой пользы и даже не везет кого-нибудь из вас на себе? Отец сунул ослику полную пригоршню соломы и положил руку на плечо сына.

— Что бы мы ни делали, — сказал он, — обязательно найдется кто-то, кто с нами будет не согласен. Я думаю, мы сами должны решать, как нам путешествовать.

Восточная притча

- Как ты думаешь, какое решение примут теперь отец и сын?
- Какую цель преследовали прохожие, громко комментируя ситуацию, которая их не касалась?
- Почему отец и сын не отвечали, а принимали во внимание мнение прохожих?

- Можно ли составить мнение о ком-либо, не пообщавшись с ним?
- Как это происходит? На что ты обращаешь внимание?
- Считаешь ли ты, что умеешь разобраться в человеке по его лицу, жестам, мимике?
- Бывает ли так, что первое впечатление оказывается неверным?

НЕ ЗРЯ

Один способный молодой человек, жаждивший знаний и мудрости, испытывая многие лишения, изучал вдали от родины, в Египте, физиогномику, науку о выражении лица. Шесть лет длилось это учение.

И вот настал день, когда он прекрасно сдал все экзамены. Радостный и гордый, молодой человек верхом на коне возвращался на родину. На каждого встречного он уже смотрел глазами человека, познавшего мудрость науки, и, чтобы расширить и углубить свои знания, читал по выражению их лиц как по книге.

И вот повстречался ему человек, на лице которого он прочитал шесть свойств характера: ясно было, что он завистлив, ревнив, жаден, скуп, корыстолюбив и беспощаден. «Бог свидетель, какое страшное выражение лица у этого человека, никогда я еще не видел и не слышал ничего подобного. Вот когда я смог бы проверить свою теорию».

- Вспомни сцены из фильмов, когда еще не зная, как поступит герой или кто он такой, ты догадывался, что это отрицательный персонаж:
- На чем ты основывался?
- Что именно в лице или телосложении героя навело тебя на эту мысль?
- Подтвердилось ли твое предположение?
- Как теперь поступит юноша: попытается убежать от этого человека или попытается узнать его, чтобы проверить свои знания?

Быть лучше одному, чем вместе с кем попало.

Омар Хайям

Пока он так думал, незнакомец подошел к нему с приветливым, добродушным выражением лица и смиренно сказал:

— О господин! Уже поздно, а ближайшая деревня далеко. Моя хижина маленькая и темная, но я буду носить тебя на руках. Какая это была бы честь для меня, если бы я посмел считать тебя своим гостем на эту ночь, и как осчастливило бы меня твое присутствие!

- Как ты думаешь, следует ли путнику согласиться на это приглашение или же, поверив своей науке, он должен его отклонить?

Храните молчание. Пусть говорят факты. Недаром человеку даны двое ушей и один язык.

Эрнст Хайне

Наш путешественник с изумлением подумал: «Поразительно! Какой контраст между речами этого человека и отвратительным выражением его лица».

Эта мысль глубоко взволновала молодого человека, он стал сомневаться в том, что усвоил за все шесть лет учения.

Чтобы вновь обрести уверенность, он принял приглашение незнакомца.

Хозяин услаждал ученого чаем, кофе, соками, печеньем и кальяном. Он осыпал своего гостя любезностями и вниманием. Три дня и три ночи гостеприимному хозяину удалось удерживать путешественника у себя.

Наконец ученый пожелал избавиться от этого невероятного гостеприимства и принял твердое решение уехать.

В час расставания хозяин протянул ему конверт со словами:

- Как выглядит этот конверт?
- Что в нем находится?
- В какой стране происходят события?
- В каком веке?
- Как теперь поступит гость?

Многие получают советы, но только мудрые ими пользуются.

Публилий Сир

— О господин! Это ваш счет.

— Какой счет? — с удивлением спросил молодой человек.

Как выхваченный из ножен меч, вдруг обнажилось истинное лицо хозяина. Он нахмурил лоб и злобно закричал:

— Какая наглость! Что ты себе воображал, когда ел здесь и пил? Уж не думал ли ты, что все это было даром?

При этих словах ученый сразу пришел в себя и молча вскрыл конверт. Он увидел, что все, что он ел и не ел, было указано в счете по цене во стократ большей. У него не было при себе даже половины требуемой суммы. Пришлось слезть с лошади и отдать ее хозяину, а в придачу еще и седло со всей поклажей. Но и этого оказалось мало; тогда он снял с себя и отдал свой дорожный костюм.

Пешком отправился он в путь.

- О чем теперь думает юноша?
- По-прежнему ли он уверен в своих знаниях?
- Доволен ли он качеством полученного образования?
- Разочарован ли он или счастлив?

И долго еще можно было слышать его восторженные слова:

— Слава Богу, слава Богу, что шесть лет моего учения не были напрасны!

Восточная притча

- Случалось ли тебе думать, что ты выучил что-либо без необходимости или плохо усвоил, а потом убедиться, что выучил хорошо? Расскажи о таком случае.

Мне не нужно быть всем для всех — лучше я буду что-то значить для кого-то одного.

Яванская пословица

ФОТОГРАФИИ ДРУЗЕЙ

Деньги тратятся и рвутся,
забываются слова,
приминается трава,
только лица остаются
и знакомые глаза...
Плачут ли они, смеются —
не слышны их голоса.

Льются с этих фотографий
океаны биографий,
жизнь в которых вся, до дна,
с нашей переплетена.

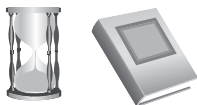
И не муки и не слезы
остаются на виду,
и не зависть и беду
выражают эти позы,
не случайный интерес
и не сожаленья снова...

Свет — и ничего другого,
век — и никаких чудес.
Мы живых их обнимаем,
любим их в пьем за них...

...только жаль, что понимаем
с опозданием на миг!

Булат Окуджава

- Как можно выразить любовь?
- Как можно ответить на признание?
- Зачем влюбленные пишут письма?
- Что может сделать влюбленный человек, если его чувство не разделено?

ФИАЛКИ ПО СРЕДАМ

— О Женни, оставайтесь!

За обедом Женни Сорбье была ослепительна. Она обрушила на гостей неистощимый поток всевозможных историй и анекдотов, которые рассказывала с подлинным актерским мастерством и вдохновением прирожденного писателя. Гостям Леона Лорана — очарованным, восхищенным и покоренным — время, проведенное в ее обществе, показалось одним волшебным мгновением.

— Нет, уже почти четыре часа, а ведь сегодня среда... Вы же знаете, Леон, в этот день я всегда отношу фиалки моему другу...

— Как жаль! — произнес Леон. — Впрочем, ваше постоянство всем известно... Я не стану вас удерживать.

Женни расцеловалась с дамами, мужчины почтительно поцеловали ей руку, и она ушла. Как только за ней закрылась дверь, гости наперебой принялись расточать ей восторженные похвалы.

— Она и впрямь восхитительна! Сколько лет ей, Леон?

— Что-то около восьмидесяти. Когда в детстве мать водила меня на классические утренники Комеди Франсез, Женни, помнится, уже блистала в роли Селимены. А ведь я тоже не молод.

— Талант не знает старости, — вздохнула Клер Менетрие. — А что это за история с фиалками?

— О, да тут целый роман... Она как-то поведала мне его, однако никогда об этом не писала... Но я просто не рискую выступить в роли рассказчика после нее. Сравнение будет для меня опасным.

— Да, сравнение вообще опасно. Но ведь мы у вас в гостях, и ваш долг — развлекать нас. Вы просто обязаны заменить Женни, раз уж она нас покинула.

— Ну что ж! Я попытаюсь рассказать вам историю фиалок по средам... Боюсь только, как бы она не показалась слишком сентиментальной по нынешним временам...

— Не бойтесь, — произнес Бертран Шмит. — Наше время жаждет нежности и любви.

Под напускным цинизмом оно прячет тоску по настоящим чувствам.

— Вы так думаете?.. Что ж... Если так, я постараюсь утолить эту жажду... Все вы, здесь сидящие, слишком молоды, чтобы помнить, как хороша была Женни в годы высшего расцвета своей славы. Огненно-рыжие волосы свободно падали на ее восхитительные плечи, лукавые раскосые глаза, звучный, почти резкий голос, в котором вдруг прорывалось чувственное волнение, — все это еще больше подчеркивало ее яркую и гордую красоту. Женни окончила консерваторию в 1895 году с первой премией и сразу же была приглашена в Комеди Франсез.

Очень скоро она стала одной из ведущих актрис театра. Директор в ней души не чаял. Драматурги наперебой требовали, чтобы она играла созданные ими трудные роли, уверяя, что никто, кроме нее, не сумеет донести их до публики. Критики с небывалым постоянством пели ей дифирамбы. Сам грозный Сарсэ, и тот писал о ней: «Один поворот ее головы, один звук ее голоса способен очаровать даже крокодила».

Представьте себе артистическое фойе в тот самый вечер, когда Женни вновь появилась в «Принцессе Багдадской» Дюма-сына. Все, кто видел Женни в главной роли, писали, что она сумела создать правдоподобный образ. Добавьте еще, что эта роль позволяла ей прибегнуть к эффектному приему: она распускала свои чудесные волосы, которые падали на прекрасные обнаженные плечи. Одним словом, Женни была великолепна.

В антракте, после овации, которую устроила ей публика, она вышла в артистическое фойе. Все тотчас столпились вокруг нее. Женни опустилась на диван, рядом с Анри Сталем. Она весело болтала с ним, вся во власти того радостного возбуждения, которое дает победа.

Вошедший капельдинер вручил ей цветы.

— От кого бы это? А, от Сен-Лу... От вашего соперника, Анри... Отнесите букет в мою уборную.

— И еще письмо, мадемуазель, — сказал капельдинер.

Распечатав послание, Женни звонко рассмеялась:

— Записка от лицеиста. Он пишет, что они создали в лицее «Клуб поклонников Женни».

— Вот еще просили вам передать, мадемуазель, — сказал подошедший снова капельдинер.

И он протянул Женни букетик фиалок за два су.

— О, как это мило, поглядите, Анри! А записки нет?

— Нет, мадемуазель. Швейцар сказал мне, что фиалки принес какой-то студент Политехнической Школы.

— Дорогая, — воскликнул Анри Сталь. — Позвольте вас поздравить! Право, потрясти этих «икс-игреков» не так-то просто.

Женни глубоко вдохнула запах фиалок.

— Какой дивный аромат! Только такие знаки внимания и радуют меня. Терпеть не могу солидную, довольную собой публику, ту, что является поглазеть, как я буду умирать, в полночь, точно так же, как в полдень спешит в Пале-Рояль — послушать, как стреляет пушка.

В каждом из нас слишком много винтов, колес и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам.

А. П. Чехов

— Зрители — садисты, — ответил Анри Сталь. — Они всегда такими были. Вспомните бои гладиаторов... Каким успехом пользовалась бы актриса, вздумавшая проглотить набор иголок!

Женни рассмеялась:

— А если какая-нибудь актриса вздумала бы проглотить швейную машину, слава ее достигла бы апогея! Послышался возглас: «На сцену!» Женни встала:

— Ну что ж, до скорого... Пойду глотать иголки!..

Вот так, по рассказу Женни, и началась вся эта история.

В следующую среду во время последнего антракта улыбающийся капельдинер снова принес Женни букетик фиалок.

— Вот как! — воскликнула она. — Неужто опять тот же студент?

— Да, мадемуазель.

— А каков он из себя?

— Не знаю, мадемуазель. Хотите, спрошу у швейцара?

— Нет, не стоит, какая разница...

В среду на следующей неделе спектакля не было, но когда в четверг Жени пришла на репетицию, букетик фиалок, на сей раз немного увядший, уже лежал в ее уборной. Покидая театр, она заглянула в каморку швейцара.

— Скажите-ка, Бернар, фиалки принес... все тот же молодой человек?

— Да, мадемуазель... В третий раз.

— А каков он из себя, этот студент?

— Он славный мальчик, очень славный... Пожалуй, немного худощав, щеки у него впалые и глаза печальные, небольшие черные усики и лорнет... Лорнет и сабля на боку — это, конечно, смешно... Право, мадемуазель, юноша, видимо, влюблен не на шутку... Всякий раз он протягивает мне свои фиалки со словами: «Для мадемуазель Женни Сорбье» — и заливаается краской...

— Отчего он всегда приходит по средам?

— А вы разве не знаете, мадемуазель? В среду у студентов Политехнической Школы нет занятий. В этот день они заполняют весь партер и галерку... Каждый приводит с собой барышню...

— И у моего есть барышня?

— Да, мадемуазель, да только это его сестра... Они так похожи друг на друга, просто диву даешься...

— Бедный мальчик! Будь у меня сердце, Бернар, я бы попросила вас хоть разочек пропустить его за кулисы, чтобы он мог сам вручить мне свои фиалки.

— Не советую, мадемуазель, никак не советую... Пока этих театральных воздыхателей почти не замечают, они не опасны. Они восхищаются актрисами издали, и это вполне их удовлетворяет... Но стоит показать им малейший знак внимания, как они сразу начнут докучать вам, и это становится ужасным... Протянешь им мизинец, они ладонь захватят... Протянешь ладонь — руку захватят. Смейтесь, смейтесь, мадемуазель, да только я-то знаю, как это бывает. Двадцать лет служу в этом театре! Уж сколько влюбленных барышень я повидал на своем веку в этой каморке... И свихнувшихся молодых людей... И стариков... Я всегда принимал цветы и записки, но никогда не пропускал никого из них наверх. Чего нельзя, того нельзя!

— Вы правы, Бернар. Что ж, будем холодны, осмотрительны и жестоки!

— Какая тут жестокость, мадемуазель, просто здравый смысл...

Прошли недели. Каждую среду Женни получала свой букетик фиалок за два су. Весь театр прослышал об этом. Однажды одна из актрис сказала Женни:

— Видела я твоего студента... Он очарователен, такая романтическая внешность... Прямо создан, чтобы играть в «Подсвечнике» или «Любовью не шутят».

— Откуда ты знаешь, что это мой студент?

— Я случайно заглянула к швейцару в ту самую минуту, когда он принес цветы и робко попросил: «Пожалуйста, передайте мадемуазель Женни Сорбье...» Это была трогательная картина. Видно, юноша умен и не хотел казаться смешным, но все же он не мог скрыть волнения... Я даже на минуту пожалела, что он не мне носит фиалки, уж я отблагодарила бы его и утешила... Заметь, он ничего не просил, даже не добивался разрешения увидеть тебя... Но будь я на твоём месте...

— Ты бы приняла его?

— Конечно, и уделила бы ему несколько минут. Ведь он так давно ходит сюда. К тому же и каникулы подоспели. Ты уедешь, так что нечего опасаться, что он начнет тебе досаждать...

— Ты права, — сказала Женни. — Сущее безумие пренебрегать поклонниками, когда они молоды и им нет числа, а потом гоняться за ними спустя тридцать лет, когда их останется совсем немного и все они обзаведутся лысиной...

Выходя в этот вечер из театра, она сказала швейцару:

— Бернар, в среду, когда студент опять принесет фиалки, скажите ему, чтобы он сам вручил их мне после третьего акта... Я играю в «Мизантропе». По роли я переодеваюсь всего один раз. Я поднимусь в свою уборную и там приму его... Нет, лучше я подожду его в коридоре, у лестницы или, может быть, в фойе.

— Хорошо. Вы не боитесь, мадемуазель, что...

— Чего мне бояться? Через десять дней я уеду на гастроли, а этот мальчик прикован к своей Политехнической Школе.

— Хорошо, мадемуазель... А все же, на мой взгляд...

В следующую среду Женни играла Селимену с особым блеском, вся во власти горячего желания понравиться незнакомцу. Когда наступил антракт, она ощутила острое любопытство, почти тревогу. Она устроилась в фойе и стала ждать. Вокруг нее снова ли завсегдатаи театра. Директор о чем-то беседовал с Бланш Пьерсон, слывшей в те времена соперницей Женни. Но нигде не было видно черного мундира. Охваченная нетерпением, взволнованная, Женни отправилась искать капельдинера.

— Никто меня не спрашивал?

— Нет, мадемуазель.

— Сегодня среда, а фиалок моих нет как нет. Может быть, Бернар забыл передать их... Или тут какое-нибудь недоразумение?

— Недоразумение, мадемуазель? Какое недоразумение? Если угодно, я схожу к швейцару?

— Да, пожалуйста... Впрочем, нет, не стоит. Я сама спрошу Бернара, когда пойду домой.

Она посмеялась над собой: «Странные мы создания, — подумала она, — в течение шести месяцев я едва замечала робкую преданность этого юноши. И вдруг сейчас только потому, что мне недостает этих знаков внимания, которыми я всегда пренебрегала, я волнуюсь, словно жду любовника...»

После спектакля она заглянула к швейцару.

— Ну как, Бернар, где мой поклонник? Вы не прислали его ко мне?

— Мадемуазель, как назло, сегодня он не приходил... В первый раз за полгода он не явился в театр — именно в тот самый день, когда мадемуазель согласилась его принять.

— Странно. Может быть, кто-нибудь предупредил его и он испугался?

— Нет, мадемуазель, что вы... Никто и не знал об этом, кроме вас и меня... Вы никому не сказали? Нет? Ну и я тоже молчал... Я даже жене ничего не говорил...

— Так как же вы все это объясните?

— А никак не объясню, мадемуазель... Может быть, случайно так совпало. А может быть, ему наскучило все это... Может быть, он захворал... Поглядим в следующую среду...

Но и в следующую среду опять не было ни студента, ни фиалок.

— Что же теперь делать, Бернар?.. Как вы думаете, может быть, приятели его помогут нам разыскать юношу? А может быть, обратиться к директору Политехнической Школы?

— Но как мы это сделаем, мадемуазель? Мы ведь даже не знаем его имени.

— И то правда, Бернар. Как все это грустно! Не везет мне, Бернар.

— Полно, мадемуазель. Вы с таким блеском провели этот сезон. Скоро вы уедете на гастроли, где вас ждут новые успехи... Разве не грех говорить, будто вам не везет!

— Вы правы, Бернар! Я просто неблагодарное существо... Да только уж очень я привыкла к своим фиалкам.

На следующий день Женни покинула Париж. Анри Сталь сопровождал ее в этой поездке. В какой бы гостинице ни остановилась Женни, ее комната всегда утопала в розах. Когда она возвратилась в Париж, она уже позабыла о романтическом студенте.

Спустя год она получила письмо от некоего полковника Женеврьер, который просил принять его по личному делу. Письмо было написано очень корректно, с большим достоинством, и не было никакой причины отказывать в свидании. Женни предложила полковнику навестить ее в один из субботних вечеров. Он пришел, одетый в черное штатское платье. Женни встретила его с той очаровательной непосредственностью, которой ее наделила природа и научила сцена. Но во всем ее поведении, естественно, проскальзывал немой вопрос: что нужно от нее этому незнакомцу? Она терпеливо ждала объяснений.

— Благодарю вас, мадемуазель, за то, что вы согласились принять меня. Я не мог объяснить в письме цель своего визита. И если я позволил себе просить вас о свидании, то, поверьте, не мужская дерзость тому причиной, а родительские чувства... Вы видите, я одет во все черное. Я ношу траур по сыну, лейтенанту Андре де Женеврьер, убитому на Мадагаскаре два месяца назад.

Женни сделала невольное движение, словно желая сказать: «Сочувствую вам от всего сердца, но только...»

— Вы не знали моего сына, мадемуазель, мне это известно... Но зато он знал вас и восхищался вами. Вам покажется это невероятным, а между тем все, что я расскажу вам сейчас, — чистейшая правда. Он любил и боготворил вас больше всех на свете...

Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

А. де Сент-Экзюпери

— Кажется, я начинаю понимать, полковник. Он сам поведал вам об этом?..

— Мне? Нет. Он рассказал обо всем сестре, которая была поверенной его тайны. Все началось в тот день, когда он пошел вместе с ней смотреть «Игру любви и случая».

Возвратившись домой из театра, дети мои с восхищением отзывались о вас: «Сколько тонкости и чистоты в ее игре, сколько волнующей поэзии!..» Они говорили еще много такого, что наверняка было справедливо, я в этом не сомневаюсь... И все же страстность, присущая молодости, ее готовность идеализировать... Мой бедный мальчик был мечтателем, романтиком.

— Боже мой, — воскликнула Женни, — так значит, это он...

— Да, мадемуазель, тот самый студент Политехнической Школы, который из месяца в месяц каждую среду приносил вам букетик фиалок, был мой сын — Андре... Это я тоже узнал от своей дочери. Надеюсь, подобное ребячество, наивный знак восхищения не рассердил вас?.. Он ведь так сильно любил вас или, быть может, тот созданный его воображением образ, который он носил в своем сердце... Стены его комнаты были увешаны вашими портретами... Сколько усилий стоило его сестре раздобыть у ваших фотографов какой-нибудь новый портрет!.. В Политехнической Школе приятели посмеивались над его страстью. «Напиши ей обо всем!» — говорили они.

— Жаль, что он этого не сделал...

— Сделал, мадемуазель! Я принес вам целую пачку писем, которые так и не были отправлены. Мы нашли их после его смерти.

Достав из кармана пакет, полковник вручил его Женни. Однажды она показала мне эти письма — почерк тонкий, стремительный, неразборчивый. Почерк математика, зато стиль поэта.

— Сохраните эти письма, мадемуазель. Они принадлежат вам. И простите меня за необычный визит... Мне казалось, что я обязан сделать это в память о сыне... В чувстве, которое вы ему внушали, не было ничего непочтительного, легкомысленного... Он считал вас олицетворением красоты и совершенства... Уверяю вас, Андре был достоин своей великой любви.

— Но отчего же он не пытался увидеть меня? Отчего я сама не постаралась встретиться с ним?.. Ах, как я ненавижу себя за это, как ненавижу...

— Не корите себя, мадемуазель... Вы же не могли знать... Тотчас после окончания Политехнической Школы Андре попросил направить его на Мадагаскар... Не скрою, причиной этого решения были вы... Да, он говорил сестре: «Одно из двух: или разлука излечит меня от этой безнадежной страсти, или же я совершу какой-нибудь подвиг и тогда...»

— Разве скромность, постоянство и благородство не лучше всякого подвига? — со вздохом произнесла Женни.

Заметив, что полковник собирается уходить, она порывисто схватила его за руки.

— Кажется, я не совершила ничего дурного, — сказала она, — и все же... И все же

Лучшая часть нашей жизни состоит из друзей.

Авраам Линкольн

Любовь — это неведомая страна, и мы все плывем туда каждый на своем корабле, и каждый из нас на своем корабле капитан и ведет корабль своим собственным путем.

М. М. Пришвин

сдается мне, что и у меня есть долг по отношению к покойному, не успевшему вкостить радости жизни... Послушайте, полковник, скажите мне, где похоронен ваш сын... Клянусь вам: пока я жива, я каждую среду буду приносить букетик фиалок на его могилу.

— Вот почему, — закончил свой рассказ Леон Лоран, — вот почему наша Женни, которую многие считают женщиной скептической, сухой, даже циничной, неизменно каждую среду покидает друзей, работу и порой любимого человека и идет одна на кладбище Монпарнас, к могиле незнакомого ей лейтенанта... Ну вот, теперь вы и сами видите, что я был прав, — история эта слишком сентиментальна для нынешних времен.

Наступило молчание. Затем Бертран Шмит сказал:

— На свете всегда будет существовать романтика для того, кто ее достоин.

Андре Моруа

Пер. с франц. С. Тархановой

- В чем выражается преданность Женни?
- Почему отец Андре осмелился прийти к актрисе?
- Как могла бы Женни выразить свое постоянство?
- Сколько лет она носит фиалки на могилу бывшего студента Политехнической Школы?
- Почему лицеист приносил Женни фиалки, а не более роскошные цветы?

- Какие обязанности у дежурного?
- Почему может возникнуть заминка на уроке?
- Чем можно сегодня заменить мел и доску?
- Что ты предпринимаешь, если не подготовился к уроку?

МЕЛ

В этот день Васек Трубачев дежурил. В паре с ним был Саша Булгаков.

— Давай так дежурить, чтоб ни сучка, ни задоринки, — уславливались мальчики.

Первые три урока прошли без запинки. На большой перемене Сашу вызвала мать.

— Васек, положи мел, вытряхни тряпку. Проверь, чтобы все было в порядке. Я сейчас! — крикнул он, убегая.

Васек, закрывшись один в классе, протер парты, вытряхнул в форточку тряпку, сбежал за мелом, подлил в чернильницы свежих чернил. Когда Саша вернулся, осталось только подмести пол.

Пока дежурные наводили в классе чистоту, в укромном уголке раздевалки Русаков с расстроенным лицом говорил Мазину:

— Обязательно он меня вызовет! Пропал я, Колька!

На четвертом уроке был русский язык. Учитель сказал, что будет вызывать тех, у кого плохая отметка.

— Не надо было по собачьим следам рыскать. Взял бы да почитал грамматику... Я хоть по географии хорошо ответил, а ты что? — сердился Мазин. — Чересчур уж... Ни

по одному предмету ничего не знаешь.

— По арифметике лучше тебя еще... Да все равно мне пропадать сегодня.

Мазин нахмурился.

— Я подскажу тебе.

Русаков махнул рукой:

— Будет мне дома! Отец да еще мачеха...

— Да ведь она уже неделю у вас живет, и ничего еще не было.

— Придаться не к чему было. Она начнет разговаривать со мной, а я молчу... А сегодня... — Русаков покрутил головой и умоляюще посмотрел на Мазина: — Ты бы придумал что-нибудь, Коля.

— Придумаешь тут.

Оба мальчика постояли молча. Прислонившись к вешалке, Мазин задумчиво вертел чью-то пуговицу. Потом толстые вялые щеки его вдруг начали оживать, он выпятил вперед нижнюю губу и, притянув к себе товарища, зашептал что-то ему на ухо, а потом добавил вслух:

— Надо время затянуть, понимаешь... чтобы он не успел тебя спросить до звонка.

Русаков понятиливо кивнул головой.

— А вдруг он меня первого? — испуганно спросил он.

— А вдруг пол провалится? — передразнил его Мазин.

Звонок рассадил всех по местам. Васек привстал с парты. Все в порядке: тряпка, мел, чернильница... Он заметил на полу скомканную промокашку и погрозил ребятам кулаком: только бросьте еще!

Сергей Николаевич вошел в класс.

Мазин бросил быстрый взгляд на Русакова:

— Сергей Николаевич! Сейчас в пруду девочка утонула, в полынье...

Ребята живо повернулись к Мазину:

— Какая девочка?

— Маленькая?

— Где? Где?

Мазин откашлялся.

— Небольшая девочка... — Он еще раз откашлялся. — Годика три... Она так шла, шла, с саночками...

— Ой, с саночками!

Мазин привстал и обернулся к классу:

— Ну да, с саночками. Да как провалится вдруг... весь лед на пруду треснул под ней...

— Ой, бедненькая! — заволновались девочки. — Так сразу и провалилась?

— Поговорим об этом после уроков, — сказал Сергей Николаевич, усаживая Мазина движением руки и раскрывая классный журнал. — Синицына! — вызвал он.

Мазин хрустнул пальцами и уставился в потолок. Нюра одернула под партой платье и с вытянутым лицом пошла к доске.

— А вы пишете в тетрадях, — сказал Сергей Николаевич, перелистывая учебник.

— У меня перо сломалось, — неожиданно

Лучший брак разумного человека
— взять в приданое за женой хороший
характер.

Гиппонакс

Остаться без друзей — самое горшее,
после нищеты, несчастье.

Даниэль Дефо

заявил Русаков, поднимая вверх ручку.

Учитель вынул из бокового кармана корбочку и положил ее на стол:

— Пожалуйста, возьми себе перо.

Русаков толкнул Мазина и пошел к столу.

Мазин поднял руку.

— А у меня царапает, — сказал он.

— Подойди и ты к столу.

Учитель подошел к передним партам и спросил:

— Кто еще пришел в класс, не заготовив себе хорошее перо?

Трубачев беспокойно заерзал на парте. Ребята молчали. Мазин за спиной Русакова протянул руку к доске, схватил мел и спрятал его в карман.

— Все с перьями? — еще раз спросил учитель.

— Все!

— Значит, только вот эти двое... — Учитель повернулся к Мазину и Русакову и вынул часы: — Вы отняли у нас три минуты. Сядьте оба.

Русаков и Мазин пошли к своим партам.

— Пишите, — сказал Сергей Николаевич: «Колхозники рано начнут сев...»

Синицына беспокойно завертелась у доски. Она присела на корточки, пошарила руками по полу и, повернувшись к ребятам, вытянула в трубочку губы.

— Ме-е-ел! — раздался ее пронзительный шепот. Васек поднял голову. Саша повернулся к нему и тихо спросил:

— Где мел?

— Я клал, — взволнованно ответил Васек. Сергей Николаевич постучал пальцами по столу.

— Ищи-и! — зашипели на Синицыну ребята. Синицына испуганно развела руками.

Лицо Сергея Николаевича потемнело.

— Одинцов, сбегай за мелом, живо!

Одинцов опрометью бросился из класса.

— Кто сегодня дежурный?

Васек встал, чувствуя, как кровь приливает к его щекам. Рядом встал Саша Булгаков.

Сергей Николаевич поднял брови:

— Трубачев? Булгаков? Булгаков, ты к тому же и староста.

Саша вытянул шею и замер.

— Надо лучше знать свои обязанности, — резко сказал учитель. — Садитесь!

Не глядя ни на кого, Васек опустился на место. Ему казалось, что сзади него перешептываются девочки. Неподалеку слышалось тяжелое дыхание Мазина — ему было жарко. Русаков, забыв обо всем на свете, считал минуты. Одинцов, запыхавшийся от бега по лестнице, принес мел и от волнения протянул его прямо учителю.

— Положи на место, — сказал Сергей Николаевич.

Синицына перехватила из рук Одинцова мел и, держа его наготове, тарасила на учителя глаза.

«Колхозники рано начнут сев...» — снова продиктовал учитель.

Урок пошел как обычно. Синицына разбирала предложения бойкой скороговоркой.

«И куда торопится, лягушка эдакая?» — с тревогой думал Русаков.

Люди не могут подарить тебе то, чего не получают от тебя.

Фридрих Шиллер

В классе было тихо. Сергей Николаевич вызывал, спрашивал, но ребята чувствовали, что он недоволен.

Звонок, как свежий студень ручей, ворвался из коридора и разлился по классу. Ребята облегченно вздохнули. Сергей Николаевич взял портфель.

Когда за ним закрылась дверь, ребята повскакали с мест и окружили Трубачева и Булгакова:

— Что же вы? Как это вы?

— Не могли мел положить!

— Осрамили! Весь класс осрамили!

— Честное пионерское... — начал Саша и, возмущенный, повернулся к Трубачеву: — Я на тебя, как на себя самого, надеялся!

— А я что? Что я? — сразу вскипел Трубачев.

— Ты сказал, что у тебя все в порядке, а сам...

— Что — сам? — подступил к нему Васек.

На щеках у него от обиды расплылись красные пятна.

— Дисциплина! — крикнул кто-то из ребят. — А сами еще всех подтягивают!

— И на девочек нападают, — пискнула Синицына.

— Молчите! — с бешенством крикнул Васек и обернулся к Саше: — Говори, что я сделал?

— Мел не положил, вот что!

— Кто не положил?

— Ты! — бросил ему в лицо Саша. — Весь класс подвел.

— Врешь! — топнул ногой Васек. — Я все проверил, и все было, — нечего на меня сваливать!

— Я не сваливаю. Я еще больше отвечаю! Я староста!

— Староста с иголкой! Тебе только сестричек нянчить! — выбрасывая из себя всю накопившуюся злобу, выкрикнул Васек.

— Трубачев! — сорвался с места Малютин.

— А-а, ты так... этим попрекаешь!.. — Саша поперхнулся словами и, сжав кулаки, двинулся на Васю. Тот боком подскочил к нему.

— Разойдись! Разойдись! — выпрыгнул откуда-то Одинцов.

Несколько ребят бросились между поссорившимися товарищами:

— Булгаков, отойди!

— Трубачев, брось!

— Перестаньте! Перестаньте! — кричали девочки. Валя и Лида хватили за руки Трубачева. Одинцов держал Сашу.

— Ты мне не товарищ больше! Я плевать на тебя хочу! — кричал через его плечо Саша.

— Староста! — презрительно бросил Васек, отходя от него и расталкивая локтями собравшихся ребят. — Пустите! Чего вы еще?

Сева Малютин загородил ему дорогу:

— Трубачев, так нельзя, ты виноват!

Васек смерил его глазами и, схватив за плечо, отшвырнул прочь. Класс ахнул. Надя Глушкова заплакала.

Валя Степанова бросилась к Малютину.

Васек хлопнул дверью.

Мазин и Русаков стояли молча в уголке класса.

Когда Трубачев вышел, Мазин повернулся к Русакову и с размаху дал ему по шее.

— За что? — со слезами выкрикнул Русаков.

— Сам знаешь, — тяжело дыша, ответил Мазин.

Ребята удивленно смотрели на них:

— Еще драка!

Но Мазин уже выходил из класса, спокойно советуя следовавшему за ним Русакову:

— Не реви, хуже будет.

Валентина Осеева

Васек Трубачев и его товарищи

- Как бы ты объяснил учителю, кто здесь виноват и в чем?
- Кого ты пожалел? Кто заслуживает порицания?
- Как бы ты поступил на месте Мазина?

ЭТО ИХ ПРОБЛЕМА

...Сосед пришел жаловаться на Пета. Сын соседа Эдди и Пет катались на велосипедах. Пет наехал на Эдди, тот упал и ушибся. Обоим мальчикам исполнилось девять лет. Сосед бы очень рассержен и требовал, чтобы отец наказал Пета, так как он постоянно первым начинает драки. «Мне очень жаль, что вы из-за этого так расстроились. Но вам не кажется, что драки между мальчиками — эти их проблема?» — спросил отец Пета. Сосед удивленно посмотрел на него и спросил: «Что вы хотите этим сказать?» — «Я хочу сказать, что не вмешиваюсь в отношения Пета с друзьями. Я уверен, что мальчики смогут уладить это дело, если мы оставим их в покое». — «Но страдает всегда Эдди. Ему все время попадает от Пета. И мне это надоело». Отец еле удержался от улыбки, поскольку Эдди был выше и значительно упитаннее его сына. «Пет тоже часто приходит домой в ушибах. Мне просто кажется, что, если мы с вами не будем в это вмешиваться, мальчикам самим надоест ходить в синяках и они как-нибудь уладят ссоры». — «А я думаю, что вам пора обуздать своего сына». — «Я не знаю, как можно решить этот вопрос. Если только применить физическую силу и не отпускать сына от себя ни на минуту? Я не думаю, что такая мера поможет ему наладить хорошие отношения с другими ребятами и решить возникающие у них проблемы. Разумеется, я поговорю с Петом и постараюсь ему все объяснить. Но больше я ничем помочь вашему Эдди не могу».

Когда сосед ушел, появился Пет, слышавший разговор из другой комнаты. У него бы немного хвастливый, но нерешительный вид. С минуту отец и сын внимательно смотрели друг на друга. Отец молчал. «Он ехал по обочине и...» — начал сын. «Пет, я не хочу выслушивать подробности. Мне кажется, что тебе и Эдди нравятся эти драки.

Нужно знать других, чтобы познать самого себя.

Людвиг Борн

По-моему, они очень раздражают его родителей». Пет только ухмыльнулся. «Может быть, вы с Эдди найдете себе другое развлечение? Дело ваше. Посмотрим, что будет дальше. Наверное, мне придется серьезно подумать о твоём поведении».

Р. Дрейкурс, В. Золц
Счастье вашего ребенка

- Случалось ли тебе подшутить над кем-то, кто не оценил шутки?
- Не изменилось ли впоследствии твоё отношение к этому розыгрышу?
- Любишь ли ты, когда разыгрывают тебя?

НАХОДКА

Однажды мы с Лелей взяли коробку от конфет и положили туда лягушку и паука. Потом мы завернули эту коробку в чистую бумагу, перевязали её шикарной голубой ленточкой и положили этот пакет на панель против нашего сада. Как будто бы кто-то шел и потерял свою покупку.

Положив этот пакет возле тумбы, мы с Лелей спрятались в кустах нашего сада и, давась от смеха, стали ждать, что будет.

И вот идет прохожий.

Увидев наш пакет, он, конечно, останавливается, радуется и даже от удовольствия потирает себе руки. Еще бы: он нашел коробку конфет — это не так-то часто бывает в этом мире.

Затаив дыхание, мы с Лелей смотрим, что будет дальше.

Прохожий нагнулся, взял пакет, быстро развязал его и, увидев красивую коробку, еще того более обрадовался.

И вот крышка открыта. И наша лягушка, соскучившись сидеть в темноте, выскакивает из коробки прямо на руку прохожего.

Тот ахает от удивления и швыряет коробку подальше от себя.

Тут мы с Лелей стали так смеяться, что повалились на траву.

И мы смеялись до того громко, что прохожий обернулся в нашу сторону и, увидев нас за забором, тотчас все понял.

В одно мгновение он ринулся к забору, одним махом перепрыгнул его и бросился к нам, чтобы нас проучить.

Мы с Лелей задали стрекача.

Мы с визгом бросились через сад к дому.

Но я запнулся о грядку и растянулся на траве.

И тут прохожий довольно сильно отодрал меня за ухо.

Я громко закричал. Но прохожий, дав мне еще два шлепка, спокойно удалился из сада.

Большая душа никогда не бывает одинокой. Как бы судьба ни отнимала у нее друзей, она в конце концов всегда их себе создает.

Ромен Роллан

На крик и шум прибежали наши родители.

Держась за покрасневшее ухо и всхлипывая, я подошел к родителям и пожаловался им на то, что было.

Моя мама хотела позвать дворника, чтобы с дворником догнать прохожего и арестовать его.

И Леля уже было кинулась за дворником. Но папа остановил ее. И сказал ей и маме:

— Не зовите дворника. И не надо арестовывать прохожего. Конечно, это не дело, что он отодрал Миньку за уши, но на месте прохожего я, пожалуй, сделал бы то же самое.

Услышав эти слова, мама рассердилась на папу и сказала ему:

— Ты ужасный эгоист!

И мы с Лелей тоже рассердились на папу и ничего ему не сказали. Только я потерял свое ухо и заплакал. И Лелька тоже захныкала. И тогда моя мама, взяв меня на руки, сказала папе:

— Вместо того, чтобы заступаться за прохожего и этим доводить детей до слез, ты бы лучше объяснил им, что есть плохого в том, что они сделали. Лично я этого не вижу и все расцениваю как невинную детскую забаву.

И папа не нашелся, что ответить. Он только сказал:

— Вот дети вырастут большими и когда-нибудь сами узнают, почему это плохо.

И вот проходили годы. Прошло пять лет. Потом десять лет прошло. И наконец прошло двенадцать лет.

Прошло двенадцать лет, и из маленького мальчика я превратился в молодого студента лет так восемнадцати.

Конечно, я забыл и думать об этом случае. Более интересные мысли посещали тогда мою голову.

Но однажды вот что произошло.

Весной, по окончании экзаменов, я поехал на Кавказ. В то время многие студенты брали на лето какую-нибудь работу и уезжали кто куда. И я тоже взял себе должность — контролера поездов.

Я был бедный студентик и денег не имел. А тут давали бесплатный билет на Кавказ и вдобавок платили жалованье. И вот я взял эту работу. И поехал.

Приезжаю сначала в город Ростов, для того чтобы зайти в управление и получить там деньги, документы и шипчики для пробивания билетов.

А наш поезд опоздал. И вместо утра пришел в пять часов вечера.

Я сдал мой чемодан на хранение. И на трамвае поехал в канцелярию.

Прихожу туда. Швейцар мне говорит:

— К великому сожалению, опоздали, молодой человек. Канцелярия уже закрыта.

— Как так,— говорю,— закрыта. Мне же надо сегодня получить деньги и удостоверение.

Швейцар говорит:

— Все уже ушли. Приходите послезавтра.

— Как так,— говорю,— послезавтра? Тогда лучше уж завтра зайду.

Швейцар говорит:

— Завтра праздник, канцелярия не работает. А послезавтра приходите и все, что надо, получите.

Я вышел на улицу. И стою. Не знаю, что мне делать.

Впереди два дня. Денег в кармане нет — всего осталось три копейки. Город чужой — никто меня тут не знает. И где мне остановиться — неизвестно. И что кушать — непонятно.

Я побежал на вокзал, чтобы взять из моего чемодана какую-нибудь рубашку или полотенце, для того чтобы продать на рынке. Но на вокзале мне сказали:

— Прежде чем брать чемодан, заплатите за хранение, а потом уж его берите и делайте с ним что хотите.

Кроме трех копеек, у меня ничего не было, и я не мог заплатить за хранение. И вышел на улицу еще того более расстроенный.

Нет, сейчас бы я так не растерялся. А тогда я ужасно растерялся. Иду, бреду по улице неизвестно куда и горюю.

И вот иду по улице и вдруг на панели вижу: что такое? Маленький красный плюшевый кошелек. И, видать, не пустой, а туго набитый деньгами.

На одно мгновение я остановился. Мысли, одна другой радостнее, мелькнули у меня в голове. Я мысленно увидел себя в булочной за стаканом кофе. А потом в гостинице на кровати, с плиткой шоколада в руках.

Я сделал шаг к кошельку. И протянул за ним руку. Но в этот момент кошелек (или мне это показалось) немного отодвинулся от моей руки.

Я снова протянул руку и уже хотел схватить кошелек. Но он снова отодвинулся от меня, и довольно далеко.

Ничего не соображая, я снова бросился к кошельку.

И вдруг в саду, за забором, раздался детский хохот. И кошелек, привязанный за нитку, стремительно исчез с панели.

Я подошел к забору. Какие-то ребята от хохота буквально катались по земле.

Я хотел броситься за ними. И уже схватился рукой за забор, чтоб его перепрыгнуть. Но тут в одно мгновение мне припомнилась давно забытая сценка из моей детской жизни.

И тогда я ужасно покраснел. отошел от забора. И медленно шагая, побрел дальше.

Ребята! Все проходит в жизни. Прошли и эти два дня.

Вечером, когда стемнело, я пошел за город и там, в поле, на траве, заснул.

Утром встал, когда взошло солнышко. Купил фунт хлеба за три копейки, съел и запил водичкой. И целый день, до вечера, без толку бродил по городу.

А вечером снова пришел в поле и снова там переночевал. Только на этот раз плохо, потому что пошел дождь и я промок как собака.

Рано утром на другой день я уже стоял у подъезда и ожидал, когда откроется канцелярия.

И вот она открыта. Я, грязный, взлохмаченный и мокрый, вошел в канцелярию.

Чиновники недоверчиво на меня посмотрели. И сначала не захотели мне выдать деньги и документы. Но потом выдали.

И вскоре я, счастливый и сияющий, поехал на Кавказ.

Что трудно? Познать себя. А что легко? Давать другим советы.

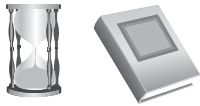
Талес

Михаил Зощенко

Леля и Минька

- Почему некоторые вещи детям кажутся невинной забавой, а взрослым — глупой шуткой?
- Вспомните выходки старухи Шапокляк из мультфильма про Чебурашку и Крокодила Гену: можно ли их считать шутками?
- Какие чувства переживает рассказчик по прошествии времени?
- Могут ли подобные истории остановить желающего «пошутить»?

Героиня романа Вениамина Каверина «Открытая книга» не помнит своего отца, он уехал в Сибирь, когда она была маленькой. После смерти матери Таня мечтает о встрече с ним.

- Как это может произойти?
- Случалось ли тебе мечтать о встрече с незнакомым, но родным человеком?
- Что из твоих ожиданий оправдалось, когда встреча состоялась?

ОТЕЦ

В последнее время я часто думала об отце — между прочим, задолго до маминой смерти. Однажды, тайком от мамы, я написала ему на Камчатку и получила ответ, что такой-то уже не работает в Петропавловске, а переехал на станцию Алексеевск Амурской железной дороги. Это было странно — по карте от Петропавловска до Алексеевска было три тысячи верст. Я подумала — и не стала больше писать. Но когда мама умерла, я снова послала отцу письмо и с тех пор стала думать о нем очень часто. Прежний, давно забытый образ сильного, влиятельного человека, которым за эти годы должен был стать мой отец, вернулся ко мне, хотя теперь, разумеется, я не представляла его в виде Робинзона Крузо, одетого с ног до головы в шкуры из соболей и черно-бурых лисиц. Почему-то мне казалось, что я получу от него телеграмму: «Глубоко скорблю выезжаю встречай», — и зимним утром поеду на станцию рано-рано, когда две длинные, поблескивающие, убегающие от пустой платформы полосы будут смутно видны в темноте. Вот на пустой, заиндевевшей платформе я стою и волнуюсь — мне страшно, что он не сразу узнает меня. Вот, гремя и выпуская из-под колес облако пара, приближается поезд, и высокий, полный военный в небрежно распахнутой шинели выходит из вагона. У отца свободные, уверенные движения; он говорит, и я слышу сильный, повелительный голос. Остановившись, он обводит глазами платформу и находит меня:

«Таня!»

И, плача от радости, я бросаюсь к нему...

Выйдя на кухню, я с недоумением уставилась на маленького гражданина, который сидел у стола, держа на коленях картуз, а теперь встал и неопределенно улыбнулся, увидев меня.

Я спросила:

— Вы ко мне?

— Да-с.

На нем была русская рубашка, некрасиво торчавшая из-под измятого пиджака. Я ничего не чувствовала, только смотрела на его редкие пушистые волосики, на белокурые седеющие усы, слишком большие для такого маленького лица, и старалась вспомнить: «Где я видела этого человека?»

— Не узнаете?

— Знакомое лицо, — сказала я неуверенно.

Он засмеялся.

— Вот так инцидент, — сказал он добродушно, — родная дочь — и не узнает. Получается драма.

Он сказал: «родная дочь», и Агаша, например, поняла это выражение в буквальном смысле, то есть что я родная дочь этого человека. Она стала толкать меня к нему, сердиться. Я отстранила ее. Я не поняла: почему родная дочь? что это значит: «получается драма»?

В эту минуту маленькое усатое лицо дрогнуло, глаза запрыгали, носик покраснел... Странное чувство, что мы вдруг перестали быть далекими, чужими, передалось от него ко мне, мгновенно смешавшись с разочарованием, жалостью, изумлением. Я спросила дрожащим голосом:

— Отец?

Он всхлипнул и обнял меня...

Помнится, я зачем-то вернулась в комнату старого доктора и сказала Андрею шепотом:

— Вернулся отец.

И Андрей с изумлением посмотрел на меня.

Потом мы пошли домой, и я заметила, что отец очень лихо попрощался с Агашей — закрутил усы и щелкнул каблуками. Он еще не спросил меня о маме... я ждала с нетерпением — сейчас! Но он все толковал, что купил у китайских купцов бархат на платье, но они обманули его.

— Ведь у нас как, — сказал он с гордостью, — попавши в Петропавловск — продажа, баня, покупка вещей, рубашка шелковая, шаровары плисовые, сапоги лакированные, часы серебряные с двухаршинной цепочкой.

На улице Карла Либкнехта он остановился и стал двумя пальцами похлопывать себя по губам; потом я узнала, что он всегда делал это движение, когда что-нибудь затрудняло или смущало его.

— Значит, теперь такая картина... — сказал он. — Адская вещь, а? Я ведь с женой приехал.

Должно быть, я растерялась, потому что тетрадки, в которых были записаны лекции, вдруг посыпались из моих рук на панель.

Отец бросился подбирать тетрадки.

— Воображение работало, нет ли, черт знает, — сказал он, — но я фактически не в состоянии был без жены обойтись. Вообще отчебучил шутку, а? сам не рад. Гражданский брак — будем так называть.

Я молча повернула назад. Куда я шла — не знаю. Отец постоял немного и пошел

за мной. Он бил себя пальцем по губам и все говорил: «Тут всесторонне надо». На Овражках он стал совать мне тетрадки, я взяла и сказала ему:

— Не ходите за мной.

Он остался на набережной, а я спустилась к Тесьме и все шла и думала, пока ноги не подкосились и я не села на зашумевшую гальку у самой воды.

Вениамин Каверин
Открытая книга

- Почему Таня реагирует таким образом на появление отца?
- Как бы ты посоветовал ей поступить?
- Есть ли надежда, что они сблизятся?
- Почему ты так считаешь?

ПЕСЕНКА ОБ ОТКРЫТОЙ ДВЕРИ

Когда метель кричит, как зверь, —
Протяжно и сердито,
Не запирайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта.

И, уходя, в ночной тиши,
Без лишних слов решайте:
Огонь сосны с огнем души
В печи перемешайте.

И если ляжет дальний путь
Нелегкий путь, представьте,
Дверь не забудьте распахнуть,
Открытой дверь оставьте.

Пусть будет теплою стена
И мягкой — скамейка...
Дверям закрытым — грош цена,
Замку цена — копейка!

Булат Окуджава

БУЛОЧКА

Муж и жена прожили вместе 30 лет. В день 30-летия совместной жизни жена, как обычно, испекла булку — она пекла ее каждое утро, это было традицией. За завтраком она разрешила ее поперек, намазала маслом обе части и, как обычно, подает мужу верхнюю часть, но на полпути рука ее остановилась...

Она подумала: «В день нашего тридцатилетия я хочу сама съесть эту румяную часть булочки; я о ней мечтала 30 лет. В конце концов, я 30 лет была примерной женой, я вырастила ему прекрасных сыновей, вела хозяйство, столько сил и здоровья положила на нашу семью».

Приняв это решение, она подает нижнюю часть булочки мужу, а у самой рука дрожит — нарушение 30-летней традиции! А муж, взяв булочку, сказал ей:

— Какой неоценимый подарок ты мне сделала сегодня, любимая! 30 лет я не ел свою любимую, нижнюю часть булочки, потому что считал, что она по праву принадлежит тебе.

Сами по себе идеи долго не продержатся – нужно что-то с ними делать.

Альфред Норт Уайтхед

НЕИЗБРАННАЯ ДОРОГА

Опушка — и развилка двух дорог.
Я выбирал с великой неохотой,
Но выбрать сразу две никак не мог
И просеку, которой пренебрег,
Глазами пробежал до поворота.

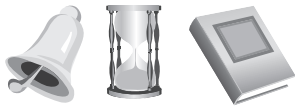
Вторая — та, которую избрал, —
Нетоптаной травой привлекала:
Примять ее — цель выше всех похвал,
Хоть тех, кто здесь когда-то путь пытал,
Она сама изрядно потоптала.

И обе выстилали шаг листвою —
И выбор, всю печаль его, смягчали.
Неизбранная, час пробьет и твой!
Но, помня, как извилист путь любой,
Я на развилку, знал, вернусь едва ли.

И если станет жить невольно,
Я вспомню давний выбор поневоле:
Развилка двух дорог — я выбрал ту,
Где путников обходишь за версту.
Все остальное не играет роли.

Роберт Фрост
Пер. с англ. В. Топорова

- Приходилось ли тебе видеть заброшенные дома? А целые села? Что ты почувствовал, глядя на них?
- Почему люди порой покидают нажитые места и переезжают?
- Как это происходит сегодня?
- Каков шанс, что уехавшие молодые люди вернуться в села?

ЗДЕСЬ НЕКОГДА ЖИЛИ ЛЮДИ

Бритт Мари и ее семья живут в Швеции в 1940 г.

В Шёрсхульте есть старый заброшенный торп¹. Туда мы и отправились. Летом, когда цветут сирень и старые яблони с шишковатыми ветвями, там потрясающе красиво. По-моему, тяжело думать о том, что здесь некогда жили люди, посадившие эти яблони, и обитавшие в этой лачуге, и возделывавшие землю. И о том, что нынче здесь так пустынно и все пришло в упадок.

Быть может, торпарь, привезя сюда яблони и посадив их в землю, надеялся, что его дети, и внуки, и правнуки будут веки вечные жить на этом торпе и выращивать новые деревья, когда старые погибнут...

Замка на дверях не было, и мы вошли. В углах висела паутина, оконных рам тоже не было. Сразу бросалось в глаза, что половицы истерты множеством ног. Горница и кухня... вот и все жилье! В горнице находился огромный открытый очаг. Кто знает, сколько сопливых торпарских ребятишек, сидя здесь, грели ножки у огня, пока матушка варила на кухне кашу на ужин, а тьма стеною стояла за окном. Йёркер сновал вокруг и заглядывал повсюду и вдруг, откуда ни возьмись, предстал перед нами с целой пачкой старых писем, которые нашел в шкафу. Все письма были из Америки, из Дúlута, что в северном штате Миннесота, и датированы 1855 годом. Так что я не думаю, что мы совершили великий грех, прочитав их. Писались они отцу и матери домой в Шерсхульт некоей Хильмой Карлссон. «Вообще-то в Штатах все очень хорошо, — хотя работать приходится тяжело, а *money*² даром не платят». Еще она жутко тосковала по материнской колбасе, фаршированной кашей. Да, дорогая Хильма, ну что тебе было делать в Америке? Сидела бы дома в мире и покое и ела бы колбасу, фаршированную кашей, пока не лопнула бы. А твоим отцу с матерью не пришлось бы умирать в оди-

Эмигранты

¹ Торп — арендованный безземельным крестьянином (торпарем) участок земли (шведск.).

² Money — деньги (англ.).

ночестве, а Шерсхульт не был бы теперь пустынным торпом! Но может, Хильма была такая бедная, что Америка показалась ей единственным выходом из положения.

Астрид Линдгрен
Бритт Мари изливает душу
Пер. со шведск. Л. Брауде

- Какие ты знаешь сказки о принцах, принцессах, королях и королевах?
- Какой смысл ты вкладываешь в сравнение «как принцесса»?
- Какой образ жизни ты себе представляешь, когда о ком-то говорят, что ему хорошо живется?
- Какой образ жизни ты себе представляешь, когда о ком-то говорят, что ему трудно живется?
- Где находится, по-твоему, порог бедности?
- Прокомментируй пословицу: *Беден не тот, у которого мало, а тот, кто многого требует.*

ОДНА ИЗ ПОДДАННЫХ

Когда-то Сара Кру была счастливой дочерью богатого отца и образцовой ученицей пансиона мисс Минчин. Но когда отец Сары умер, оставив ее без гроша, мисс Минчин превратила одиннадцатилетнюю Сару в бесплатную служанку.

Саре нередко приходилось заставлять себя думать о чем-то другом; еще чаще ей приходилось напоминать себе, что она принцесса. Особенно трудно это было в один ненастный день, который, как она полагала, запомнится ей навсегда.

Несколько дней кряду беспрерывно лил дождь; на улицах стоял липкий промозглый туман; было холодно и скользко; под ногами расплзалась грязь, липкая лондонская грязь, а над ней нависла пелена из тумана и мелкого дождя. Разумеется, Сару несколько раз посылали куда-то особенно далеко — это всегда случалось в такие дни. Снова и снова выходила она под дождь, так что в конце концов совсем промокла. Старые перья на ее нелепой шляпке повисли и казались еще нелепее, а стоптанные башмаки до того пропитались влагой, что вода хлюпала и вытекала из них через край. Вдобавок ко всему Сара в тот день осталась без обеда, потому что мисс Минчин решила ее наказать. Сара так устала и промерзла, что лицо у нее посинело; прохожие глядели на нее с состраданием. Но она этого не замечала. Она спешила по улицам, стараясь

думать о чем-нибудь другом. Это было очень важно. Из последних сил она пыталась что-то «вообразить». Только на этот раз это было гораздо труднее, чем раньше; раз или два ей даже показалось, что стало еще холоднее. Но она не сдавалась. Жидкая грязь заливала ее рваные башмаки, а ветер словно старался сорвать с нее тонкую накидку, но она беззвучно шептала, не шевеля губами, говорила сама себе:

— Представим, что одежда на мне сухая. Представим, что на мне прочные ботинки, длинное толстое пальто и шерстяные чулки. И зонтик. И еще представим... представим, что, проходя мимо булочной, где продают горячие булки, я вдруг нахожу шесть пенсов — и чьи они, неизвестно. Тогда я захожу в булочную, покупаю шесть горячих булочек и съедаю их одну за другой.

Странные вещи происходят иногда.

Во всяком случае, с Сарой случилась странная история.

Она как раз собиралась перейти улицу. Грязь была ужасная, ей приходилось чуть ли не брести по ней вброд. Сара изо всех сил старалась найти переход получше, да все напрасно, пробираясь по булыжникам, она смотрела себе под ноги, и вдруг, уже совсем было ступив на тротуар, она заметила, что у края тротуара что-то блестит. Это была серебряная монетка, маленькая серебряная монетка — прохожие затоптали ее в грязь, но она все еще немного поблескивала. Правда, это была монетка не в шесть, а в четыре пенса.

В тот же миг Сара схватила ее посиневшей рукой.

— Ах! — вскричала она. — Это правда! Правда!

И, подняв глаза, посмотрела на лавку, которая была прямо перед ней. Поверите ли, это оказалась булочная! Толстая, приветливая, румяная булочница в эту минуту как раз ставила в витрину поднос с дивными, горячими — только что из печи! — булочками. Большими, пышными, блестящими булочками с изюмом!

У Сары закружилась голова — от удивления, от вида булочек и от чудесного запаха теплого хлеба, который доносился из подвального окна булочной.

Сара знала, что может смело взять монетку. Она уже долго лежала в грязи, и потерявший давно скрылся. За день здесь прошло столько людей!

«Но, может, ее потеряла хозяйка булочной? Надо спросить», — прошептала про себя Сара.

Она подошла к булочной, занесла было ногу на ступеньку — и остановилась.

Она увидела небольшую фигурку в лохмотьях, из-под которых виднелись маленькие красные от холода ноги, покрытые грязью. Из лохмотьев выглядывала копна спутанных волос и грязное личико с большими, запавшими от голода глазами. Девочка пыталась прикрыть ноги своим рваным платьем, но оно было слишком коротко; вид у нее был еще более несчастный и заброшенный, чем у Сары.

Сара сразу поняла, что девочка голодна, — ей стало ее жаль.

«Вот, — подумала она, — одна из подданных. Она хочет есть больше, чем я».

Девочка взглянула на Сару и слегка отодвинулась, чтобы дать ей пройти. Она привыкла всем давать дорогу и знала, что, если ее увидит полицейский, он велит ей: «Проходи, не задерживайся!»

Сара зажала в руке монетку и на мгновение замешкалась. Потом спросила:

— Ты голодна?

Девочка в лохмотьях прижалась к стене.

— А то нет? — отвечала она хрипло. — Еще как!

— Значит, ты не обедала? — сказала Сара.
— Не обедала. — И она еще теснее прижалась к стене — И не завтракала... и не ужинала. Вообще ничего не ела.

— С каких пор?

— Не знаю. Сегодня не ела ничего... Уж я просила, просила, но никто не подал.

От одного вида этой девочки Саре стало не по себе, она еще острее почувствовала голод. Но хотя на сердце у нее было тяжело, странные мысли проносились в ее голове.

«Если я принцесса, — думала Сара, — если я принцесса... Когда принцесс лишали всего и изгоняли из дворца, они всегда делились... с бедняками... если встречали кого-то, кто был еще беднее и голоднее их. Принцессы всегда делились. Булочка стоит пенни. Если бы я нашла шестипенсовик, я бы съела шесть булочек. Нам обеим не наестся. Но все же лучше так, чем ничего».

— Подожди минутку, — сказала она нищенке.

И вошла в булочную. Там было тепло и вкусно пахло. Хозяйка как раз собиралась выставить в витрину еще один поднос с горячими булочками.

— Простите, — сказала Сара, — не вы ли потеряли четыре пенса? Серебряную монету в четыре пенса?

И она протянула хозяйке эту жалкую монетку.

Хозяйка взглянула на монету, а потом на Сару — на ее сосредоточенное лицо и вымокшую потрепанную одежду, которая, однако, была сшита из хорошей ткани.

— Нет-нет, — сказала она. — Вы ее нашли?

— Да, — ответила Сара. — У тротуара.

— Оставьте ее себе, — сказала хозяйка. — Может, она там уже целую неделю лежала. Бог знает, кто ее потерял. Теперь уж его не найти.

— Я знаю, — согласилась Сара, — но я решила на всякий случай спросить вас...

— Редко кто так бы поступил, — заметила хозяйка, глядя на Сару с недоумением и интересом. — Хотите что-то купить? — прибавила она, увидав, что Сара поглядывает на булочки.

— Да, дайте мне, пожалуйста, четыре булочки, — сказала Сара. — Вон те, что по пенни за штуку.

Хозяйка подошла к витрине и положила булочки в бумажный пакет.

Сара заметила, что она кладет не четыре, а шесть булочек.

— Простите, я просила четыре, — сказала она. — У меня всего четыре пенса.

— А я прибавлю две для ровного веса, — произнесла сердечная хозяйка. — Вы, может, их скушаете как-нибудь. Вы ведь, верно, проголодались?

Перед глазами у Сары поплыл туман.

— Да, — ответила она. — Я очень проголодалась, и я вам очень признательна за вашу доброту. А...

Она собиралась сказать: «А возле булочной сидит девочка, которая проголодалась еще больше, чем я».

Но в эту минуту в булочную вошло несколько покупателей, и все они очень спешили, так что Сара только поблагодарила еще раз хозяйку и вышла.

Тот уже полдела совершил, кто начал:
осмелся быть мудрым и начинай.

Квинт Гораций Флакк

Удача не поможет тому, у кого нет
отваги.

Софокл

Девочка все еще сидела, скорчившись в уголке возле входа. В своих мокрых и грязных лохмотьях она выглядела ужасно. Она тупо, страдальчески глядела прямо перед собой, и Сара заметила, что она смахивает загрубевшей черной рукой слезы, внезапно выступившие у нее из глаз. Она что-то бормотала про себя.

После поспешного решения следует раскаяние.

Публилий Сир

Сара открыла пакет и вынула из него горячую булочку. Ее собственные заочневшие пальцы уже немного согрелись от пакета с булочками, который она держала в руках.

— Смотри-ка, — окликнула девочку Сара и положила булочку ей на колени, — вот булочка, она горячая и вкусная. Съешь, и тебе будет легче.

Бедная нищенка испуганно посмотрела снизу вверх на Сару, словно не веря собственным глазам; потом вдруг схватила булочку и стала жадно запихивать ее себе в рот.

— Господи! Господи! — твердила она хрипло. — Неужели?!

Сара вынула еще три булочки и положила их девочке на колени.

«Она голоднее меня, — сказала она про себя. — Она просто умирает с голоду».

Но рука ее задрожала, когда она клала четвертую булочку.

«А я не умираю», — сказала себе Сара и положила пятую булочку.

Маленькая лондонская дикарка хватала и жадно жевала; она так изголодалась, что даже не поблагодарила Сару, когда та повернулась, чтобы уйти. Ведь ее не учили манерам. Это был просто бедный маленький зверек.

— Прощай, — сказала Сара.

Перейдя улицу, она оглянулась. Держа в каждой руке по булочке, девочка вдруг перестала жевать и посмотрела на нее. Сара кивнула ей — девочка устремила на нее недоумевающий взгляд, а потом дернула в ответ лохматой головой. Она долго смотрела вслед Саре, пока та не скрылась из виду.

В эту минуту хозяйка подошла к окну булочной.

— Господи, помилуй! — вскричала она. — Да эта девочка отдала булочки нищенке! А ведь сама была так голодна. Хотела бы я знать, почему она это сделала!

Хозяйка в раздумье постояла у окна. Любопытство ее одолело. Она подошла к двери и заговорила с нищенкой.

— Кто тебе дал эти булочки?

Девочка кивнула в сторону уходящей фигурки.

— А что она сказала? — спросила хозяйка.

— Спросила, хочу ли я есть, — отвечала девочка хрипло.

— А ты что ответила?

— «Еще как!»

— Тогда она вошла, купила булочки и дала тебе, да?

Девочка кивнула.

— Сколько ж она тебе дала?

— Пять.

Хозяйка задумалась.

— Себе оставила всего одну, — проговорила она тихо. — А могла бы все шесть съесть — я по глазам видала.

Она поглядела на мелькавшую вдали маленькую фигурку в изношенном мокром платье. Странное беспокойство овладело ею.

— Как жаль, что она так быстро ушла, — сказала хозяйка. — Я бы ей целую дюжину булочек дала, клянусь Богом!

Она повернулась к нищенке.

— Ты еще голодна? — спросила она.

— Я всегда голодная, — ответила та, — только теперь не так сильно.

— Зайди ко мне, — сказала хозяйка и открыла дверь булочной.

Девочка встала и нерешительно вошла. Ее приглашали в теплую лавку, полную хлеба! Нет, это было невероятно. Она не знала, что сейчас будет, но ей было все равно.

— Садись, погрейся, — сказала хозяйка, указав на огонь, пылавший в камине в задней комнате. — Слушай! Когда будешь голодна, ты всегда можешь прийти сюда и попросить ломоть хлеба. Клянусь Богом, я тебе всегда его дам — ради той девочки, что здесь была.

Последняя булочка немного утешила Сару. Все лучше, чем ничего, к тому же булочка была, по крайней мере, горячая. Сара на ходу отламывала от нее по кусочку и медленно жевала, чтобы подольше продлить удовольствие.

«Что, если эта булочка волшебная, — говорила она про себя, — и каждый кусочек — это целый обед. Так я, пожалуй, объежусь».

Фрэнсис Бернетт
Маленькая принцесса
Сетевой перевод

- Что помогает Саре выдержать и не потерять своего достоинства?
- Что хорошее могло случиться с Сарой?
- Как ты поступаешь, когда находишь потерянные кем-то деньги?
- Сделала ли Сара счастливой девочку-нищую?
- Что шевельнулось в душе булочницы, если она сделала нищей столь щедрое предложение?
- Могла ли Сара тоже просить милостыню?
- Как ты думаешь, если бы Сара не нашла монетку, вошла бы она в булочную и попросила бы еды?

- Что бы тебе захотелось купить, если бы тебе вдруг досталась небольшая сумма?

ПЛИТКА ШОКОЛАДА

— Снова торчишь в своей комнате со своей книжкой и киснешь в такую прекрасную погоду, шла бы лучше на свежий воздух, — бранится мама и отнимает у меня книгу.

Я с грустью гляжу на «Корабль мертвых» Травена — книгу, от которой нельзя оторваться. Но по опыту я уже знаю, что сопротивление бесполезно. Сердито ворча, я надеваю башмаки и сбегаю по лестнице.

Вот уже неделя, как мы живем в окрестностях Цюриха. Дом, где папа снял для нас две комнаты, стоит в саду. Но хозяйка не любит, когда я там гуляю. Бросив жадный взгляд на зелень, я иду на улицу.

Вскоре игра в мяч мне наскучила, и я после короткого раздумья отправилась в соседний садик при маленьком ресторанчике. В этом саду есть качели.

И вот я уже в саду и, погруженная в мечты, лечу по воздуху... Внезапно кто-то останавливает качели. Официант с салфеткой под мышкой строго выговаривает мне:

— Кататься на качелях могут только посетители ресторана. Закажи лимонад и качайся сколько твоей душе угодно.

На беду, у меня нет денег. В смущении слезаю с качелей, беру свой мяч и снова выхожу на улицу. Официант смотрит мне вслед до тех пор, пока я не скрываюсь за углом.

В двух минутах ходьбы — кондитерская. И что только не выставлено в витрине! В Берлине мне хоть изредка давали пяточок на леденцы. А здесь мама бывает рада, если ей удастся каждый день кормить нас обедом. Я тоскливо гляжу на плитки шоколада, они почти вдвое больше, чем в Германии, потом медленно отправляюсь домой.

Стой, что это там сверкает в песке? Неужели монета? В самом деле! Я не верю своим глазам. Быстро поднимаю монетку с земли, вытираю ее о рукав кофточки. Целый швейцарский франк!

Вне себя от радости я бегу домой. То-то мама будет довольна!

По дороге все время ощупываю в кармане монету. Не лучше ли купить для нас троих плитку шоколада и сделать сюрприз маме и папе? А может быть, им деньги нужны на более необходимые вещи? Однако эта благоразумная мысль быстро улетучивается из моей головы, я бегу назад и покупаю одну из столь соблазнительных плиток шоколада.

Конечно, я тут же отведала его. Как вкусно! Ну, хватит кушать, не то для мамы и папы в конце концов ничего не останется. Нет, еще только один крохотный кусочек... И еще один... Вот этот, поменьше, получит папа. Он не очень любит шоколад. Вдруг я в испуге останавливаюсь. Ведь всего-то остался один-единственный маленький кусочек. Что делать? Разумеется, я не могу принести его домой. Каждый поймет, что я одна съела огромную плитку.

Худо ли, хорошо, но и этот кусок запихиваю в рот, хотя сыта шоколадом по горло. Даже уже не вкусно.

— Сегодня у нас твое любимое блюдо — баранина с фасолью, — кричит из кухни мама, когда я с виноватым видом пытаюсь проскользнуть в столовую. — Можешь накрывать на стол, Манна.

— Вот и Яночка пришла! — кивает мне папа. — Хорошо на улице?

Бормочу что-то невнятное и быстро сажусь за стол. Входит мама с дымящейся миской.

— Похоже, сегодняшней обед тебе не очень нравится? — говорит папа, видя, как я лениво ковыряю вилкой в своей тарелке. — Жаль, что у тебя нет аппетита. Но я думаю, он появится, когда ты увидишь, что я тебе сегодня принес.

Опустошив свою тарелку, папа вынимает из ящика буфета пакетик, обернутый в блестящую бумагу, и дает его мне.

— Ай, ай! — вырывается у меня, когда я разворачиваю бумагу. — Плитка шоколада! Опустив глаза, я угощаю маму и папу.

Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать чудеса своими руками...

А. Грин

— Отказываемся оба в твою пользу, ешь сама, — ласково говорят оба.

Я пригибаюсь к тарелке и быстро доедаю остатки фасоли. Только бы не встретиться взглядом с родителями.

Давно мне не было так стыдно.

Марианна Ланге-Вайнерт

Девичьи годы

Авториз. пер. с нем. Л. Лежневой

- Какая разница между бараниной с фасолью и шоколадом?
- Почему именно от шоколада отказываются родители?
- Что ты можешь сказать в оправдание Марианны?
- Представь себе, что Марианна принесла домой свою плитку шоколада. Что бы сказали родители?

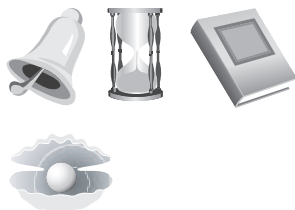
О чем ты думаешь, когда должен принять решение? Герой этого отрывка стоит на пороге новой жизни, и, хотя он не знает, что ждет его впереди, смотрит вперед с уверенностью и надеждой.

Может быть, мы пойдем вдоль берега? Он посмотрел на старую железнодорожную колею. А может быть, мы пойдем этим путем? А может быть, мы пойдем по большим дорогам? И теперь у нас будет время все разглядеть и все запомнить. И когда-нибудь позже, когда все виденное уляжется где-то в нас, оно снова выльется наружу в наших словах и в наших делах. И многое будет неправильно, но многое окажется именно таким, как нужно. А сейчас мы начнем наш путь, мы будем идти и смотреть на мир, мы увидим, как он живет, говорит, действует, как он выглядит на самом деле. Теперь я хочу видеть все! И хотя то, что я увижу, не будет еще моим, когда-нибудь оно сольется со мной воедино и станет моим «я». Посмотри же вокруг, посмотри на мир, что лежит перед тобой! Лишь тогда ты сможешь по-настоящему прикоснуться к нему, когда он глубоко проникнет в тебя, в твою кровь и вместе с ней миллион раз за день обернется в твоих жилах. Я так крепко ухвачу его, что он уже больше не ускользнет от меня. Когда-нибудь он весь будет в моих руках, сейчас я уже чуть-чуть коснулся его пальцем. И это только начало.

Рэй Брэдбери

451° по Фаренгейту

Пер. с англ. Т. Шинкарь

- Приходилось ли вам видеть сны, которые истолковывались как вещи?
- Почему некоторые верят тому, что им является во сне, а некоторые — нет?

ИСТОРИЯ ДВУХ СНОВИДЦЕВ

Арабский историк Аль Иксахи сообщает о таком случае:

Рассказывают люди, достойные доверия (но лишь Аллах всезнающ и всемогущ и

милосерд и не знает усталости), что жил некогда в Каире человек богатый, но такой великодушный и щедрый, что вскоре потерял все богатство, кроме дома, доставшегося ему от отца, и должен был работать, чтобы добывать себе кусок хлеба. Однажды, когда он трудился в саду, сон сморил его, и он уснул под смоковницей. Во сне ему явился неизвестный, достал изо рта золотую монету и сказал:

— Тебя ждет богатство в Персии, в Исфахане, иди за ним.

Проснувшись на следующее утро, он отправился в далекое путешествие. Его подстерегали опасности среди пустыни, на быстрых реках, ему встречались пираты, идолопоклонники, хищные звери и дурные люди. В конце концов он добрался до Исфахана и устроился на ночлег в саду постоянного двора. Рядом с постоянным двором был дом, и по велению Аллаха воровская шайка, орудовавшая на постоялом дворе, проникла в дом, а его обитатели проснулись и принялись звать на помощь. Тут же подняли крик и соседи, и шум продолжался, пока не появился начальник ночного дозора со своими людьми, а воры стали убегать по плоской крыше.

Начальник приказал обыскать постоянный двор, каирца нашли и так избили бамбуковыми палками, что он чуть не умер. Два дня он приходил в себя в тюрьме. Начальник призвал его и спросил:

Тот отвечал:

— Живу я в славном городе Каире, и зовут меня Мохаммед из Магриба.

Начальник спросил:

— Что привело тебя в Персию?

Каирец не стал скрывать и ответил:

— Во сне явился мне человек и приказал идти в Исфахан, где меня ждет богатство. И вот я в Исфахане и вижу, что вместо обещанного богатства достались мне побои, которыми ты щедро приказал меня наградить.

Услышав эти слова, начальник дозора расхохотался:

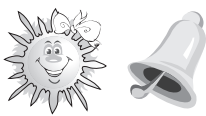
— Безрассудный и легковверный, — сказал он. — Мне трижды снился дом в Каире, окруженный садом, а в саду солнечные часы, а рядом с ними старая смоковница, а под смоковницей зарыт клад. Я ни на минуту не поверил лживому видению. А ты, порождение мулицы и демона, скитаешься из города в город, поверив своему сну! Не появляйся больше в Исфахане. Бери эти монеты и ступай.

Каирец взял монеты и вернулся домой. Под старой смоковницей в своем саду (том самом, который снился начальнику ночного дозора) он нашел клад. Так Аллах благословил его, и наградил, и возвысил. Аллах щедрый и ведающий сокровенное.

Сказки тысячи и одной ночи, ночь 351
Пер. с испанск. В. Кулагиной-Ярцевой

- Можно ли, на основании этой сказки, утверждать, что:
 - а) Не стоит идти в дальние края за счастьем, оно рядом.
 - б) Человек должен прислушиваться к себе.
 - в) Главное сокровище, которое получил Мохаммед из Магриба, — опыт, приобретенный за время путешествия?
- Прочти роман Пауло Коэльо «Алхимик», который построен на мотивах этой сказки.

ПОСЛЕДНЯЯ ДВОЙКА

На Динку сыпались новые удары... Невнимательное поведение в классе, запущенные уроки теперь давали себя чувствовать. Первым ударом была двойка по географии. Боясь огорчить мать, Динка тщательно затерла ее ногтем... Но эта двойка была не последней. Настал день, когда еще более тяжелый удар обрушился на Динкину голову.

На уроке арифметики Динка молча и безнадежно стояла у доски. В голове ее возникали самые неожиданные и нелепые вопросы, связанные с условием задачи, которую нужно было решить. Какой-то купец продал ситец, потом купил шерсть, потом опять что-то продал... В руках у Динки крошился мел: она неожиданно оборачивалась к доске и писала первый вопрос: почему аршин ситцу? Но девочки испуганно и отрицательно трясли головами и показывали что-то на пальцах. Тогда, окончательно запутавшись, Динка записала сразу второй вопрос: почему фураж шерсти?

По классу, словно электрическая искра, пробежал смех, учительница обернулась. Динка начисто вытерла доску, положила на место мел и, опустив руки, встретила строгий, укоризненный взгляд учительницы.

— Жаль, Арсеньева, жаль... — медленно сказала учительница, не отводя от нее пристального взгляда. Может быть, она вспоминала, с какой симпатией относилась к этой девочке, когда та живо и весело пересказывала в классе прочитанную страничку, дополняя ее своими собственными неожиданными подробностями? Может быть, именно сейчас, глядя на убитое, бледное лицо девочки, учительнице действительно стало ее жаль?

Динка любила и уважала свою учительницу. Любовь Ивановна не раз хвалила Динку за прочитанные стихи и громкое чтение. А теперь под суровым взглядом учительницы Динка чувствовала себя хуже всех девочек, глупее всех, ничтожнее всех не только в своем классе, но и на целом свете...

А учительница долго, убийственно долго смотрела на нее... И в классе стояла такая же гнетущая тишина, как в застывшем сердце Динки. Молчание наполняло ее душу тревогой, в ушах начинался звон...

Наконец учительница медленно покачала головой и раскрыла классный журнал.

— Садитесь, госпожа Арсеньева, — увеличенно вежливо сказала она. — Я ставлю вам двойку.

Динка села на свое место. В переменку ее окружили девочки, они что-то говорили ей, советовали, повторяя:

Будьте внимательны к своим мыслям — они начало поступков.

Конфуций

Если ждать минуты, когда все, решительно все будет готово, никогда не придется начинать.

И. С. Тургенев

Доброта голубя — не добродетель. Голубь не добродетельнее волка. Добродетель начинается только тогда, когда начинается усилие.

Л. Н. Толстой

— Это была очень простая задача... Почему ты не решила ее? Мы же тебе подсказывали! Почему ты не поняла?

Но Динке не хотелось ни слушать, ни отвечать. Она смотрела на свой ранец. Там лежала тяжелая, как булыжник, двойка. Динка представляла себе, как медленно, едва передвигая ноги, она потащит ее до-

мой, как вечером, когда усталая мама сядет за стол, она вывалит ей на колени эту двойку-булыжник... Нет, нет! Динка вскочила и, раздвинув девочек, подняла руку:

— Слушайте! Слушайте!

Она еще и сама не знала, что скажет сгрудившимся вокруг подругам, но знала уже, что в сердце ее созрело какое-то великое решение и что теперь она не отступит от него ни на шаг.

— Слушайте! Слушайте! Это была моя последняя двойка!.. Последняя в моей жизни!

Девочки испуганно смотрели на ее изменившееся лицо, на закушенные губы, и никто не говорил ни слова.

Вечером Динка стояла под дверью Лениной комнаты и ждала, когда Вася кончит урок.

— Вася! — торопливо сказала она, едва длинный Вася, пригнув голову, чтобы не задеть за притолоку, внезапно появился на пороге. — Вася! Не говори мне ничего, я сама буду говорить с тобой, — взволнованно предупредила Динка. — Мне надо, чтобы ты со мной позанимался по арифметике, я не умею решать задачи с купцами.

Она стояла перед ним, как крохотный лилипут перед Гулливером. И Гулливер понял, что в душе ее созрело великое решение. Он широко распахнул дверь Лениной комнаты и взял у нее из рук задачник.

— Садись, — сказал он и кивнул удивленному Лене: — Оставь нас одних!

Это стало повторяться каждый день до тех пор, пока взъерошенная и счастливая Динка не принесла домой пятерку.

Она так бежала, размахивав своим ранцем, так запыхалась, как будто, сражаясь за эту пятерку, билась с сильнейшим из своих врагов, изнемогая от битвы и теряя свои коричневые перышки...

А может быть, это действительно было так. Ведь Динка отстаивала свое первое великое решение.

Есть желание — нет воли, есть воля
— нет дела, есть дело — нет желания.
Так люди и проживают свою жизнь
Ю. В. Бучарский

Валентина Осеева
Динка

Человек мечтает о покое, но радость он обретает только в деятельности, только ею и дорожит.

Л. Вовенарг

ЗАПОВЕДЬ

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело.
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь, как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Редьярд Киплинг
Пер. с англ. М. Лозинского

- Конечно, вам приходилось и помогать кому-либо, и принимать помощь других. Какие чувства вы при этом испытывали?
- Чаще всего мы помогаем тем, с кем хорошо знакомы. Случалось ли вам осуществлять деятельность, направленную на улучшение жизни людей, которых вы лично не знаете и, скорее всего, никогда не узнаете?
- Можно оказывать помощь советом, сочувствием... (продолжите этот перечень).
- Приведите доводы (подкрепляя их примерами) в пользу того утверждения, с которым вы согласны:
 - *Мир настолько разобщен, что пытаться изменить в нем что-либо — задача непосильная.*
 - *Да, мир разобщен, но в нем вполне возможно осуществление перемен к лучшему.*
- Какие усилия по оказанию помощи окружающим, на ваш взгляд, являются более действенными: индивидуальные, разрозненные, от случая к случаю или организованные, систематические, последовательные?

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

Перед Женей стоял высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке.

— Ты Тимур? — широко раскрывая полные слез глаза, недоверчиво воскликнула Женя. — Откуда ты меня знаешь?

— А вот оставайся с нами! Сиди и слушай, и тогда тебе все будет понятно.

На покрытой мешками соломе вокруг Тимура, который разложил перед собой карту поселка, расположились ребята.

У отверстия выше слухового окна повис на веревочных качелях наблюдатель. Через его шею был перекинут шнурок с помятым театральным биноклем.

Неподалеку от Тимура сидела Женя и настороженно прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходит на совещании этого никому не известного штаба. Говорил Тимур:

— Завтра, на рассвете, пока люди спят, я и Колокольчиков исправим оборванные ею (он показал на Женю) провода.

— Он проспит, — хмуро вставил большеголовый, одетый в матросскую тельняшку Гейка. — Он просыпается только к завтраку и к обеду.

— Клевета! — вскакивая и заикаясь, вскричал Коля Колокольчиков. — Я встаю с первым лучом солнца.

— Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй, но он проспит обязательно, — упрямо продолжал Гейка.

— А теперь, ребята, давайте к делу, — сказал Тимур.

— В саду дома номер тридцать четыре по Кривому переулку неизвестные мальчишки обтрясли яблони, — обиженно сообщил Коля Колокольчиков. — Они сломали две ветки и помяли клумбу.

— Чей дом? — И Тимур заглянул в кленчатую тетрадь. — Дом Крюкова. Кто у нас здесь бывший специалист по чужим садам и яблоням?

— Я, — раздался сконфуженный голос.

— Кто это мог сделать?

— Это работал Мишка Квакин и его помощник под названием «Фигура». Яблоня — мичуринка, сорт «золотой налив», и, конечно, взята на выбор.

— Опять и опять Квакин! — Тимур задумался. — Ладно! Квакиным мы займемся особо. Давайте дальше.

Вскочил Сима Симаков и зачастил уверенно, без запинки:

— В доме номер пятьдесят четыре на Пушкиревой улице коза пропала. Я иду, вижу — старуха девчонку колотит. Я кричу: «Тетенька, бить не по закону!»! Она говорит: «Коза пропала. Ах, будь ты проклята!»!

— погоди! Чей дом?

— Дом Павла Гурьева. Девчонка — его дочь, зовут Нюрка. Колотила ее бабка, как зовут, не знаю. Коза серая, со спины черная. Зовут Манька.

— Козу разыскать! — строго приказал Тимур. — Пойдет команда в четыре человека. Ты... ты и ты. Ну все, ребята?

— В доме номер двадцать два девчонка плачет, — как бы нехотя сообщил Гейка.

— Чего же она плачет?

— спрашивал — не говорит.

— А ты спросил бы получше. Может быть, кто-нибудь ее поколотил... обидел?

— спрашивал — не говорит.

— А велика ли девчонка?

— Четыре года.

— Вот еще беда! Кабы человек... а то четыре года! Постой, а чей это дом?

— Дом лейтенанта Павлова. Того, что недавно убили на границе.....

— «спрашивал — не говорит», — огорченно передразнил Гейку Тимур. Он нахмурился, подумал. — Ладно... Это я сам. Вы к этому делу не касайтесь.

Рассвело. Пропел деревянный рог пастуха. Старуха молочница открыла калитку и погнала корову к стаду. Не успела она завернуть за угол, как из-за куста акации, стараясь не греметь пустыми ведрами, выскочило пятеро мальчуганов, и они бросились к колодцу.

— Качай!

— Давай!

— Бери!

— Хватай!

Обливая холодной водой босые ноги, мальчишки мчались во двор, опрокидывали ведра в дубовую кадку и, не задерживаясь, неслись обратно к колодцу.

Тимур увидел, что старуха молочница с коромыслом и ведрами выходит из калитки за водой. Он юркнул за акацию и стал наблюдать. Вернувшись от колодца, старуха подняла ведро, опрокинула его в бочку и сразу отскочила, потому что вода с шумом и

Наша причастность жизни спит в нас глубоким сном, и пробудить ее способны лишь несомненно сильные эмоции, хотя бы пожар в мастерской чепчиков или удар молнии на голубятне; но какому множеству пожаров так и не случилось вспыхнуть.

М. Метерлинк

брызгами выплеснулась из уже наполненной до краев бочки прямо ей под ноги.

Охая, недоумевая и оглядываясь, старуха обошла бочку. Она опустила руку в воду и поднесла ее к носу. Потом побежала к крыльцу проверить, цел ли замок у двери. И наконец, не зная, что и думать, она стала стучать в окно к соседке.

Во двор того дома, откуда пропала коза, и где жила бабка, которая поколотила бойкую девчонку Нюрку, привезли два воза дров.

Ругая беспечных возчиков, которые свалили дрова как попало, бабка начала укладывать поленницу. Но эта работа была ей не под силу. Откашливаясь, она села на ступеньку, отдышалась, взяла лейку и пошла в огород. Во дворе остался теперь только трехлетний братишка Нюрки — человек, как видно, энергичный и трудолюбивый, потому что едва бабка скрылась, как он поднял палку и начал колотить ею по скамье и по перевернутому кверху дном корыту.

Тогда Сима Симаков, только что охотившийся за беглой козой, которая скакала по кустам и оврагам не хуже индийского тигра, одного человека из своей команды оставил на опушке, а с четырьмя другими вихрем ворвался во двор. Он сунул малышу в рот горсть земляники, и вся четверка рванулась укладывать дрова в поленницу.

Сам Сима Симаков понесся кругом вдоль забора, чтобы задержать на это время бабку в огороде. Остановившись у забора, возле того места, где к нему вплотную примыкали вишни и яблони, Сима заглянул в щелку.

Бабка набрала в подол огурцов и собралась идти во двор.

Сима Симаков тихонько постучал по доскам забора.

Бабка насторожилась. Тогда Сима поднял палку и начал ею шевелить ветви яблони.

Бабке тотчас же показалось, что кто-то тихонько лезет через забор за яблоками. Она высыпала огурцы в межу, выдернула большой пук крапивы, подкралась и притаилась у забора.

Сима Симаков опять заглянул в щель, но бабки теперь он не увидел. Обеспокоенный, он подпрыгнул, схватился за край забора и осторожно стал подтягиваться. Но в то же время бабка с торжествующим криком выскочила из своей засады и ловко стегнула Симе Симакова по рукам крапивой. Размахивая обожженными руками, Сима помчался к воротам, откуда уже выбегала закончившая свою работу четверка.

Во дворе опять остался только один малыш. Он поднял с земли щепку, положил ее на край поленницы, потом поволок туда же кусок бересты.

За этим занятием и застала его вернувшаяся из огорода бабка. Вытаращив глаза, она остановилась перед аккуратно сложенной поленницей и спросила:

— Это кто же тут без меня работает?

Малыш, укладывая бересту в поленницу, важно ответил:

— А ты, бабушка, не видишь — это я работаю.

Во двор вошла молочница, и обе старухи начали оживленно обсуждать эти странные происшествия с водой и дровами. Пробовали они добиться ответа у малыша, однако добились немногого. Он объяснил им, что прискочили от ворот люди, сунули ему в рот сладкой земляники, дали перо и еще пообещали поймать ему зайца с двумя ушами и четырьмя ногами. А потом дрова покидали и опять ускочили.

В калитку вошла Нюрка.

— Нюрка, — спросила ее бабка, — ты не видала, кто к нам сейчас во двор заскакивал?

— Я козу искала, — уныло ответила Нюрка. — Я все утро по лесу да по оврагам сама скакала.

— Украли! — горестно пожаловалась бабка молочнице. — А какова была коза! Ну, голубь, а не коза. Голубь!

— Голубь! — отодвигаясь от бабки, огрызнулась Нюрка. — Как почнет шнырять рогами, так не знаешь, куда и деваться. У голубей рогов не бывает.

— Молчи, Нюрка! Молчи, разиня бестолковая! — закричала бабка. — Оно, конечно, коза была с характером. И я ее, козушку, продать хотела. А теперь вот моей голубушки и нету.

Калитка со скрипом распахнулась. Низко опустив рога, во двор вбежала коза и устремилась прямо на молочницу. Подхватив тяжелый бидон, молочница с визгом вскочила на крыльцо, а коза, ударившись рогами о стену, остановилась.

И тут все увидела, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат, на котором крупно было выведено:

*Я коза-коза,
Всех людей гроза,
Кто Нюрку будет бить,
Тому плохо будет жить.*

А на углу за забором хохотали довольные ребята. Как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались прочь.

Работы на сегодня было еще немало.

Аркадий Гайдар
Тимур и его команда

- Описанные в повести характеры кажутся вам живыми, способными вписаться в современную жизнь или же вы воспринимаете их как отвлеченные схемы — «в жизни так не бывает»? Аргументируйте свой ответ.
- Как вы думаете, в какие годы происходят эти события?
- Как вы считаете, почему подростки — герои повести — столько сил отдают помощи другим людям?
- Удалось ли им, по-вашему, улучшить жизнь своего сообщества?
- Какими личностями вырастут эти ребята? Какие качества они разовьют в себе как члены сообщества?

- Случалось ли тебе мечтать о волшебных предметах?
- О каких? Что бы ты мог делать с их помощью?

КАК ОДИН МАЛЬЧИК ИГРАЛ С ПАЛКОЙ

Было утро. Маленький Клавдио играл у ворот, а по улице, сгорбившись, опираясь на палку, шел старик в золотых очках. У ворот он вдруг уронил палку. Клавдио поднял ее и подал старику. Тот улыбнулся:

— Спасибо! Только, знаешь, она не нужна мне больше. Я отлично смогу обойтись и без палки. Оставь ее себе, если хочешь.

И ушел, не дожидаясь ответа. Заметно было, что он уже не так горбился. А Клавдио так и остался стоять с палкой в руках, не зная, что с нею делать. Это была обыкновенная деревянная палка, с изогнутой ручкой и железным наконечником. Ничего в ней особенного не было.

Клавдио стукнул раза два палкой о землю, а затем просто так, играя, взял и оседлал ее, словно игрушечного коня. И вдруг он действительно оказался на коне — на замечательном черном жеребце с белой звездой на лбу. Скакун заржал и галопом понесся по двору, выбивая копытами искры из камней.

Когда Клавдио, изумленный и немного растерянный, слез с него, то палка уже снова стала обыкновенной палкой. На ней не было и следов каких-нибудь копыт, а был только железный наконечник, не было пышной гривы, а была только изогнутая ручка.

«Что, если еще попробовать?» — подумал Клавдио.

Он снова сел верхом на палку. На этот раз она оказалась величественным верблюдом, а двор превратился в огромную пустыню. Но Клавдио не испугался и стал всматриваться в безлюдную даль пустыни, пытаясь найти оазис.

«Это, конечно, волшебная палка», — решил Клавдио и в третий раз оседлал ее. Теперь он мчался в красном спортивном автомобиле по гоночному треку, а на трибунах шумели болельщики. И Клавдио первым пришел к финишу. Затем палка стала моторным катером, а двор — спокойным зеленым озером.

Потом Клавдио оказался на космическом корабле, оставляющем за собой звездный шлейф...

Но всякий раз, когда Клавдио ступал на землю, палка приобретала свой обычный мирный вид — у нее была все та же гладкая изогнутая ручка и ржавый железный наконечник.

В играх быстро пролетел весь день. А вечером Клавдио снова выглянул на улицу и снова увидел старика в золотых очках, возвращавшегося откуда-то. Клавдио с любопытством оглядел его, но ничего необычного не заметил — это был обыкновенный старик, немного утомленный после долгого пути.

— Понравилась тебе палка? — спросил он Клавдио.

Клавдио решил, что старик хочет забрать палку, и протянул ему ее, покраснев:

— Спасибо!

Но старик покачал головой.

— Оставь ее себе, — сказал он, — на что мне теперь эта палка! Ты с ее помощью можешь даже летать, а я ведь только опираюсь на нее. Я могу прислониться и к стене — все равно.

И старик ушел, улыбаясь, потому что нет на свете человека счастливее того, кто может подарить что-нибудь детям.

Джанни Родари
Пер. с итал. Ю. Н. Ильина

- Почему так произошло?
- Чем Клавдио может отблагодарить старика?
- «Пройдут» ли когда-нибудь волшебные свойства палки?

ВО ВРЕМЯ ВЬЮГИ

Однажды Альфред обрезал большой палец острым ножом, и из пальца потекла кровь.

Мама Эмиля достала чистую полотняную тряпицу и перевязала Альфреду палец. И он снова стал строгать зубья для граблей. Это было славное зимнее занятие: все грабли проверяли и сломанные зубья заменяли новыми. Так что, когда наступала весна, все грабли были в порядке.

(несколько дней спустя)

За ужином Альфред пожаловался на свой палец.

— Болит! — сказал он.

Мама Эмиля размотала тряпицу, желая посмотреть, что с пальцем и почему он не зажил.

Зрелище, которое представилось ее глазам, было не из отрадных: рана не затянулась, палец покраснел, нагноился и распух. А от пальца к запястью шли короткие красные полоски.

У Кресы-Майи загорелись глаза.

— Заражение крови, — сказала она. — Опасное дело.

- Как ты думаешь, примерно сколько лет Эмилю?
- А Альфреду?
- Почему Альфред не сказал раньше, что палец болит?
- Что произойдет дальше?

Мама Эмиля наложила на руку Альфреда повязку, смоченную раствором сулемы.

— Если до утра не станет легче, лучше тебе съездить к доктору в Марианнелунд, — сказала она.

Никто не припомнит такого снегопада и такой бури, какая бушевала в ту ночь над Смоландом. И когда наутро обитатели Каттхульты проснулись, весь хутор, казалось, утопал в огромном мягком белом сугробе. А буря не утихала. Шел снег и дул ветер, так что на двор носа было не высунуть; в трубе завывала вьюга: «У-у, у-у!» Никто никогда ничего подобного не видывал и не слыхивал!

— Придется Альфреду целый день разгребать снег, — сказала Лина. — А может, и не надо этого делать — все равно зря.

Но Альфред не убирал снег в тот день. Его

Люди делают хорошо лишь то, что делают сами: я наблюдал это не раз в последние годы своего царствования.

Наполеон Бонапарт

место за столом пустовало, и о нем не было ни слуху ни духу. Эмиль забеспокоился. Надев кепчонку и теплое сермяжное пальтишко, он собрался выйти. Мальчик разгреб снег у кухонных дверей и быстро проложил себе дорогу к людской, которая находилась бок о бок со столярной.

В людской было холодно, когда туда вошел Эмиль: Альфред не затопил печь. Он лежал на своем деревянном диване и не хотел вставать. Есть он тоже не хотел. Он сказал, что вроде не голоден. Тут Эмиль еще больше забеспокоился. Уж если Альфред не хочет есть, значит, стряслось что-то серьезное.

Эмиль принес дрова и затопил печь, а потом побежал за мамой. Она тут же пришла; собственно говоря, пришли все — и папа, и Лина, и Креса-Майя, и маленькая Ида, потому что теперь все всполошились.

Бедный Альфред, он лежал и моргал глазами. Он был горячий, как печка, и все равно его знобило. Красные полосы на руке продвинулись далеко, почти к плечу, — страшно было смотреть.

Креса-Майя озабоченно покачала головой:

— Как дойдут они до сердца, эти полосы, тогда конец, тогда он помрет.

— Тише, — приказала мама Эмиля, но не так-то легко было утихомирить Кресу-Майю. Она знала по меньшей мере полдюжины людей в одном только Леннебергском приходе, которые умерли от заражения крови, и добросовестно их перечислила.

Услышав это, Эмиль заплакал. В страхе он схватил отца за рукав пальто:

— Мы должны отвезти Альфреда к доктору в Марианнелунд, как сказала мама.

Тут мама и папа Эмиля как-то странно поглядели друг на друга. Они знали, что в такой день ни за что на свете нельзя было попасть в Марианнелунд. Они были совершенно беспомощны, но признаться в этом Эмилю, да еще когда он стоял рядом с ними такой убитый, было тяжело. Ведь и папе с мамой очень хотелось помочь Альфреду, да только они не знали как. И что ответить Эмилю, они тоже не знали. Папа, не вымолвив ни слова, вышел из людской. Но Эмиль не сдавался. Куда бы ни шел отец, он следовал за ним по пятам: плакал, просил, кричал, грозил, а потом принялся дерзить. Он просто ума лишился! И подумать только, отец не сердился, а лишь тихо говорил:

— Ничего не выйдет, Эмиль, ты же знаешь, что ничего не выйдет!

- Почему Эмиль так заботится об Альфреде?
- Какой ты видишь выход из положения?
- Есть ли у Альфреда шанс на спасение?
- Кто мог бы ему помочь?

Эмиль наконец понял, что помощи ждать неоткуда. Тогда он пошел назад в людскую. Он просидел с Альфредом целый день — это был самый длинный день в жизни Эмиля. Альфред лежал в забытьи. Только иногда он поднимал веки и говорил:

— А ты тут, Эмиль!

Эмиль смотрел, как за окошком бушует метель, и ненавидел ее так горячо, что его ненависть могла бы растопить снега во всей Леннеберге и во всем Смоланде. «Видно, засыплет снегом весь белый свет», — думал Эмиль, поскольку снег все падал и падал.

Зимние дни коротки, хотя тому, кто так ждет, как ждал Эмиль, они кажутся длинными. Незаметно начало смеркаться, а потом и совсем стемнело.

— А ты тут, Эмиль! — снова сказал Альфред, но ему все труднее было говорить.

Мама Эмиля принесла мясной суп и заставила Эмиля поест. Она пыталась накормить и Альфреда, но он не хотел есть. Вздохнув, мама ушла.

Поздним вечером пришла Лина с наказом от мамы: Эмилю пора ложиться спать. И как только такое могло прийти людям в голову!

— Я буду спать на полу рядом с Альфредом, — заявил Эмиль.

Так он и сделал.

Он приволок себе старый матрас и лошадиную попону — больше ему ничего было не нужно. Он вообще не мог спать. Он лежал без сна и смотрел, как угли опадают в печи, слушал, как тикает будильник и как порывисто дышит, а порой и стонет Альфред. Видимо, время от времени Эмиль впадал в дремоту, но всякий раз, вздрогнув, просыпался. Горе жгло его душу. Проходила ночь, и он все острее чувствовал, как все скверно, а скоро будет уже слишком поздно, на веки вечные поздно — изменить что-либо будет уже нельзя.

- Что значит «горе жгло его душу»?
- Как поступит Эмиль?

И вот, когда часы показывали четыре утра, Эмиль понял, что ему надо делать. Он отвезет Альфреда к доктору в Марианнелунд, или пусть и он сам, и Альфред погибнут в дороге.

«Нечего тебе лежать тут в постели и умирать, Альфред, нечего!»

Он не произнес эти слова вслух, он только подумал. Но как он это подумал! И тут же принялся за дело. Главное — уехать прежде, чем кто-нибудь проснется и помешает ему. В запасе у него был час времени до того, как Лина поднимется доить коров. За этот час все и надо проверить!

Никто не знает, как тяжело было Эмилю в тот час и как он надрывался. Надо было выкатить из сарая сани, вывести из конюшни и запрячь Лукаса. Альфреда надо было вытащить из кровати и отвести к саням. Последнее было самым трудным. Бедный Альфред ковылял, тяжело навалившись на Эмиля. А когда ему наконец удалось добрести до саней, он упал как подкошенный на разостланные овчины и лежал, не подавая никаких признаков жизни.

Эмиль укутал Альфреда так, что торчал только кончик его носа, сам уселся на козлы, натянул вожжи и стал понукать Лукаса: пора было трогаться в путь. Но Лукас повернул голову и недоверчиво взглянул на Эмиля. Ведь это же неслыханно глупая выдумка — пуститься в путь в такую метель, неужто Эмиль этого не понимает?

— Теперь решаю я, — сказал Эмиль, — а потом все будет зависеть от тебя, Лукас!

В кухне зажегся свет — значит, Лина уже встала. Еще минута — и будет поздно. Но Эмиль с лошадей и санями все же незаметно миновал хуторские ворота и сквозь снег и ветер выехал на проселочную дорогу.

Ой, как бушевала буря! Снег облеплял уши и забивал глаза, так что Эмиль ничего

Тот, кто думает, что может обойтись без других, сильно ошибается; но тот, кто думает, что другие не могут обходиться без него, ошибается еще сильнее.

Ф. Ларошфуко

не видел, а ему хотелось по крайней мере различать дорогу. Он вытирал лицо рукавицей, но по-прежнему не видел дороги, хотя к саням были прикреплены два фонаря. Дороги вообще не было, был только снег. Но Лукас много раз бывал в Марианнелунде. И может, в глубине своей лошадиной памяти он примерно знал, куда ехать.

Лукас был жилист и вынослив — с таким конем в самом деле можно было пускаться в путь и в метель. Шаг за шагом тащил он сани через сугробы. Ехали они медленно, иногда чуть не опрокидывались, когда сани натыкались на какую-нибудь преграду, но все же мало-помалу продвигались все ближе и ближе к Марианнелунду. Частенько Эмилю приходилось соскакивать на дорогу и разгребать снег. Эмиль был сильный, словно маленький бычок, и в ту ночь он убирал снег с таким рвением, что никогда этого не забудет.

— Становишься сильным, если это необходимо, — объяснял он Лукасу.

И в самом деле Эмиль стал сильнее, и первые полмили дело спорилось, но потом стало трудно, да, потом стало ужасно трудно. Эмиль устал, лопата казалась страшно тяжелой, и он не мог больше как следует разгребать снег. Он заоченел, в сапоги его набился снег, пальцы ныли от холода, да и уши тоже, несмотря на шерстяную шаль, которую он повязал поверх кепчонки, чтобы не отморозить уши. Все это было в самом деле невыносимо, и постепенно мужество стало ему изменять. Подумать только, а что, если папа был прав, когда сказал: «Ничего не выйдет, Эмиль, ты же знаешь, что ничего не выйдет!» Лукас тоже утратил силы и весь свой пыл. Все труднее и труднее становилось ему вытаскивать сани, когда они застревали. А под конец случилось то, чего все время боялся Эмиль. Сани внезапно рухнули вниз, и Эмиль понял, что они очутились в канаве.

Они и в самом деле очутились в канаве. Да там и застряли. И как Лукас ни надрылся, как ни тянул сани и как ни тянул и ни толкал их Эмиль — у него даже кровь пошла из носа, — ничего не помогло: сани как стали, так и остались стоять.

Тут Эмилем овладела такая ярость, он так разозлился и на снег, и на сани, и на канаву, и на все, вместе взятое, будто лишился рассудка. Он поднял вой, похожий, должно быть, на вой первобытного человека. Лукас испугался, Альфред, быть может, тоже, но в нем не было заметно никаких признаков жизни. Внезапно Эмилю стало страшно.

— Ты жив еще, Альфред? — боязливо спросил он.

— Не-ет, я, верно, уже умер, — хриплым, странным и каким-то страшным, не своим голосом ответил Альфред.

Тут вся злость в Эмиле прошла, и осталось только горе. Он почувствовал себя таким одиноким! Хотя там, в санях, и лежал Альфред, мальчик был совсем один, и некому было ему помочь. Эмиль не знал, что ему теперь делать. Охотнее всего он лег бы в снег и заснул, чтобы ничего больше не видеть.

Неподалеку у дороги стояла усадьба, которую Эмиль называл «Блины». И вдруг он увидел, что на скотном дворе светится огонек. В душе у него затеплилась маленькая надежда.

Живи для людей, проживут и люди для тебя.

Русская пословица

Согласному стаду и волк не страшен.

Русская пословица

— Я схожу за помощью, Альфред, — сказал он.

Альфред не ответил, и Эмиль пошел. Он пробивался сквозь глубокие сугробы, и когда ввалился на скотный двор, то походил на снежную бабу.

На скотном дворе был сам хозяин «Блинов». И он очень удивился, увидев в дверях мальчишку из Каттхульты, засыпанного снегом, залитого кровью, капавшей из носа, и слезами. Да, Эмиль плакал, он не мог удержаться, он знал, какого труда ему будет стоять заставить хозяина «Блинов» выйти в метель на дорогу. Он был строптив, этот «блинопек», но все-таки понял: помочь Эмилю необходимо — и отправился с лошадью, веревкой, разными инструментами и вытащил сани из канавы, хотя все время что-то злобно бормотал про себя.

Будь у хозяина «Блинов» хоть капля совести, он, наверно, помог бы Эмилю добраться до Марианнелунда, но он этого не сделал. Эмилю с Лукасом пришлось одним продолжать свой тяжкий путь сквозь сугробы. Оба устали и двигались все медленнее и медленнее. И вот настал миг, когда Эмилю пришлось сдаться. Силы оставили его. Он не мог даже приподнять лопату.

— Не могу больше, Альфред, — сказал он и заплакал.

До Марианнелунда оставалось лишь несколько километров, и глупо было сдаваться, когда они уже почти достигли цели.

Альфред не издал ни звука. «Наверное, умер», — подумал Эмиль. Лукас стоял склонив голову — казалось, будто ему стало стыдно. Даже и он ничего больше не мог сделать.

- Можно ли как-то помочь Эмилю?
- Как бы ты вышел из этой ситуации?
- Как ты объясняешь подчеркнутую фразу?
- Что происходит на хуторе, где хватились Эмиля?

Эмиль сел на облучок, да так и остался сидеть. Он тихо плакал, его засыпало снегом, а он не шевелился. Конец всему, и пусть метет сколько угодно, ему теперь все равно.

Он дремал, ему хотелось спать. Сидя на облучке и не обращая внимания на покрывавшую его пелену снега, он погружался в сладкий сон.

...Кругом уже не было никакого снега и никакой зимы. Стояло лето. Они с Альфредом спустились вниз к хуторскому озеру — купаться. Альфред хотел научить Эмиля плавать. Смешной Альфред, разве он не знает, что Эмиль уже умеет плавать? Ведь Альфред сам научил его много-много лет тому назад, неужели он забыл? И Эмиль показал ему, как хорошо он умеет плавать! А потом они вместе плавали, плавали без конца и заплывали все дальше в глубь озера. В воде было так чудесно, и Эмиль сказал: «Мы — вдвоем, только мы с тобой! Ты и я, Альфред!» И он ждал, что Альфред, как обычно, ответит ему: «Да, мы — вдвоем, только мы с тобой! Ты и я, Эмиль!» Но вместо этого послышался звон колокольчиков. Нет, он явно ослышался. Какой может быть звон колокольчиков, когда купаешься!

С трудом разомкнув глаза, Эмиль вырвался из своего сна. И тут он увидел сне-

Мы дышим полной грудью лишь тогда, когда связаны с нашими братьями и есть у нас общая цель; и мы знаем по опыту: любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – значит вместе смотреть в одном направлении.

А. де Сент-Экзюпери

гоочиститель! Сквозь пургу шел снегоочиститель, да, конечно, из Марианнелунда шел снегоочиститель! А тот, кто вел машину, во все глаза смотрел на Эмиля, словно увидел привидение, а не засыпанного с ног до головы снегом мальчишку из Каттхульты, что в Леннеберге.

— А что, дорога расчищена до самого Марианнелунда? — живо спросил Эмиль.

— Да, — ответил тот, кто вел машину. — Успеешь, если поторопишься. Через полчаса будет та же беда!

Но и полчаса было Эмилю достаточно.

Приемная доктора была битком набита людьми, когда туда ворвался Эмиль. Доктор как раз высунул голову из кабинета, чтобы вызвать на прием очередного больного. Но тут Эмиль заорал так, что все подскочили:

— В санях во дворе Альфред! Он умирает!

Доктор не заставил себя ждать. Он позвал двоих стариков, из тех, кто сидел в приемной, — они внесли Альфреда в дом и положили на операционный стол.

- Есть ли у Альфреда шанс на спасение?
- Что скажет доктор о его состоянии?
- Что подумали об Эмиле люди, сидящие в приемной?

Бросив быстрый взгляд на Альфреда, доктор закричал больным:

— Ступайте все по домам! Тут дело серьезное!

Эмиль рассчитывал, что Альфред поправится почти в ту же самую секунду, когда явится к доктору, но, увидев, что доктор покачал головой примерно так же, как Креса-Майя, он испугался. Подумать только, а что, если уже поздно, что, если нет средства вылечить Альфреда? Стоило Эмилю подумать об этом, как ему стало невыносимо больно, и, сдерживая рыдания, он пообещал доктору:

— Я отдам тебе свою лошадь, если вылечишь его... и поросенка, только вылечи! Как думаешь, что-нибудь получится?

Доктор долго смотрел на Эмиля.

— Сделаю что смогу, но я ничего не обещаю!

Альфред лежал на столе, не подавая никаких признаков жизни. Но внезапно он открыл глаза и смущенно взглянул на Эмиля.

— А ты тут, Эмиль! — сказал он.

— Да, Эмиль тут, — подтвердил доктор, — но теперь лучше ему ненадолго выйти, потому что сейчас я буду тебя оперировать, Альфред!

По глазам Альфреда было видно, что он испугался, — он не привык ни к докторам, ни к операциям.

Творчество — это самостоятельное мышление... Коллективное творчество — это чепуха, но творчество в коллективе — это единственный вид настоящего и плодотворного творчества.

П. Л. Капица

Труд заключается в том, чтобы всегда трудиться. Это труд не забыть, труд не переставать верить, труд хранить в себе память мгновений озарения, труд искать их вновь и вновь... Наша жизнь исключительно коротка, ее слишком мало, чтобы тратить ее на что-нибудь, кроме веры, надежды и любви.

С. Фудель

— Я думаю, ему страшновато, — сказал Эмиль. — Может, лучше мне остаться с ним? Доктор кивнул головой:

— Да, раз уж ты сумел доставить его сюда, то, верно, справишься и с этим.

И Эмиль, взяв здоровую руку Альфреда в свою, все время держал ее, пока доктор оперировал другую руку. Альфред не издал ни звука. Он не кричал и не плакал; плакал только Эмиль, да и то так тихо, что никто этого не услышал.

- Когда Эмиль уедет домой?
- Спасут ли Альфреда?
- Что скажут родители Эмиля?

Эмиль смог вернуться домой с Альфредом только накануне Рождества. Уже вся Леннеберга знала тогда о его великом подвиге, и все ликовали.

— Этот мальчишка из Каттхульты всегда был нам по душе, — твердили леннебержцы в один голос. — И отчего некоторые бранят его! Все мальчишки — озорники...

Эмиль привез маме с папой письмо от доктора, и там, среди всего прочего, были и такие слова: «Вы можете гордиться своим мальчиком». И мама Эмиля записала в синей тетради: «Боже мой, как это утешило мое бедное материнское сердце, которое так часто сокрушалось об Эмиле. И уж я позабочусь о том, чтобы все в Леннеберге узнали про это».

Астрид Линдгрэн

Жив еще Эмиль из Леннеберги!

Пер. со шведск. Л. Брауде

ДЕТСТВО БЕЗ КНИГ — ВСЕ РАВНО ЧТО КОРАБЛЬ БЕЗ ВЕРФИ И ПОРТА

Прежде всего, сколько возможно, ребенок должен быть дома. Первые незаметные уроки индивидуализма, драгоценная школа одиночества, умение размышлять и радоваться частному, за пределами влияния многих, — всегда плоды домашнего дошкольного детства. Только годы, проведенные по-обломовски, в окружении близких, охраняют детей от сокрушительного слома, что готовит им вандал коллектив. Попробуй-ка пойдти против безобразного, ничтожного мнения «всех», — не посмеешь, если дома, в семье, не обучили азбуке недоверия, не показали, как можно быть самому по себе.

Далее, детям отчаянно нужны взрослые. Предоставленный компании сверстников, ребенок дичает стремительно и непоправимо: телевизор, компьютер, бегодня, уголовщина, разная вздорная мерзость, цветущая в детских оравах, на которые не нашелся свой пророк Елисей. И только в обществе старших, при вовлечении маленьких в большой разговор, возникает то необходимое влечение к росту, что впоследствии выведет малолетку прочь из мира детской жестокости и упрямства подростков.

Детей исключительно важно хвалить, баловать, демонстративно и беззастенчиво сильно любить. В противном случае вырастут монстры, всю жизнь избывающие недостаток родительской нежности в комплексах «преодоления трудностей», черной за-

мкнутости, бессмысленно-хемингуэевского брутализма и нарочитой муштры окружающих. Показывать свои чувства к ребенку — значит учить его открываться, учить незащищенности, один христианский навык которой дороже, чем тысяча хитрых приемов в стиле «таись и скрывай». Человек защищенный, закрытый — уродлив, его мало и плохо любили, его нужно жалеть.

Одна пчела не много меда натаскает.

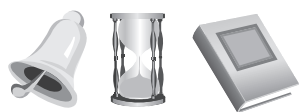
Русская пословица

Наконец, самое главное: книги. Детство без книг — все равно что корабль без верфи и порта. Важно, конечно, не «образование», не эрудиция и не набор интеллигентских имен на обложке. Удивленный, взволнованный мальчик с книжкой, переживающий за Генриха Четвертого, заколотого Равальяком, или наивно любующийся свирепостью речи Сен-Жюста, — никогда уже не станет жертвой доверия к миру насущному. Он уже не уверится в том, что кривые морды и затопленные грязью улицы за окном — это все, что дано, все, из чего состоит Божий мир. Книги — пропуск вовне.

Одинокая самоуверенность, способность отстраняться от маеты и верная любовь к словесности — закладываются исключительно в детстве и с огромным трудом наверстываются после, если обделили тогда. Счастье, приносимое малолетке райским и барским воспитанием, не повторится. Так или иначе, социум нас поглотит. Иными словами, чаще вспоминайте в кои-то веки справедливого Набокова с известным его «балуйте своих детей, господа, вы не знаете, что их ожидает». Не зовите на их головы гнусную «реальную жизнь», жизнь сама их еще непременно достанет и, не приведи Господи, ожесточит.

Зато бесцельное и бесценное ощущение одинокого домашнего праздника, детского, с ногами в кресле, корпения над пыльным томом энциклопедии Гранат (Капетинги, Меро-винги — рай!), — остается однажды и навсегда спасительным воспоминанием, явлением абсолютного счастья в нашей известно чем кончающейся, как говорил классик, жизни.

Дмитрий Ольшанский

- Приходилось ли тебе встречаться со своими сверстниками из других стран? Заметны ли различия в поведении детей?
- Слышал ли ты рассказы приезжающих из-за границы, в которых сравнивались «наши» и «их» методы воспитания?
- Если тебе представится возможность учиться за границей, какие трудности у тебя могут возникнуть?

ДЕТИ

Израильские дети кошмарны.

То есть они, конечно, милые, красивые и раскованные ребята, но не приведи Бог оказаться вам в автобусе на заднем сидении в окружении пяти-шести таких симпатяг. Полагаю, самым сильным вашим чувством на протяжении всей поездки будет чувство благодарности Судьбе за то, что вы состоите членом больничной кассы.

Да нет, ничего особенно злого и преднамеренного, ничего кровожадного у них и в мыслях нет! То, что вас крепко потопчут, так это просто они вскакивают, непоседы, и прыгают, словно кенгуру в прерии, по сидениям. Могут плюхнуться к вам на колени, и задрать вверх ноги в кроссовках сорок второго размера, очень непосредственно рассмеяться. Просто они веселые и раскованные.

То, что вы оглохнете на ближайшие семь лет жизни — это тоже пусть вас не смущает. Потому что никто специально, из преступных побуждений, вас не травмировал. Да, наши дети любят петь испуганным транспортным хором, весело визжать на запредельных звуковых колебаниях и орать, как пятьдесят иерихонских труб, собранных вместе. Да что там говорить: просто они веселые и раскованные.

Представьте себе: вы приезжаете из, мягко говоря, непростой страны — России, где не последней проблемой является проблема молодого поколения: преступность малолетних, жестокость подростков, потеря нравственных ориентиров... ну, и прочие прелести. Это так, конечно. Но все-таки... Если не касаться крайних случаев, следует признать, что в России все же существует... как бы это выразиться поточнее... субординация поколений, некое возрастное расстояние, разделение круга тем, разграничение отношений. Да что там говорить — не нами сказано впервые: отцы и дети! Скажем проще — место в трамвае балбес старухе все-таки уступит. А не захочет — ему укажут, да еще пристыдят.

Здесь, в Израиле, такой возрастной субординации не существует в принципе. Десятилетний мальчик будет разговаривать с вами, как со своим сверстником. И не только потому, что в иврите нет обращения к человеку на «вы». Ваш почтенный возраст ни в коем случае не мешает мальчику делать и говорить то, что он считает нужным. И вообще — ваш возраст отнюдь не основание для ущемления его права получить от жизни все удовольствия.

Это не хамство. Это — следствие брутальности всего общества. Одно важное добавление: все вышесказанное не исключает приветливости, и даже дружественности, и даже фамильярности, — как дополнительного оттенка всеобщей простоты.

Израильтяне очень любят своих детей. До неприличия. Во вред всяческому благоразумию. Причем, по моим наблюдениям, отцы более нежны к детям, чем матери, и больше времени посвящают чадам. Их балуют с самого рождения. Хвалят! Это очень важно. Вам объяснит это любой школьный психолог.

На днях мне пришлось-таки побывать на родительском собрании в школе, где учится моя восьмилетняя дочь. Собственно, собранием это назвать нельзя, поскольку педагог встречается с каждым родителем с глазу на глаз и беседует, проникновенно объясняя папам-мамам, какое драгоценное чадо им повезло родить. Я увиливала от таких «бесед» весьма успешно на протяжении полугода, поскольку объелась ими, пока моя дочь (незаурядная, на мой взгляд, бездельница и растяпа) училась в первом классе. Но тут получаю особое приглашение явиться вместе с дочерью! Записка сопровождается рядом восклицательных знаков. Я не то чтобы струхнула, но, признаться, озаботилась. В указанный день в названное время, разбросав важные дела и отменив две важнейшие для меня встречи, я предстала перед учительницей. Она была строга со мной необычайно. Я добиваюсь встречи с тобой целый год, сказала она, как ты можешь жить, не зная, что происходит с твоей дочерью? Тут,

Не мешаю другим мыслить иначе.

Н. М. Карамзин

конечно, я обмерла. Как это не знаю, что происходит, испуганно пролепетала я, слава Богу, вижу ее каждый день, проверяю тетрадки. А что происходит? А то происходит, сурово ответила она, что ребенок обделен теплым словом, сказанным в присутствии родителей. Целых полгода она не слышит о себе ничего хорошего. Нет, конечно, я все время хвалю ее в классе, чтобы она не испытывала дискомфорта, но этого явно недостаточно! После этих слов учительница выглянула в коридор, где подпирала стенку моя страшно довольная девица и, зазвав ее в класс, заговорила торжественно и проникновенно. Хава — прекрасная девочка, сказала она, лучшая ученица в классе. Не потому, что лучше всех учится, а потому, что м о ж е т учиться лучше всех. Более способной девочки я не встречала за все пятнадцать лет работы в школе... И т. д., и т. п.... Признаться, я сначала сама обалдела и развесила уши. То, что моя дочь — девка способная, я и сама знаю, других, что называется, не держим. Но от сыплющихся и сыплющихся на меня превосходных степеней по поводу ее талантов, я, честно говоря, обрела и минут десять зачарованно выслушивала всю эту чепуху.

Не страшно, продолжала учительница, что наша чудная девочка не всегда готовит дома уроки. Ничего, что она отвлекается на занятиях и почти все время сидит с отсутствующим видом. Не беда, что она забывает дома карандаши, ручку, тетради и однажды даже пришла без портфеля. Все это преодолимо, потому что более прекрасной по своим задаткам ученицы просто нет в школе. Словом, я поняла — что мне делать. И на обратном пути из школы «прекрасная ученица» прямым текстом получила по первое число: и за то, что уроки не готовит, и за то, что все забывает, и за отсутствующий вид и за отменные способности. Пропал «воспитательный момент» израильской училки. Все-таки, я хоть и еврейская мама, но российской закваски.

Надо сказать, в израильском обществе — в средствах массовой информации — постоянно муссируется вопрос о необходимости реформы образовательной системы. Время от времени в газетах публикуются разносные статьи и обличительные интервью. Общество клокочет: вся образовательная система прогнила, разваливается, никуда не годится. Тем не менее, поступая в университеты и технионы, абитуриенты — вчерашние выпускники израильских школ — успешно проходят сложнейшие тесты, и диплом, например, Иерусалимского университета за границей котируется высоко.

Каким образом эти разболтанные, не приученные к систематическому труду «мами» становятся серьезными людьми, отлично ориентирующимися в море специальной литературы и знающими, к а к взять из университетского курса самое важное и нужное для себя, — сие для меня пока загадка...

Дина Рубина

- Как ты измеряешь, по отношению к знакомым и незнакомым людям, степень их *воспитанности*?

ТО, В ЧЕМ ВИДНА НЕВОСПИТАННОСТЬ

Заговорить первым, когда застенчивый человек наконец собрался что-то сказать.

Ребенок лет четырех-пяти, мать которого живет в одном из ближних покоев, отчаянно шаловлив. Он хватает твои вещи, разбрасывает, портит. Обычно приструнишь

ребенка, не позволишь ему творить все, что в голову взбредет, и шалун присмирееет... Но вот является его матушка, и он начинает дергать ее за рукав:

— Покажи мне вон то, дай, дай, мама!

— погоди, я разговариваю со взрослыми, — отвечает она, не слушая его. Тогда уж он сам роется в вещах, найдет что-нибудь и схватит. Очень досадно! Мать запретит ему:

— Нельзя! — но не отнимет, а только говорит с улыбкой:

— Оставь! Испортишь! — Она тоже дурно ведет себя. А ты, понятно, не можешь сказать ни слова, а только бессильно глядишь со стороны, изнывая от беспокойства.

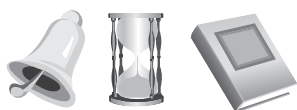

Сэй Сенагон

Записки у изголовья

Пер. со старояпонск. В. Марковой

- Продолжите записки японской писательницы собственными наблюдениями: в чем проявляется невоспитанность вокруг нас (в автобусе, на улице, в школе — на уроке и на перемене, в магазине).
- Насколько метким ты считаешь замечание сатирика: «Все дети делятся на невоспитанных и наших»? Примерь его к себе.

- Какие события торжественно отмечаются в твоей семье?
- Хранятся ли в твоей семье фотографии, связанные с важными семейными событиями?

ПОМОЛВКА

Антошка — русская девочка, живущая в Швеции во время Второй мировой войны. Ее пригласили в гости к соседям-шведам.

— Сегодня у нас помолвка Клары и Свена, — сказала фру Эдит. — Сегодня мы принимаем в нашем доме будущего мужа Клары. Выпьем за их здоровье, за их молодое счастье.

— А что такое помолвка? — тихо спросила Антошка Еву. — Это свадьба?

— Нет, что ты! Сегодня Клара и Свен объявляют себя невестой и женихом, а свадьба будет лет через шесть.

Антошка даже поперхнулась.

— Лет через шесть? — поразила ее она.

— А как же иначе? — спросила фру Эдит. — Мы не богачи, и разве вы видели когда-нибудь, чтобы в скворечнике было два гнезда и чтобы седой скворец кормил своих взрослых птенцов?

— Но почему же надо ждать шесть лет? — не унималась Антошка.

— Шесть лет Кларе и Свену понадобится на то, чтобы обзавестись хозяйством. Вот смотрите. — Фру Эдит вынула из комода тетрадь в клеенчатом переплете и протянула ее Антошке.

Это была та самая тетрадь, над которой о чем-то тихо спорили Клара и Свен.

— Здесь все записано, что надо купить, — продолжала фру Эдит, — и если, Бог даст, Клару не уволят из цветочного магазина, а Свен будет продолжать работать на

почтамте, за шесть лет они накопят все, что нужно для порядочной семьи.

Антошка листала тетрадь: столы, стулья, посуда, белье, радиоприемник, кастрюли, ножи, вилки, швабры и даже коврик вытирать ноги.

— Мы с Карлом справились за четыре года, — продолжала фру Эдит, — но для этого он ушел в двухлетнее плавание, чтобы побольше заработать, а я на фабрике стала лучшей работницей.

Антошка продолжала листать: подсвечники, семейные альбомы, электрический утюг, диванные подушки...

— Ой, как скучно! — вырвалось у нее. И тут же отругала себя: «Дуреха, бестактная дуреха!», но было уже поздно.

— Что вы? — искренне удивилась Клара. — Это так интересно! Мы будем откладывать деньги каждую получку и лет через пять, а возможно, и раньше найдем квартиру и начнем бегать по магазинам, покупать красивые модные вещи и завозить их в наше гнездо. Все будет новое, блестящее, ни одной старой вещи. После свадьбы Свен наденет новый костюм, я — нарядное платье и туго накрахмаленный передник, я приготовлю обед в новых кастрюлях для своего мужа, подам его на свежей скатерти, а после обеда мы будем пить из маленьких чашечек кофе. Я смею его на новенькой мельнице... Ах!

— Клара в ужасе прижала руки к груди. — Свен, мы не записали кофейницу! — Она выхватила из рук Антошки тетрадь и стала быстро-быстро листать. — Так и есть. Забыли кофейницу.

Свен вынул из нагрудного кармана ручку, Клара аккуратно вписала кофейницу и снова повеселела.

— Папа с мамой придут к нам в гости, я буду угощать их, и для отца куплю лучший трубочный табак. На дверях нашей квартиры будет висеть дощечка: «Фру ок герра Юнссон», и это будем мы со Свенем.

Антошка подсчитала: Кларе сейчас восемнадцать лет. Через шесть лет ей будет уже двадцать четыре. «Она будет уже немолодая», — вздохнула Антошка.

Фру Эдит подкладывала гостям угощение.

— Ой, что я вам сейчас расскажу! — щебетала без умолку Клара. — Вчера Свен пригласил меня в кино... Что я тебе ответила, Свен?

Свен пожал плечами.

— Ты спросила меня, сколько я собираюсь израсходовать на билеты. Я сказал, что куплю лучшие места по кроне.

— Что я сделала?

— Ты отобрала у меня деньги.

Все рассмеялись.

— Да-да, — подтвердила Клара, — я сказала, что положу две кроны на сберегательную книжку. Это приблизит день нашей свадьбы. И мы отлично погуляли по улицам и даже не соблазнились зайти в кафе и съесть по порции мороженого. Ведь мы отлично с тобой погуляли, не так ли? — спросила Клара.

— Да, — вздохнул Свен, — прогулка была отличная.

— Я теперь буду каждый день есть мороженое, — сказала решительно Клара. — Самую маленькую порцию. Представлю себе, что съела, и отложу двадцать эре — это хоть на пять минут приблизит нашу свадьбу.

— А я после работы буду развозить срочные телеграммы. Мне обещали за это десять крон в неделю.

— Десять крон! — одобрила фру Эдит. — Это очень благоразумно, десять крон на дороге не валяются.

Антошка подавила вздох и подумала о том, что она помнит себя маленькой в бабушкиной комнате, разделенной легкой перегородкой на две. В одной комнате жили папа с мамой, а в другой бабушка с Антошкой. Папа всегда старательно наглаживал свои брюки, когда они с мамой шли в театр, а мама так умела накрахмалить и выутюжить свою праздничную голубую блузку, что она сверкала, как новая. И разве папа с мамой любили друг друга меньше оттого, что у них не было коврика у двери вытирать ноги, и бабушка готовила отличный борщ в старой помятой кастрюле. Зато, когда папа закончил институт, он купил на свою первую зарплату такие чудесные лаковые «лодочки» маме, что мама танцевала от радости. Все соседи по квартире пришли смотреть на них и говорили, что у Лизы хороший муж и что она в этих туфлях будет самая красивая в театре. Антошка тоже любовалась мамиными туфлями, которые блестели, как новые галоши, только были на каблуках. И еще помнит Антошка, как они отправились с папой и мамой на первомайскую демонстрацию. Папа нес ее на плече, у Антошки в руках были три разноцветных шарика, улицы звенели музыкой. Антошка сидела на папином плече и ела мороженое. Ей было тогда шесть лет. И если бы папа с мамой ждали шесть лет, то не было бы этих замечательных дней, потому что самой Антошки не было бы на свете — папа с мамой покупали бы все новые и новые кастрюли.

Зоя Воскресенская
Девочка в бурном море

- Обсудите в классе пословицу «С милым рай и в шалаше». Согласны ли вы с ней? Почему да? Почему нет?
- Как смотрит на перспективу шестилетнего ожидания Антошка? Чего она не одобряет?
- Понимает ли Антошка, что Свен и Клара живут в другой культуре, отличной от той, в которой выросла она?
- Знакомы ли тебе случаи межэтнических браков? Возникают ли при этом проблемы?
- Существует ли риск, что непонимание представителей разных культур «задушит» любовь?

Никто не может заставить тебя почувствовать себя униженным без твоего согласия.

Элионор Рузвельт

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ДЛЯ СЕБЯ

Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.

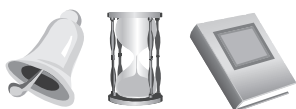
Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает по себе
щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает для себя...
Выбираю тоже, как умею,
ни к кому претензий не имею —
каждый выбирает для себя.

Юрий Левитанский

- С чем у тебя ассоциируется понятие «беженцы»?
- Что заставляет сегодня людей оставлять родное гнездо и уходить в неизвестность?

Бритт Мари живет в небольшом шведском городке и переписывается с Кайсой из Стокгольма. Это — отрывок из одного ее письма.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

В доме у нас всю последнюю неделю жили чужеземцы: четверо перелетных птиц опустились в наше гнездо, чтобы немного передохнуть, иными словами — четверо беженцев, которых мама взяла на свое попечение.

Они приехали в воскресенье вечером, мать и трое маленьких детей. Мне кажется, моя подушка все еще мокрая от слез, которые я выплакала в тот вечер, когда легла спать.

Ни у одного человека на свете не должно быть таких смертельно печальных глаз, как у этой мамы. Ни у одного ребенка — такого бледного, преждевременно состарившегося личика, как у этих троих детей. Обе девочки спят в моей комнате, и даже во сне они не знают покоя. Я прихожу в полное отчаяние, видя, как они лежат, словно в напряженном ожидании, готовые проснуться при малейшем шорохе. Их мать, фру Хольт — мужественный человек. Она пытается не впадать в отчаяние, хотя не имеет ни малейшего понятия о том, где находится ее муж, и маловероятно, что она когда-нибудь увидит его в этой жизни. Иногда она даже пытается улыбнуться, но глаза ее не улыбаются никогда. Думаю, они видели слишком много.

Ее сынок Микаэль — ровесник Йеркера и живет в его комнатке. Тяжелые переживания меньше всего отразились на нем, и я слышу, как они с Йеркером весело хохочут. Но Микаэлю не хватает ощущения безопасности и искренности, присущих Йеркеру. Как по-твоему, будет ли когда-нибудь в этом мире так, что все дети смогут жить в безопасности?.. Мы обязаны надеяться на это, мы обязаны все вместе попытаться трудиться ради этого... Разве можно выдержать другую жизнь?

Письмо мое получается грустное, но оно все-таки и наполовину не такое грустное, как чувства, которые я испытываю. Прости меня, будь добра!

Вчера вечером у нас был небольшой музыкальный вечер, чтобы наши гости хоть немного развеялись. Мама играла, и маленькие дочки фру Хольт тоже играли в четыре руки. А позже мы, как обычно, пели. Мама, я и Йеркер исполняли партию первого голоса, Сванте и Майкен — второго, а папа — третьего.

Когда мы закончили, на некоторое время воцарилась тишина. Тишина, прерываемая лишь всхлипываниями фру Хольт. Кайса, я никогда не слышала, чтобы человек так плакал! Я буду слышать ее плач, покуда я жива. И я горячо желаю, чтобы жизнь еще когда-нибудь подарила ей возможность сорвать несколько роз.

Завтра они уезжают отсюда в другое место, где смогут остаться ненадолго. Но только совсем ненадолго. Не иметь дома, самого крошечного, самого маленького дома, — не могу представить себе судьбы горше!

И когда я оглядываюсь в собственном уютном, теплом доме, то чувствую такую ог-

ромную нежность... до боли душевной. Мебель потертая, да и элегантною обстановки не похвастаешься, но, во всяком случае, это дом. Дом, живущий полноценной жизнью, и надежное прибежище нашего существования.

Астрид Линдгрэн
Бритт Мари изливает душу

- Прокомментируй подчеркнутое предложение.
- Какие чувства вызвала у фру Хольт музыка? Почему?
- Какой была жизнь этой семьи до того, как им пришлось бежать?
- Какое воспитание получили дети?
- Что их ждет впереди?
- Как относится к беженцам Брит Мари?
- Как ты думаешь, когда могли происходить описанные события?
- Могло ли письмо Брит Мари быть написано в наши дни?

- Зачем люди организуют различные общества?
- Кого из людей называют трезвенниками?
- Хорошо или плохо быть трезвенником?

ЭМИЛЬ ВСТУПАЕТ В ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ

Во всей Леннеберге не было хозяйки, равной маме Эмиля в умении варить варенье, выжимать сок, готовить и находить применение всему тому, что росло в лесу и созревало дома, в саду.

В самый разгар сбора вишни в Каттхульт приехала погостить расфуфыренная фру Петрель из Виммербю. И тут мама Эмиля возьми да пожалуйся, что уж слишком много уродилось этой благословенной вишни, которую просто некуда девать.

— Я думаю, Альма, тебе надо поставить вишневую наливку, — сразу нашлась фру Петрель.

— Боже упаси! — воскликнула мама.

О вишневой наливке она и слышать не хотела. В Каттхульте жили одни трезвенники. Но фру Петрель возразила, что ежели в Каттхульте не желают пить наливку, то в других местах все же найдутся такие, которые не прочь пропустить рюмочку. Например, ей самой хотелось бы иметь несколько бутылок вишневой наливки, и почему бы маме Эмиля тайком от домашних не поставить бродить вишни куда-нибудь в темный угол погреба, где кувшин с вишнями никто не увидит. А когда наливка будет готова, фру Петрель приедет в Каттхульт и хорошо заплатит за нее.

Маме Эмиля всегда было трудно отказать, когда ее о чем-нибудь просили. К тому же она была расторопной хозяйкой, у которой ничего не пропадало даром, а для себя она уже насушила вишни предостаточно. И неожиданно, сама не понимая, как это сорвалось у нее с языка, она пообещала фру Петрель приготовить для нее вишневку.

Но мама была не из тех, кто делал что-нибудь тайком от других. Все как есть она рассказала папе Эмиля. Он долго ворчал, но под конец сказал:

— Делай как знаешь! Кстати, сколько она обещала заплатить?

Но об этом фру Петрель ничего толком не сказала.

Несколько недель вишни бродили в большом кувшине, поставленном в погреб, и как-то в августе, в тот самый день, мама решила, что вино уже готово и пришел срок разлить его по бутылкам. Она выбрала подходящее время, когда папа был на ржаном поле. Он не увидит вина в своем доме и не почувствует за собой греха.

Вскоре мама Эмиля расставила в ряд на кухонном столе десять бутылок красной наливки. Теперь их надо было убрать в корзину и задвинуть в угол погреба, чтобы они никому не мозолили глаза. Пусть теперь фру Петрель приезжает, когда ей вздумается, и забирает свое вино.

Вернувшись домой с пустой корзинкой для провизии, Эмиль и Ида увидели у кухонной двери ведро с вишнями, из которых готовилась наливка.

— Эмиль, возьми-ка ведро, — сказала мама, — и пойди зарой эти вишни в мусорной куче.

И Эмиль пошел, послушный, как всегда. Но мусорная куча была сразу за свинарником, а в свинарнике слонялся словно неприкаянный Заморыш. Увидев Эмиля, он громко захрюкал, давая понять, что хочет выйти и погулять с ним.

— Это я тебе сейчас устрою, — сказал Эмиль и поставил ведро на землю.

Он отворил дверцу свинарника, и оттуда с радостным хрюканьем выскочил Заморыш. Он тотчас сунул пяточок в ведро, полагая, что Эмиль принес ему поесть. И тут Эмиль впервые задумался над словами мамы: «...зарой эти вишни в мусорной куче». Как-то чудно, в самом деле: в Каттхульте не привыкли зарывать в землю то, что съедобно. А эти ягоды, очевидно, хороши, Заморыш ел их, не отрываясь от ведра. «Может быть, — подумал Эмиль, — мама хотела зарыть ягоды в мусорной куче, чтобы они ни в коем случае не попались на глаза папе, который с минуты на минуту должен был вернуться домой с ржаного поля? Пусть уж лучше Заморыш сожрет их, — решил Эмиль. — Ведь он ест так, будто без этих вишен просто жить не может!» По всему было видно, что Заморышу эти вишни особенно понравились. Он хрюкал от удовольствия и так усердствовал, что весь перемазался — рыльце его стало совсем красным. Чтобы ему было удобнее есть, Эмиль высыпал вишни на землю. Тут явился петух и тоже захотел разделить с поросенком пиршество. Заморыш лишь покосился на петуха, но не прогнал его, и петух стал клевать ягоды одну за другой. Вдруг, к своему изумлению, Эмиль увидел, что петух шлепнулся на землю. Несколько раз петух пытался подняться, но ничего у него не получилось. Едва он приподнимался, как снова падал головой вниз и лежал как мертвый.

Эмиль не понимал, что стряслось с петухом, но ему было жаль его. Он подошел, поднял петуха и поставил его на ноги. Петух постоял немного, покачиваясь взад-вперед, словно пробуя, держат ли его ноги. И тут вдруг его словно бешеная муха укусила — закукарекал, горделиво захлопал крыльями и с истошным «ку-ка-ре-ку!» кинулся на стайку кур. Куры испуганно бросились наутек, видно, решили, что петух спятил. То же подумал и Эмиль. Он растерянно смотрел на бесновавшегося петуха и совсем забыл про Заморыша. Но если уж говорить о том, что кто-то спятил, так это как раз Заморыш. Поросятку тоже захотелось погоняться за курами, и он с пронзительным хрюканьем бросился вслед за петухом. Эмиль все больше и больше удивлялся. Он никак не мог взять в толк, что приключилось. Заморыш носился кругами, громко и дико хрюкая.

На кур было жалко глядеть. Никогда в жизни они не видели, чтобы поросенок гонялся за ними и подпрыгивал вверх.

Когда Эмиль вышел из сарая, он увидел, что петух и Заморыш снова вернулись к вишням. Правда, теперь он и поросенок пожирали вишни не так жадно. Вдруг петух снова шлепнулся на землю, а за ним и Заморыш.

В траве валялось еще довольно много вишен, и Эмиль взял попробовать одну. На вкус она была не совсем такой, как обычная вишня, но действительно довольно вкусной! И как это маме могло прийти в голову закопать такие хорошие ягоды в куче мусора?

Да, мама! Ведь надо пойти и рассказать о беде с курами. Но идти ему не очень хотелось. Во всяком случае, не обязательно идти сразу. Он в раздумье съел несколько вишен... потом еще несколько... нет, ему что-то совсем не хотелось идти к маме сейчас!

Тем временем на кухне мама готовила ужин косарям. И вот они все вместе явились домой: папа Эмиля и Альфред, Лина и Креса-Майя. Усталые и голодные после долгого рабочего дня, расселись они вокруг кухонного стола. Но место Эмиля пустовало, и мама вспомнила, что уже довольно давно не видела своего мальчика.

— Лина, сходи-ка взгляни, нет ли Эмиля у Заморыша, — приказала мама.

Лина ушла и долго не возвращалась. Наконец она появилась на пороге и стала ждать, пока все обратят на нее внимание. Она хотела, чтобы все одновременно услышали поразительную новость, которую она собиралась им преподнести.

— Что с тобой? Почему ты стоишь как столб? Что-нибудь стряслось? —спросила мама Эмиля.

Лина таинственно улыбнулась.

— Стряслось ли что... да, право, не знаю, что и сказать... Петух — пьяный! И Заморыш — пьяный! А Эмиль... Эмиль... — сказала Лина и перевела дух. — Эмиль — тоже пьяный...

Что творилось в тот вечер в Каттхульте! Просто трудно описать!

Папа Эмиля шумел и кричал, мама плакала, маленькая Ида плакала, Лина тоже плакала, правда, так — за компанию. Креса-Майя охала и вздыхала. Ей было уже не до ужина. Она должна была немедленно бежать и раззвонить новость всем и каждому в округе:

— Ох-ох-ох! Бедняги эти Свенссоны из Каттхультя! Эмиль, горюшко наше, напился пьяным и перебил всех кур! Ох-ох-ох!

Один только Альфред не потерял голову. Когда Лина явилась с ужасными новостями, он вместе со всеми ринулся из дома и сразу нашел Эмиля. Мальчик лежал в траве рядом с Заморышем и петухом. Да, Лина была права: Эмиль в самом деле был мертвецки пьян. Он лежал закатив глаза и привалившись к Заморышу. Было видно, что ему совсем худо. Мама Эмиля залилась горькими слезами, увидев своего мальчика таким бедным и несчастным, и хотела тотчас же отнести его в горницу. Но Альфред, знавший толк в подобных делах, сказал:

— Ему лучше остаться на свежем воздухе!

Весь вечер просидел Альфред на крыльце людской, держа на коленях Эмиля. Он помогал мальчику, когда его рвало, и утешал, когда он плакал. Да, да, время от вре-

Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека!

Ф. М. Достоевский

мени Эмиль приходил в себя и плакал. Он ведь слышал: все говорили, что он пьян, хотя и не мог понять, как это произошло. Эмиль не знал, что, когда из вишен делают настойку и дают им хорошенько перебродить, ягоды становятся пьяными и от них пьянеют. Потому-то мама Эмиля и велела ему зарыть ягоды в куче мусора, а он вместо этого съел их вместе с петухом и Заморышем. Вот он и лежал теперь как бревно у Альфреда на коленях. Настал вечер, взошла луна, а Альфред все еще сидел, держа на коленях Эмиля.

— Ну как ты, Эмиль? — спросил Альфред, увидев, что Эмиль чуть приоткрыл глаза.

— Ничего, жив еще! — устало ответил Эмиль, а потом добавил шепотом: — Но если я умру, тебе, Альфред, достанется Лукас.

— Не умрешь, — уверенно пообещал ему Альфред.

Нет, Эмиль не умер, не умер и Заморыш, не умер и петух.

На другое утро и петух, и Заморыш, и Эмиль немного пришли в себя, хотя петух не мог петь целых три дня. Правда, он пытался время от времени петь, но никакого «ку-ка-ре-ку» у него не выходило, а лишь какое-то отвратительное «ку-ке-литсу», которого он очень стеснялся. Всякий раз при этом куры смотрели на него с таким упреком, что петух стыдливо прятался в кусты.

А Заморыш ничуть не стыдился. Что касается Эмиля, то у него весь день был сконфуженный вид.

— Валяться пьяным вместе с поросенком! Хорош, нечего сказать! — поддразнивала Лина. — Два пьяных поросенка — ты и Заморыш! Теперь я так и буду вас звать.

— Прикуси-ка язык, — сказал Альфред, зло взглянув на Лину, и она тут же приоткрыла рот.

Но история с пьяными вишнями на этом не кончилась. В полдень через ворота, ведущие в Каттхульт, прошествовали трое степенных мужей, членов правления леннебергского Общества Трезвости. Да, ты ведь, верно, не знаешь, что это за штука — Общество Трезвости. Но должна тебе сказать: в старые времена это было нечто такое, в чем крайне нуждались и в Леннеберге, и во всем Смоланде. Члены Общества Трезвости трудились в поте лица, чтобы покончить со страшным пьянством, приносившим несчастье стольким людям в прежние времена, да и ныне тоже.

Болтунья Креса-Мая, оплакивавшая пьянчужку Эмиля, взволновала все Общество Трезвости. И вот троица из этого общества явилась в Каттхульт, желая побеседовать с родителями Эмиля!

— Хорошо бы, — сказали они, — если бы ваш Эмиль смог прийти на вечернее собрание в Дом Общества Трезвости. Там бы его обратили на путь истинный и заставили вести более трезвый образ жизни.

Мама Эмиля жутко разозлилась и рассказала, что случилось с Эмилем и вишнями. Но у гостей по-прежнему были скорбные физиономии, и один из них сказал:

— Все-таки нехорошее дело вышло с Эмилем. Не мешало бы дать ему взбучку на нашем вечернем собрании.

И папа Эмиля согласился. Нельзя сказать, чтобы он радовался этому собранию: не очень-то приятно, когда тебя позорят перед всеми, но, может, необходимо пойти к этим людям, чтобы направить Эмиля на праведный путь трезвости.

— Я схожу туда с ним, — мрачно пробормотал папа.

— Нет уж, раз ему нужно быть на этом собрании, с ним пойду я! — заявила мама. — Ведь эту злосчастную наливку ставила я, и тебе, Антон, нечего страдать по моей вине. Если кому и нужно выслушать проповедь о вреде пьянства, так это мне, но, пожалуйста, я могу взять с собой и Эмиля, раз это нужно.

Когда настал вечер, Эмиля одели в праздничный костюмчик, и он сам натянул свою «шапайку». Он не имел ничего против того, чтобы его обратили на праведный путь трезвости. Да и просто приятно побыть немного на людях.

Должна сказать, что в тот вечер Дом Общества Трезвости был битком набит! Все жители Леннеберги желали участвовать в обращении Эмиля на путь праведный. На сцене уже давно выстроился хор трезвенников, и, как только Эмиль показался в дверях, хор грянул:

*Юный муж, что вкушает бокал
Ядовитого зелья...*

— Никакой не бокал, — сердито сказала мама, но слова ее услышал только Эмиль.

Когда пение подошло к концу, на сцену вышел какой-то человек — он долго и серьезно разглагольствовал об Эмиле, а под конец спросил его, не хочет ли он дать клятву трезвости, которой должен оставаться верен всю свою жизнь.

— Могу, — с готовностью ответил Эмиль.

В ту же минуту у дверей раздалось легкое похрюкивание, и на собрание вбежал Заморыш. Оказывается, он тихонько трусил вслед за Эмилем, и вот он тут как тут! Увидев Эмиля на скамейке первого ряда, поросенок страшно обрадовался и тотчас устремился к нему. В зале поднялся страшный шум. Никогда прежде не бывало, чтобы в Доме Общества Трезвости появлялся поросенок. И трезвенникам он был сейчас совершенно ни к чему. «Поросята не соответствуют торжественности момента» — так полагали они. Но Эмиль сказал:

— Ему тоже не вредно дать клятву трезвости. Потому что он съел куда больше вишен, чем я.

Заморыш и сейчас был крайне возбужден, и, чтобы он не произвел невыгодного впечатления, Эмиль сказал ему:

— Служи!

И тогда Заморыш, к великому удивлению всех жителей Леннеберги, встал на задние ножки, точь-в-точь как собака. И вид у него при этом был очень кроткий и смиренный. Эмиль вытащил из кармана горстку сушеных вишен и дал поросенку. Леннебержцы не поверили своим глазам: поросенок протянул мальчику правое копытце и поблагодарил за угощение.

Все так увлеклись Заморышем, что чуть не позабыли про клятву трезвости. Эмиль сам напомнил об этом:

— Ну как, нужно мне обещать что-нибудь или нет?

И тут же Эмиль дал клятвенное обещание впредь «всю свою жизнь воздерживаться от употребления крепких напитков, а также всячески способствовать распространению трезвости среди своих сограждан». Эти прекрасные слова означали, что Эмиль никогда в жизни не возьмет в рот спиртного и что он будет содействовать распространению трезвости среди других людей.

— Эй, Заморыш, это касается и тебя, — сказал Эмиль, принеся клятву.

И все жители Леннеберги сказали, что никто, кроме Эмиля, никогда не давал клятвы трезвости вместе с поросенком.

— Он такой чудной, этот мальчишка из Каттхульты, — сказали они в один голос.

Когда Эмиль, вернувшись домой, вошел в кухню в сопровождении Заморыша, он застал там отца, сидевшего в полном одиночестве. При свете керосиновой лампы Эмиль увидел, что глаза у него заплаканы. Никогда прежде Эмилю не приходилось видеть отца плачущим, и ему это не понравилось. Но тут он сказал Эмилю нечто такое, что ему понравилось.

— Послушай-ка, Эмиль! — произнес он и, крепко взяв сына за руки, пристально посмотрел ему в глаза. — Если ты дашь мне клятву — всю свою жизнь не брать в рот спиртного, я подарю тебе поросенка... Вряд ли, правда, в этом паршивце осталась хоть капля сала после всех его прыжков и пьяных выходов.

Эмиль даже подпрыгнул от радости. И снова поклялся до конца дней своих не брать в рот спиртного. Эту клятву он сдержал. Такого трезвого председателя муниципалитета, каким впоследствии стал Эмиль, ни в Леннеберге, ни во всем Смоланде никогда не видывали. И потому-то, может, не так уж плохо, что однажды летом, еще будучи ребенком, он наелся перебродивших вишен.

Моя совесть есть не что иное, как мое **Я**, ставящее себя на место оскорбленного **Ты**.

Людвиг Фейербах

Астрид Линдгрэн
Жив еще Эмиль из Леннеберги!
Пер. со шведск. Л. Брауде

- В чем была ошибка мамы Эмиля, когда она его послала закопать вишни?
- Почему мальчик ослушался?
- Почему разные люди по-разному отреагировали на состояние Эмиля?
- Зачем Креса-Майя рассказала всем про «пьяного Эмиля»? Помогло ли это чем-то Эмилю?
- Мог ли этот случай в самом деле изменить отношение Эмиля к выпивке?

ЛЮСИНДА БЕРЕТ ДЕЛО В СВОИ РУКИ

Люсинде Уаймен десять лет. Эта история произошла в Нью-Йорке примерно в 1890 году.

На углу улицы стоял лоток с фруктами. Люсинда почти всегда притормаживала, чтобы полюбоваться блестящими яблоками, ровными пирамидами лимонов и апельсинов и отличными бананами. Итальянец, которому принадлежал лоток, тоже показался ей очень славным. Покупку груши она сочла вполне хорошим предлогом, однако настоящее знакомство так и не завязалось. Хо-

Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может делать бездну добра.

Ф. М. Достоевский

зьяин лотка почти не говорил по-английски, а Люсинда не знала ни одного итальянского слова.

Сегодня у лотка стоял не хозяин, а мальчик. Маленький, щуплый, с густой шапкой вьющихся черных волос и горящим взглядом, он сразу произвел впечатление на Люсинду.

Не успела Люсинда как следует приглядеться к юному продавцу фруктов, как мимо прошествовали вразвалку двое мальчишек. Люсинда заметила, что один из них был довольно толстый, у второго сильно выпирал подбородок и у обоих глаза как-то странно бегали. Внезапно мальчики с силой толкнули лоток, который стоял всего на одном колесе и двух ножках. От толчка он зашатался. Фрукты посыпались на землю. Схватив все, что смогли, мальчишки бросились наутек. На бегу они оборачивались и корчили рожи щуплому итальянцу.

- Где это происходит?
- Почему мальчик выглядит именно так?
- Почему Люсинде хочется завязать знакомство с продавцом?
- Станет ли она помогать мальчику?

Люсинда немедленно поспешила на помощь. Подобрав вместе с мальчиком уцелевшие фрукты, она помогла снова сложить их на лотке в пирамиды. Мальчик едва не плакал. Но он старался быть настоящим мужчиной и из последних сил сдерживал слезы. Люсинда заметила это. Она очень хорошо понимала, какие чувства можно испытывать, когда с тобой поступают подобным образом.

— Папа говорит, что я не должен позволять этим гадам красть фрукты, — хриплым от ярости голосом проговорил итальянец. — Но я ничего не могу с ними сделать. Их двое, и они сильнее меня. Пока я защищаю один край лотка, они бросаются на другой. Но ничего! — сжал он кулаки так, что они побелели. — Вот я вырасту, и они у меня узнают!

Люсинду вся эта история возмутила до глубины души.

— Ты хочешь сказать, что они уже не в первый раз обкрадывают твой лоток? — осведомилась она.

— Уже в третий, — внес полную ясность мальчик.

— Но это же подло! — топнула в сердцах Люсинда ногой. — Двое на одного, и еще тырить фрукты! Жаль, это произошло не на участке полицейского М'Гонегала. Уж он бы им задал! Они бы мигом слиняли отсюда.

Маленький лоточник улыбнулся Люсинде. Ему вдруг показалось, что сам ангел-хранитель послал ему сейчас эту девочку.

— Они гады и трусы! — воскликнул он. — При папе они даже близко сюда не суются.

Они чувт: папа большой и сильный. Никому неохота, чтоб тебе врезали. А стоит мне одному у лотка остаться — они тут как тут.

Мальчик нравился Люсинде все больше и больше. Наконец она поняла, что такой друг ей просто необходим. Верная своим правилам, она тут же постаралась как можно больше рассказать о себе. Затем представился мальчик. Оказалось, его зовут Тони, папу — Витторе, а фамилия их — Коппино. Когда Люсинда заторопилась домой. Тони вложил ей в руку большое яблоко.

— Теперь мы друзья, — торжественно произнес он. — Обязательно приходи еще.

В субботу Тони с утра поручили лоток. А Люсинда отправилась к сапожнику получить ботинки. Конечно же, она не упустила случая повидать на обратном пути Тони. Едва поравнявшись с лотком, Люсинда поняла, что перед самым ее появлением здесь разразилась новая катастрофа. Апельсины, лимоны, яблоки, мандарины валялись в сточной канаве. Тони стоял рядом и в подробностях объяснял отцу, как был ограблен лоток. Они говорили по-итальянски, однако Люсинде сейчас перевода не требовалось. Она ведь сама в прошлый раз видела, как орудуют эти мальчишки.

По выразительным жестам Тони девочка поняла, что такого опустошительного набега лоток еще не переживал. Во-первых, толстяк привлек в свою шайку еще одного мальчика. Теперь нападающих было трое. Кроме того, они догадались захватить с собою пакеты и могли унести куда больше фруктов.

Когда Витторе с отчаянием махнул рукой и зашагал прочь, Люсинда ринулась следом на роликах. Она догнала его и медленно покатила рядом. Прибегая к жестам и восклицаниям, она изо всех сил пыталась показать Витторе, что очень сочувствует ему и сыну. К ее радости, итальянец все понял и ласково улыбнулся. Тогда Люсинда решила продолжить беседу. Итальянец совсем разговорился, и ему удалось объяснить Люсинде, что Тони — очень хороший мальчик, только вот никак не может справиться с этими хулиганами. Если так будет продолжаться дальше, скоро на их лоток нападет десять, а может, даже двадцать мальчишек. И главное, Витторе тоже ничего не может с этим поделать. Ему просто необходимо дважды в неделю отправляться на рынок за новой партией товара. Вот он и вынужден в эти дни оставлять Тони за лотком одного.

Люсинда слушала и серьезно кивала головой. Распровавшись у лотка с Витторе и Тони, она медленно заскользила домой. Впервые роликовые коньки Люсинды катились так медленно. Хозяйке их сейчас было не до быстрой езды. Она думала, как помочь своим новым друзьям.

- Почему Люсинда кидается помочь малознакомым людям?
- Как бы ты поступил на месте Тони?
- А на месте его отца?
- Рассмотрите возможные варианты защиты лотка.

Однако ни в тот день, ни в последовавшее за ним воскресенье Люсинде ничего путного в голову не пришло. Лишь в понедельник утром она наконец поняла, что, пожалуй, все же сумеет справиться с этим.

Ей стоило огромных усилий сопроводить мисс Питерс до конца улицы. Когда же на-

Доверие, оказываемое вероломному, дает ему возможность вредить.

Луций Анней Сенека

конец настала пора расставаться, Люсинда пулей устремилась вперед.

— До свидания, мисс Питерс! — слышалось издали. — Мне тут пришла в голову одна мысль. Поглядим, что из этого выйдет.

И Люсинда растворилась вдаль. План спасения семейства Коппино был достаточно сложен. Тут многое зависело как от скорости передвижения по городу, так и от сообразительности Люсинды. Даже в Брайант-парке она сегодня ни на секунду не замедлила темпа. Едва кивнув, она пронеслась мимо мистера М'Гонегала-полицейского. Так она неслась все дальше и дальше, пока не достигла кондитерского магазина на Пятой авеню. С владельцем, французом по имени Луи Шерри, Люсинда подружилась еще прошлым летом. С тех пор она множество раз пробовала тут сладости и знала, как они великолепны. Теперь оставалось только надеяться, что мистер Шерри на месте.

Едва переступив порог магазина, девочка облегченно вздохнула. Кондитер стоял за прилавком.

— Ну, ясно, — немного подумав, проговорил мистер Луи Шерри. — Насколько я помню, вам, мисс Уаймен, всегда очень нравились французские завитушки и шоколад с нугой. Если я дам по пакету того и другого, дорога в школу покажется веселее? Я прав?

— И как только вы догадались! — воскликнула девочка. — Только я прошу все это не для себя, — сочла она своим долгом добавить, — мне нужно дать взятку.

— Взятку? — изумился кондитер. — Кому и зачем?

- Кому девочка собирается дать взятку?

— Мистеру М'Гонегалу, полицейскому, — спокойно отвечала Люсинда. — Я выяснила, что он сладкоежка, а значит, ему понравится.

— Ты разве не знаешь — полицейских нельзя подкупать? Законом запрещено.

— Только вы не подумайте, мистер Шерри, — объяснила Люсинда, — тут нет ничего плохого.

И она подробно рассказала о неприятностях, которые просто преследуют семейство Коппино.

Луи Шерри внимательно слушал, и глаза его как-то странно поблескивали.

— Если что-нибудь сорвется, приходи еще, — сказал он.

В тот день Люсинда не поехала после уроков домой. Она спустилась на тротуар, быстро пристегнула к ботинкам ролики и помчалась разыскивать мистера М'Гонегала-полицейского. Он стоял на углу Сорок второй улицы.

— Мистер М'Гонегал! Мистер М'Гонегал! — громко окликнула Люсинда издали.

Полицейский обернулся и пошел ей навстречу. Поравнявшись, Люсинда вручила ему пакетик с золотой надписью.

— От моего друга Луи Шерри! — торжественно объявила она.

— Луи Шерри твой друг? — удивился полицейский. — Прямо не верится.

— Да у меня много друзей, — просто ответила девочка. — Одному из них как раз пришлось очень трудно. У него большие неприятности, мистер М'Гонегал!

— Что-то серьезное? — участливо спросил полицейский.

— Плохи его дела, — скорбно покачала головой Люсинда. — Вы и представить себе не можете, как далеко все зашло.

На какое-то мгновение она задумалась. Затем, набрав побольше воздуха в легкие, выпалила:

— Мистер М'Гонегал! Я считаю, вы в силах ему помочь!

— Как полицейский или просто по-человечески? — на всякий случай уточнил тот.

— Пока не знаю, — скороговоркой продолжала Люсинда. — Вы лучше послушайте, а потом мы решим.

И она быстро ввела его в круг проблем семейства Коппино.

— Вы случайно не знаете полицейского, который работает на их участке, а, мистер М'Гонегал? Это угол Восьмой авеню и Девятой улицы. Если бы вы его знали, вы бы могли сказать ему. Он быстро навел бы порядок.

— Постой, дай подумать, — тихо отвечал мистер М'Гонегал. — Ну да, конечно. Я знаю его. Там работает Джерри Хенлон.

— А человек он хороший? — с тревогой осведомилась девочка.

— Что надо, — успокоил мистер М'Гонегал.

— Тогда нельзя терять ни минуты! — закричала Люсинда. — Они и так от этих набегов теряют по доллару в день!

Полицейский М'Гонегал повел себя как лучшие полицейские Нью-Йорка в девяностые годы прошлого века.

— Обещаю вам, мисс Люсинда! — почтительно склонил он голову. — Джерри Хенлон узнает о происшествии не позднее сегодняшнего вечера. Уверен: мы сумеем договориться. Эти мальчишки обычно приходят после уроков? — решил уточнить он.

Люсинда кивнула.

— Джерри Хенлон у нас... такой полицейский, — выразительно проговорил мистер М'Гонегал. — Он им устроит.

- Объясните фразу «Полицейский М'Гонегал повел себя как лучшие полицейские Нью-Йорка в девяностые годы прошлого века».
- Почему Люсинда или сам Витторе не обращаются к полицейскому?
- Сможет ли он помочь?

На следующее утро полицейский уведомил Люсинду о результатах переговоров с Джерри Хенлоном. Тот согласился помочь. Возездие было назначено на пятницу, на три часа дня. Тони необходимо в этот день стоять за лотком.

Едва дождавшись конца занятий, Люсинда понеслась к лотку. Когда она рассказала Тони, что произойдет в пятницу, тот побледнел и хрипло ответил:

— Можешь не волноваться, Люсинда. Я не подведу.

Потом Люсинда считала дни, и ей казалось, что пятница никогда не наступит. Приехав к лотку за час до назначенного срока, она с удивлением отметила, что Тони держится даже спокойнее, чем обычно. Лишь по поджатым губам можно было понять, что он все же волнуется.

Около трех к ним подошел молодой полицейский. Высокого роста, мускулистый, с квадратным подбородком, он сразу производил внушительное впечатление.

— Я — Джерри Хенлон, — представился он, — а вы, наверное, Люсинда и Тони? Так? И полицейский так бурно пожал руку Люсинде, что та едва не свалилась на тротуар.

Сострадание есть высочайшая форма человеческого существования.

Ф. М. Достоевский

— Рад познакомиться с тобой, мисс! — засмеялся он. — Здорово ты придумала! Надо же, подкупить полицейского, чтобы он сделал то, что ему и без того полагается!

Люсинда немного смутилась, а Джерри Хенлон захохотал еще громче. Потом он поздоровался с Тони и приступил к делу:

— Ты, Тони, как ни в чем не бывало стоишь у лотка. А ты, Люсинда, делаешь вид, что просто катаешься тут на роликах. Как увидишь мальчишек, махни рукой. Это будет мне условным сигналом. Я буду вон там, — он ткнул полицейский пальцем в сторону табачного магазина на противоположной стороне улицы. — Все ясно?

- Объясните фразу «Надо же, подкупить полицейского, чтобы он сделал то, что ему и без того полагается!»

— Все! — хором ответили Люсинда и Тони.

Полицейский пересек проезжую часть и затаился в дверях магазина. Люсинда проехала взад-вперед по улице, но ноги у нее от волнения так дрожали, что она предпочла остановиться. Вскоре занятия кончились. Школьники вышли на улицу. Люсинда пристально вглядывалась в лица. Сегодня ей никак нельзя упустить толстого мальчика. Если она его прозевает, все ее старания ни к чему не приведут. Не станет же Джерри Хенлон являться сюда каждый день к концу школьных занятий.

Не успела Люсинда об этом подумать, как заметила толстяка. Он медленно двигался в сопровождении четырех дружков. И тут Люсинда внезапно подумала, что все пятеро могут сегодня просто пройти мимо. Тогда Джерри Хенлон ничего не сможет им сделать. Однако, приглядевшись внимательней, Люсинда поняла, что они замышляют какую-то каверзу.

Она немного попятилась, чтобы полицейский наверняка видел ее, и продолжала следить за мальчишками. Те выстроились в цепочку, положили друг другу руки на плечи и разом прыгнули на лоток.

Люсинда изо всех сил замахала руками. Джерри Хенлон выпрыгнул из дверей магазина и укрылся за большим деревянным индейцем у входа. В тот самый момент, когда мальчишки со скоростью артиллерийского снаряда ударили по лотку, Джерри Хенлон покинул укрытие.

Лоток опрокинулся. Улицу заполонил разноцветный поток фруктов. Джерри Хенлон прыгнул в гущу мальчишек, и все разом смешалось в бесформенную пеструю массу. Мгновение спустя один из мальчишек распластался на мостовой, второй, опустившись на колени, молил о пощаде, еще двоих Джерри Хенлон цепко держал за уши, а на последнего налетела Люсинда. Разогнавшись на роликах, она выставила вперед голову и ринулась на злоумышленника. Тот предпочел не ждать, пока Люсинда собьет его, и покорно свалился сам. Девочка с победоносным видом оседлала противника. Устроившись поудобнее, она слушала короткую, но выразительную речь Джерри Хенлона. Тот обращался к юным похитителям фруктов. Сперва он наставлял их на путь истинный. Затем привел пару-другую примеров, из коих следовало, что жить согласно Закону куда безопаснее, чем становиться на стезю преступлений.

- Почему «жить согласно Закону куда безопаснее, чем становиться на стезю преступлений»?
- Были ли другие способы угомонить или наказать мальчишек?
- Считаешь ли ты, что обращаться к блюстителю закона правильнее и проще, чем самому противостоять правонарушителям?

После этого Джерри Хенлон осведомился относительно фамилий и адресов мальчишек. Так как обе руки полицейского по-прежнему были заняты ушами двоих нарушителей, он обратился за помощью к Тони:

— Вытащи у меня из кармана блокнот и карандаш!

Когда мальчик исполнил просьбу, Джерри Хенлон еще раз заставил всех пятерых повторить адреса, фамилии, а также имена родителей. Тони самым тщательным образом занес данные в блокнот. Когда и эта часть процедуры была позади, полицейский, поочередно испепеляя взглядом преступников, самым решительным образом заявил:

— Только попробуйте еще раз стащить хоть самый завалящий фрукт. Не будь я инспектор Хенлон, если не упеку вас тогда под суд! А теперь вон отсюда!

Налетчики угрюмо побрели в разные стороны. Из толпы сверстников, которая собралась у лотка, вслед им неслись насмешки и обидные прозвища. Никогда еще толстяк и его подручные не переживали такого позора! Казалось, попади они под паровой каток, и то чувствовали бы себя лучше!

Когда неудачливые похитители фруктов скрылись из вида, мальчики и девочки из толпы помогли Тони, Люсинде и полицейскому собрать фрукты. Большая часть их пострадала настолько сильно, что для продажи уже не годилась. Но Люсинда и Тони в один голос сказали, что, по их мнению, «игра стоила свеч».

— Теперь не сунутся! — с уверенностью подтвердил полицейский.

— Это уж точно, — кивнула головой Люсинда.

Рут Сойер

Роликовые коньки

Пер. с англ. А Устиновой, А. Иванова

ВЫСШЕЕ МАСТЕРСТВО

Однажды к старому Учителю китайских боевых искусств пришел ученик-европеец и спросил:

— Учитель, я чемпион своей страны по боксу и французской борьбе, чему еще вы могли бы научить меня? Старый мастер помолчал некоторое время, улыбнулся и сказал:

— Представь себе, что, гуляя по городу, ты случайно забредаешь на улицу, где поджидают несколько громил, мечтающих ограбить тебя и переломать тебе ребра. Так вот, я научу тебя не гулять по таким улицам.

Восточная притча

- Приходилось ли тебе страдать из-за вандализма?
- Следует ли штрафовать тех, кто портит чужое имущество?
- Кто должен научить ребенка не трогать чужих вещей?

ЯБЛОНЯ

Сегодня я думаю о дедушке с материнской стороны. Несколько недель тому назад он рассказал мне одну историю. Эта история повествует о добром мире.

Дедушка с бабушкой живут в желтом деревянном доме, который они построили очень давно. У них есть большой сад, на который они всегда тратили много времени. Цветы, деревья и кусты значат для них очень много. Они знают все названия и когда что надо сажать, когда поливать и когда что сорвать. Они часто говорят о растениях и дарят цветы друзьям и родственникам. Так было всегда, сколько я помню.

Когда дом только еще строился, дедушка посадил яблоню. В самом дальнем конце сада. Я эту яблоню не застал.

Когда я родился, ее уже не было. Но я про нее слышал.

Сначала прошло довольно много лет, прежде чем на этой яблоне стали появляться яблоки. Много яблок. Бабушка готовила из яблок сок и варила компоты.

Хорошая была яблоня.

Но потом произошел этот случай.

В тот год выдалось урожайное лето, на яблоне созрели крупные и красивые яблоки.

Еще немного, и пора будет снимать.

Но однажды утром дерево оказалось погубленным. Несколько толстых ветвей валялось на земле. Бабушка вспоминала, что это было ужасное зрелище. С тех пор яблоня больше не плодоносила. И дерево умерло.

Дедушка пришел из сада и рассказал о случившемся бабушке.

Потом он переоделся из рабочей одежды в выходной костюм и отправился мимо церкви туда, где находилось ремесленное училище.

Там он поговорил с заведующим.

В училище разобрались со случившимся, и спустя некоторое время к дедушке явились три паренька.

Эти ребята лазили в сад воровать яблоки и поломали ветки.

Ребятам было очень стыдно.

Ну пошалили мальчишки! Казалось бы, ничего особенно страшного они не натворили, однако это был все же серьезный проступок.

Поэтому дедушка и заведующий училищем решили, что ребята должны ответить за свою проделку и понести наказание.

Новая яблоня стоила в те времена сто пятьдесят крон. Сошлись на том, что ребята выплатят дедушке стоимость яблони.

Каждому предстояло внести по пятьдесят крон.

Бабушка говорит, что по тем временам это были большие деньги.

Ребята должны были отдавать деньги по частям каждую неделю, на выплату долга должна была уйти вся осень и зима и половина весны — столько времени нужно было для того, чтобы целиком рассчитаться.

Дедушка уже побывал у них в училище, так что он знал, что у мальчишек с деньгами дело обстоит туго. Они были не из местных, жили в интернате, кто-то из них приехал издалека, и их родители уже сильно потратились, чтобы только послать сыновей учиться. Поэтому мальчишки теперь должны были расплачиваться сами из своих карманных денег. Это, очевидно, означало, что мальчишкам придется сильно сократить свои траты

Делай, что должно, — и будь что будет.

Народная мудрость

на всякие платные удовольствия и развлечения. У них почти совсем не оставалось денег на какие-либо покупки, на кино, они не могли никуда пригласить девушку — одним словом, ничего не могли себе позволить.

Каждую субботу ребята с пришибленным видом являлись к моему дедушке отдавать деньги. Они почти ничего не говорили. Только протягивали руку с деньгами и высыпали монеты на широкую дедушкину ладонь. Он строго кивал в подтверждение, что все делается по правилам. Так продолжалось долго. Прошла зима и настала весна.

В мае все в саду зацвело, а у ремесленников вот-вот должны были начаться каникулы, когда все разъедутся на лето по домам. В последний раз они пришли к дедушке с бабушкой нарядные, в выходных костюмах. Для них это был торжественный день. Они позвонили, бабушка отворила дверь и пригласила их зайти. К приходу ребят она приготовила кофе и испекла вафли.

Мальчиков усадили за стол угощаться, а они выплатили остаток долга и пожали руку дедушке.

У мальчиков камень свалился с души. Они улыбались и впервые разговорились. Они рассказывали о школе, о том, что будут делать летом. Рассказали, как живут родители. Лица у них были счастливые. Долг был возвращен. Они очистились от вины и наконец-то могли ходить с поднятой головой.

Потом мальчики собрались уходить. Они попрощались и направились к выходу.

Тут дедушка встал и сказал:

— Погодите-ка, ребята! Есть еще одно дело.

Мальчики остановились. А дедушка вышел из-за стола, направился к вместительному кухонному буфету и открыл дверцу. Порывшись в самой глубине шкафа, он вынул оттуда три конверта. Держа их в руке, он подошел к мальчикам и вручил каждому по конверту.

Мальчики сначала не поняли. Они переглянулись. Потом открыли конверты и по щекам у них заструились слезы.

Дедушка возвратил им все деньги.

Эрленд Лу
Наивно. Супер
Пер. с норв. И. Стребловой

- Правильно ли было выбрано наказание?
- Как ты думаешь, с каким чувством ребята взяли конверты с деньгами?
- Вспоминают ли они этот случай через много лет и рассказывают его в назидание своим детям и внукам или замалчивают?

Преуспевает в жизни тот, кто умеет построить прочный фундамент из тех кирпичей, которые другие в нее бросают.

Дэвид Бринкли

РАБОТА

Забудется печаль и письма от кого-то,
На смену миражам приходят рубежи,
Но первая тропа с названием Работа
Останется при нас оставшуюся жизнь.

Покинет нас любовь, друзей займут заботы,
Детей растащит мир — он им принадлежит,
Но первая строка с названием Работа
Останется при нас оставшуюся жизнь.

Пусть в перечне побед недостает чего-то,
Нам не к лицу о том, дружище мой, тужить,
Ведь первая печаль с названием Работа
Останется при нас оставшуюся жизнь.

Когда уходим мы к неведомым высотам,
За нами в небе след искрящийся лежит.
И первая любовь с названием Работа
Останется при нас оставшуюся жизнь.

Юрий Визбор

- Представьте себе, что вам необходимо устроиться на работу. Что вы умеете делать? В чем разбираетесь лучше всего?

Я НАНИМАЮСЬ НА РАБОТУ

Однажды утром, проходя мимо зоомагазина «Аквариум», я обратил внимание на объявление, гласящее: «Требуется молодой, надежный помощник». Я вернулся домой и поразмыслил.

На другое утро я направился к зоомагазину и вошел внутрь. Тотчас навстречу мне устремился невысокий, худой, смуглый мужчина в огромных роговых очках.

— Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро, сэр! Чем могу быть вам полезен?

— Вам, э-э... вам требуется помощник... — промямлил я.

Он наклонил голову набок, и глаза его за очками стали еще больше.

— Помощник, — сказал он. — И вы желаете получить это место?

— Э-э... ну да, — ответил я.

— У вас есть опыт? — спросил он с сомнением в голосе.

— О, у меня большой опыт. Я всегда держал дома пресмыкающихся, и рыб, и прочую живность. У меня и сейчас полная квартира животных.

Мужчина внимательно посмотрел на меня.

— А сколько вам лет? — осведомился он.

— Шестнадцать... скоро семнадцать, — солгал я.

— Ну что ж, — сказал он. — Учтите, много платить мы не можем. У нас чрезвычайно высокие накладные расходы. Но для начала, скажем, фунт десять шиллингов.

— Идет, — согласился я. — Когда можно приступить?

— Лучше приходите в понедельник, — предложил он. — Я говорю понедельник, потому что тогда будет удобнее оформить все бумаги. Иначе можно и запутаться, верно? Да, так вот — моя фамилия Ромилли, мистер Ромилли.

Я назвал свою фамилию, мы обменялись положенными рукопожатиями и застыли на месте, глядя друг на друга. Было совершенно ясно, что мистер Ромилли никогда еще не нанимал кого-либо и плохо представлял себе, как следует действовать дальше. Я посчитал своим долгом помочь ему.

— Может быть, вы сейчас покажете мне свое хозяйство и расскажете, что я должен буду делать?

— О, отличная мысль, — воскликнул мистер Ромилли. — Отличная мысль.

И он запорхал по своему магазину, размахивая руками, словно бабочка крыльями, показывая, как следует чистить аквариум, как кормить мучными червями лягушек и жаб, где лежат щетки и стоят метлы. Далее я обнаружил, что в дополнение к восхитительным созданиям, демонстрируемым на витрине, магазин располагает множеством другой живности. Тут были ящички с жабами, ящерицами, черепахами и лоснящимися змеями, аквариумы с глотающими воздух влажными лягушками и тритонами. Живя уже не один месяц в пыльной, сухой лондонской среде, я ощутил себя здесь словно в райском саду.

— Ну так, — сказал мистер Ромилли, завершив показ, — значит, вы приступаете в понедельник, да? Ровно в девять утра. Надеюсь, не опоздаете?

Только смерть помешала бы мне явиться в зоомагазин в понедельник в девять утра.

И без десяти девять в понедельник утром я мерил шагами тротуар у входа в зоомагазин. Наконец появился, позвякивая ключами, и мистер Ромилли.

— Доброе утро, доброе утро, — пропел он. — Рад видеть, что вы пришли вовремя. Отличное начало.

Мы вошли в магазин, и я приступил к выполнению своих обязанностей. Первым делом надлежало подмести и без того чистейший пол, затем я обошел аквариумы, бросая рыбкам комочки извивающихся трубочников.

Мне не понадобилось много времени, чтобы обнаружить, что мистер Ромилли, при всей его доброте, мало что знал о находящихся на его попечении животных. Большинство террариумов были обставлены вовсе без учета привычек их обитателей, то же можно было сказать и про аквариумы. Кроме того, мистер Ромилли исходил из теории, согласно которой можно пичкать животное одним и тем же кормом, покуда оно его принимает. И я решил заняться как украшением сосудов, так и кормлением наших питомцев, внести разнообразие в их рацион. Разумеется, я понимал, что следует действовать осторожно, ибо мистер Ромилли был человек консервативных привычек.

— Вам не кажется, мистер Ромилли, — спросил я в один прекрасный день, — что рептилиям и земноводным хотелось бы отведать что-нибудь другое, кроме мучных червей?

— Что-нибудь другое? — Глаза мистера Ромилли расширились. — Что именно?

— Ну, как насчет мокриц? Я всегда кормил своих рептилий мокрицами.

— Вы уверены? — спросил мистер Ромилли.

— Совершенно уверен.

— Это не повредит им? — тревожно осведомился он.

— Нисколько, — ответил я. — Они обожают мокриц. Все-таки какое-то разнообразие.

— Но где мы их возьмем? — уныло справился мистер Ромилли.

— Думаю, в парках их сколько угодно, — сказал я. — Я схожу как-нибудь, посмотрю?

— Ладно, — неохотно согласился мистер Ромилли. — Если вы твердо уверены, что это им не повредит.

В один из ближайших дней я отправился в парк и наполнил большую жестяную банку мокрицами, и, когда мне казалось, что лягушкам, жабам и ящерицам начинают приедаться мучные черви, я подсыпал им хрущаков, а пресытятся хрущаклами — получите мокриц. Первое время мистер Ромилли заглядывал в террариумы с испугом на лице, словно опасался, что увидит сплошь мертвые тела рептилий и амфибий. Когда же он убедился, что лягушки не только тучнеют от новой смеси, но и начали квакать, его восторгу не было предела.

А я тем временем сосредоточил свое внимание на рыбках. Как ни любили они ручейников, мне казалось, что их диету тоже следует разнообразить.

— Как вы считаете, — пустил я пробный шар, обращаясь к мистеру Ромилли, — что, если мы попробуем кормить рыбок дафниями?

Напомню: дафнии — крохотные водяные блошки; мы получали их из хозяйства, которое снабжало наш зоомагазин водорослями, улитками, пресноводными рыбками и прочим товаром, и продавали в маленьких баночках аквариумистам.

Перед прошлым — склони голову,
перед будущим — засучи рукава.

Генри Луис Менкен

— Дафниями? — молвил мистер Ромилли. — Кормить рыбок дафниями? Разве они станут есть дафнии?

— Но если не станут, почему же мы продаем их людям, чтобы кормили своих рыбок? — осведомился я.

Логика сего замечания произвела сильнейшее впечатление на мистера Ромилли.

— Знаешь, ты прав, — сказал он. — Ты прав. У нас в подвале еще остался небольшой запас. Завтра прибудет новая партия. Попробуй, посмотрим, что получится.

Я вылил по столовой ложке в каждый аквариум, и рыбки набросились на дафний так же жадно, как лягушки и жабы на мокриц.

Моя следующая скромная попытка изменить царящие порядки касалась двух крупных незлобивых мавританских жаб из Северной Африки. Дело в том, что мистер Ромилли представлял себе всю Северную Африку как безбрежную пустыню, где круглые сутки светит солнце и температура воздуха не опускается ниже девяноста градусов в тени, если тень вообще существует. А потому он заточил несчастных жаб в стеклянном террариуме, над которым повесил две яркие электрические лампочки. Бедняжки сидели на гладком белом песке, и не было там ни одного камня, позволяющего укрыться от резкого света. Целый день температура воздуха в террариуме держалась около сорока градусов и опускалась только ночью, когда мы выключали электричество. В итоге глаза жаб помутнели, как будто в них образовалась катаракта, кожа высохла и шелушилась, лапки снизу были воспалены. Понимая, что дерзновенное предложение пересадить жаб в другой террариум, с клочками влажного мха, повергнет мистера Ромилли в ужас, я скрытно принял некоторые меры, чтобы скрасить существование несчастных земноводных. Для начала стащил на маминной кухне немного оливкового масла и, когда мистер Ромилли удалялся на обеденный перерыв, смазывал кожу жабам. Она сразу стала меньше шелушиться. Затем я ходил в аптеку за мазью, удивив фармацевта объяснением, для чего она предназначена, и обработал ею лапки мавританок. И это отчасти помогло. Обзаводясь глазной мазью, какой обычно пользуют собак, я проверил ее на жабах с отменным результатом. Кроме того, каждый раз, когда мистер Ромилли уходил обедать, я освежал жаб теплым душем, чему они явно были рады. Сидят, глотая воздух и благодушно мигая глазами, и стоило мне чуть отодвинуть леечку, как они ползли следом, чтобы попасть под струйки. Когда же я положил в террариум изрядный клоч мха, обе поспешили укрыться под ним.

— Ой, посмотрите, мистер Ромилли! — старательно изобразил я удивление. — Я случайно положил мох в террариум к жабам, и похоже, им это понравилось.

— Мох? — сказал мистер Ромилли. — Мох? Но ведь они обитают в пустыне.

— Насколько я понимаю, — ответил я, — и в пустынях кое-где есть немного растительности.

— Я думал, там сплошной песок, — заметил мистер Ромилли. — Сплошной песок. Сколько хватает глаз.

— Да нет, э-э... Растут же там небольшие кактусы и все такое прочее, — робко возразил я. — Во всяком случае, жабы как будто довольны, верно?

— Без сомнения, — согласился мистер Ромилли. — По-вашему, стоит оставить им мох?

— Ага, — ответил я. — Может, добавить еще немного?

— Вряд ли это им повредит. Хотя, — тревожно добавил он, — не может случиться так, что они станут его есть и подавятся?

— Не думаю, — заверил я его.

Стой поры мои симпатичные жабы располагали мхом, под которым могли укрыться, больше того — они могли сидеть на подстилке из мха, и вскоре лапки их совершенно зажали.

Тот, кто не смотрит вперед, оказывается позади.

Герберт Уэллс

После магазина мистера Ромилли Джеральд Даррелл работал в зоопарках, отлавливал диких зверей и писал книги о животных. Он стал одним из самых известных натуралистов XX века и открыл собственный зоопарк на острове Джерси.

Джеральд Даррелл

Филе из палтуса

Пер. с англ. Л. Л. Жданова

- Откуда видно, что Джерри привык возиться с животными?
- В чем выражается профессионализм юного зоолога?
- В чем видна его ребячливость?
- Хороший ли он психолог?
- Как, ты думаешь, поступил бы Джерри, если бы мистер Ромилли отверг его реформы?

ЗНАНИЯ СТОЯТ ДОРОГО

У одного крестьянина перестал работать трактор. Все попытки крестьянина и его соседей починить машину были напрасны. Наконец он позвал специалиста.

Тот осмотрел трактор, попробовал, как действует стартер, поднял капот и все тщательно проверил. Затем взял молоток, прицелился, один раз ударил по мотору и привел его в действие. Мотор затарахтел, будто он и не был испорчен.

Когда мастер подал крестьянину счет, тот, удивленно взглянув на него, возмутился:

— Как, ты хочешь сто монет только за один удар молотком!

— Дорогой друг, — ответил мастер, — за удар молотком я запросил только одну монету, а остальные девяносто девять монет я беру с тебя за мои знания, благодаря которым я исправил поломку, сделав всего лишь один удар по нужному месту.

ДЛЯ МЕНЯ ГОТОВИТЬ — ЭТО КАК ДЫШАТЬ

Представитель издательства Penguin Books взял у Джейми Оливера интервью по случаю выхода его новой книги.

Penguin: Где ты вырос?

Джейми: Я вырос в Клэверинге, в графстве Эссекс, в пабе¹ с рестораном. Мой отец одним из первых настоял на том, чтобы в пабах подавали по-настоящему хорошую еду. Я вырос среди семи поваров, которые использовали местные ингредиенты, и, наверное, именно поэтому готовить кажется мне таким естественным занятием — я вырос среди еды. Для меня готовить — это как дышать: не нужно прилагать особых усилий.

Penguin: Когда ты понял, что хочешь готовить профессионально?

Джейми: Я решил стать поваром лет в 15, по двум причинам. Первая — мне нравилось готовить, и это казалось мне очень естественным. Мне было легко готовить, думать о еде, трогать еду — я обожал это занятие. Вторая причина состояла в том, что в школе я учился очень плохо. И я себя спросил: «Кошмар, а умею я хоть что-то?» Я решил поступить в кулинарный колледж в Лондоне, а потом я учился во Франции. Когда я вернулся в Англию, то стал работать с Антонио Карлуччо и в лондонском ресторане *River Café*.

Penguin: Что ты посоветуешь людям, которые только начинают учиться готовить?

Джейми: Неважно, сколько тебе лет, у тебя все может отлично получиться. И вот что хорошо: если ты однажды научился готовить, то уже никогда не разучишься, и в семьдесят лет будешь великолепно жарить омлет. Всем нравится, когда их балуют. Приходишь вечером в гости, а там тебя ждет аппетитный ужин! Я считаю, что сегодня умение готовить является основным для счастливой жизни.

Многие начнут вам рассказывать, что нужна уйма денег, чтобы хорошо готовить, что нужно покупать все эти ножи, сковородки, кухонные комбай-

Джейми Оливеру 32 года, и готовить он научился в пабе своих родителей, который назывался *The Cricketers*. В 11 лет он резал овощи с профессиональной ловкостью, но мечтал стать поп-звездой.

Получив кулинарное образование, он нанялся в *River Café*, лондонский ресторан, репутация которого простирается далеко за пределы Англии. Там его заметил канал BBC, и в 1998 году он стал знаменитым благодаря серии передач *Голой повар*. Название относится к простоте рецептов Джейми, а не к его форме одежды.

С тех пор он снялся в нескольких продолжениях *Голого повара* и прочих кулинарных шоу, написал десяток поваренных книг, провел реформу школьного питания в Англии, заменив фаст-фуд на здоровые блюда из натуральных ингредиентов, и стал не только одним из самых состоятельных британцев, но и одним из известнейших в мире поваров.

В настоящее время Джейми вместе со своей женой Джулс и дочерьми Поппи и Дэйзи живет на собственной ферме в Эссексе. Последняя книга Джейми Оливера посвящена одновременно кулинарии и садоводству.

¹ Паб — типично английское и ирландское заведение, куда приходят выпить пива, поесть и послушать музыку. Обстановка в пабе обычно менее формальна, чем в ресторане, а еда склоняется к традиционной, без изысков.

ны и дорогие ингредиенты. Глупости и еще раз глупости. Самая вкусная в мире еда всегда оказывается простой крестьянской пищей — это традиционная итальянская, испанская, индийская кухня. Все эти вкуснейшие кушанья из самого дешевого мяса... Нужно иметь не деньги, а мозги, пару надежных сковородок, хорошо наточенный нож и хорошо бы — печку!..

Penguin: Откуда ты собираешь идеи?

Джейми: Эта профессия не похожа ни на какую другую. Ко мне каждый день приходят новые идеи, я учусь и у мастеров, и у молодежи, которая впервые вошла в кухню. Учусь по книгам, беседам, даже у собственной мамы. И еще мне кажется, что я учусь у своих зрителей и читателей. Я каждую неделю получаю больше сотни писем, в которых мне сообщается, что им понравилось, а что не понравилось, и таким образом я довольно ясно представляю себе, что мне делать дальше.

Penguin: Если бы ты попал на необитаемый остров, какие пять предметов ты взял бы с собой, чтобы готовить?

- Джейми:*
1. Хорошо наточенный нож.
 2. Хорошую сковородку.
 3. Много пряностей и трав, и семян тоже, чтобы можно было их посеять и использовать свежими.
 4. Жизненный запас оливкового масла.
 5. Удочку, чтобы ловить рыбу.

Penguin: Как ты думаешь, почему твои книжки так хорошо расходятся?

Джейми: Да я и сам больше всех удивляюсь. Наверное, они появились в подходящий момент — молодой автор, который искренне любит готовить. Я думаю, публика тепло приняла мои книжки, потому что я был молодым и выглядел как обычный парень из соседнего квартала.

Penguin: Кто делает снимки для книг?

Джейми: Мы с Дэвидом Лофтусом — немного необычные фотографы. Когда я только начал этим заниматься, существовали «стилисты еды», которые добавляли в блюда масло и искусственные красители и долго играли со светом, чтобы заставить блюдо выглядеть как можно привлекательнее. С Дэйвом очень здорово работать, потому что я просто готовлю, а он тут же снимает результат в естественном освещении, без спецэффектов. Я считаю, что фотографии из моих книжек — одни из лучших в мире снимков еды. Мне хочется, чтобы человек открыл книгу, увидел блюдо, захотел его съесть, прочел рецепт и приготовил его.

www.penguin.co.uk

Пер. с англ. Е. Карталяну

- Знаешь ли ты людей, которые сделали карьеру, преуспели в жизни, рано поняв, какой путь хотят выбрать?
- Как ты думаешь, в чем состоит секрет профессионального успеха?
- О какой карьере ты мечтаешь?
- Почему именно этот путь?
- Какие у тебя есть альтернативы?
- Которые из идей Джейми Оливера подходят для всех обстоятельств?
- Согласен ли ты с идеей подчеркнутого предложения?

УЧИТЬСЯ!

Итак, я рос среди учителей. Не в школе встретился я с ними впервые. Они у меня были дома. Я наглядился на синие школьные тетради и красные чернила задолго до того, как сам стал писать и мог делать ошибки. Синие горы тетрадей с диктантами, тетрадей с задачами, тетрадей с сочинениями. А перед осенними и весенними каникулами — коричневые горы табелей. И везде и всюду — разбросанные хрестоматии, учебники, учительские журналы, журналы по педагогике, психологии, отечествоведению и саксонской истории. Когда господина Шурига не было дома, я незаметно проскальзывал в его комнату, садился на зеленый диван и боязливо и вместе с тем восхищенно тарасил глаза на красочный ландшафт из исписанной и печатной бумаги. Передо мной, так близко, что рукой подать, лежал неизвестный континент, а я все еще его не открыл. И когда взрослые, как они это любят делать, спрашивали меня: «Кем же ты хочешь стать?», я от всего сердца отвечал: «Учителем!»

Еще не умея читать и писать, я уже хотел стать учителем. Никем другим. И все-таки я заблуждался. Это была, пожалуй, величайшая в моей жизни ошибка. И выяснилось это в самую последнюю минуту. Выяснилось, когда я семнадцатилетним юношей стоял перед классом и, поскольку старшие семинаристы все воевали на фронте, должен был вести урок. Профессора, присутствовавшие в качестве моих педагогов на занятии, ничего не заметили, не заметили и того, что я сам наконец тут понял, как ошибся, и у меня оборвалось сердце. Зато ребята за партами почувствовали это не хуже меня. Они смотрели на меня с недоумением. Они молодцом отвечали. Поднимали руку. Вставали. Садились. Все шло как по маслу. Профессора благожелательно кивали. И тем не менее все было не так. Дети это понимали. «Этот малец на кафедре, — думали они, — никакой не учитель и никогда настоящим учителем не станет». И они были правы.

Я был не учителем, а учащимся. Я не учить хотел, а учиться. И захотел стать учителем лишь для того, чтобы возможно дольше оставаться учеником. Вбирать и вбирать в себя новое, а вовсе не делиться и делиться все тем же старым. Голодный, а не булочник. Жаждущий, а не трактирщик. Нетерпеливый и неуравновешенный, а не будущий воспитатель. Потому что учителя и воспитатели должны быть уравновешенны и терпеливы. Они обязаны думать не о себе, а о детях. И не вправе путать терпение с любовью к покойной жизни. Учителей, любителей покойной жизни, предостаточно. Подлинные, призванные, прирожденные учителя встречаются почти так же редко, как герои и святые.

Несколько лет назад я беседовал с одним базельским университетским профессором, знаменитым специалистом-ученым. Он недавно вышел на пенсию, и я спросил его, что он сейчас делает. В глазах его засветилось блаженство, и он воскликнул: «Учусь! Наконец-то у меня есть время!» Семидесятилетний старик каждый день проводил в аудиториях и узнавал новое. Он годился в отцы доцентам, чьи лекции слушал, и в деды студентам, с которыми вместе сидел. Он был членом многих академий. Имя его произносилось с уважением во всем мире.

Благодарность — долг, который надо оплатить, но который никто не вправе ожидать.

Жан-Жак Руссо

Всю свою жизнь он учил других тому, что знал. И вот наконец мог сам учиться тому, чего не знал. Он был на седьмом небе. Пусть другие над ним посмеивались и считали его чудаком — я-то понимал его, словно он приходился мне старшим братом.

Я понимал старика, как тридцать лет до того меня поняла матушка, когда, не сняв еще военной шинели, я предстал перед ней и, подавленный, сознавая свою вину, сказал: «Я не могу быть учителем!» Она была простая женщина и прекрасная мать. Ей было уже под пятьдесят, и она долгие годы работала не покладая рук и экономила, чтобы я мог стать учителем. И вот цель почти достигнута. Остается один лишь экзамен, который я через две-три недели, конечно, играючи и с блеском сдам. Тогда ей можно будет наконец передохнуть. Можно будет посидеть сложа руки. Тогда уж я сам смогу о себе позаботиться. А я вдруг говорю: «Я не могу быть учителем!»

Это было в нашей большой комнате. То есть в одной из двух комнат, занимаемых учителем Шуригом. Пауль Шуриг молча сидел на зеленом диване. Отец молча прислонился к кафельной печи. Матушка стояла под лампой с зеленым шелковым абажуром, отделанным бисерной бахромой, и спросила:

— А что бы ты хотел делать?

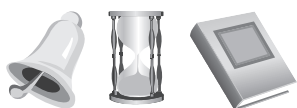
— Получить в гимназии аттестат зрелости и учиться в университете, — выпалил я. Матушка на миг задумалась. Потом улыбнулась, кивнула и сказала:

— Хорошо, мой мальчик! Учись!

Эрих Кестнер

Когда я был маленьким

Пер. с нем. В. Курелла

- Как удастся нынешним студентам получить деньги на образование?
- Возможно ли учиться и работать одновременно?
- В чем заключается работа гувернантки?

МАНЯ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Две сестры целыми часами обдумывают вместе, как им устроить свою жизнь в будущем. Увы! Ни одна из любимых книжек не давала указаний, как получить высшее образование в Варшаве с ее университетом, куда не допускают женщин. Не давали и советов, как быстро нажить состояние уроками за пятьдесят копеек.

Великодушная Маня огорчается. Хотя и младшая в семье, она чувствует себя ответственной за будущее старших. Юзеф и Эля не вызывают большого беспокойства: молодой человек станет врачом, а увлекающаяся красавица Эля еще колеблется: стать ли ей учительницей или же певицей; она и поет, и запасается дипломами, и в то же время отказывает всем, делающим ей предложения.

Но Броня! Как помочь Броне? Как только она окончила гимназию, на нее пало бремя хозяйственных забот. Закупая продукты питания для всей семьи, составляя разные меню, занимаясь заготовкой варенья, Броня стала замечательной хозяйкой, но перспектива посвятить домашнему хозяйству всю себя приводит ее в отчаяние. Мане понятно ее мучительное состояние, так как она знает тайную мечту Брони: поехать в Париж,

получить там медицинское образование, вернуться в Польшу и стать земским врачом. Бедняжка Броня уже скопила маленький капитал, но жизнь за границей так дорога! Сколько времени надо еще ждать?

Такой уж родилась Маня, что ее все время тревожит упадок духа и явная нервозность Брони. В тревоге Маня забывает свои самолюбивые мечты. Забывает свое такое же влечение к «земле обетованной», свою заветную мечту: перенестись через тысячи километров, отделявших ее от Сорбонны, утолить самую важную потребность своей природы — жажду знания, вернуться с этим драгоценным багажом в Варшаву и стать скромной наставницей своих дорогих поляков.

Такое сердечное участие в судьбе Брони вызвано не только узами кровного родства, но и более возвышенной привязанностью в ответ на теплое чувство Брони, которая после смерти матери окружила Маню материнскими заботами. В этой сплоченной семье обе сестры чувствовали особое влечение друг к другу. Природные свойства их душ как-то взаимно дополнялись: старшая своим практическим умом и опытностью внушала младшей уважение, и Маня выносила на ее решение все вопросы своей повседневной жизни. Младшая же, более застенчивая и увлекающаяся Маня, была для Брони юной замечательной подругой, в которой чувство дружбы усиливалось благодарностью, каким-то неосознанным желанием оплатить свой долг.

И вот однажды, когда Броня, набрасывая на клочке бумаги цифры, в тысячный раз подсчитывала деньги, которые были у нее в наличии, а главное, которых не хватало, Маня неожиданно говорит:

— За последнее время я много размышляла. Говорила и с отцом. И думается мне, что я нашла выход.

— Выход?

Маня подходит к своей сестре. Уговорить ее на то, что задумала Маня, — дело трудное. Приходится взвешивать каждое слово.

— Сколько месяцев ты сможешь прожить в Париже на свои накопленные деньги?

— Хватит на дорогу и на один год занятий в университете, — отвечает Броня. — Но ты же знаешь, что полный курс на медицинском факультете занимает пять лет.

— Ты понимаешь, Броня, что уроками по полтиннику мы никогда не выпутаемся из такого положения.

— Что же делать?

— Мы можем заключить союз. Если мы будем биться каждый за себя, ни тебе, ни мне не удастся поехать за границу. А при моем способе ты уже этой осенью, через несколько месяцев, сядешь в поезд...

— Маня, ты сошла с ума!

— Нет. Сначала ты будешь жить на свои деньги. А потом я так устроюсь, что буду посылать тебе на жизнь, папа тоже. А вместе с тем я буду копить деньги и на свое учение в дальнейшем. Когда же ты станешь врачом, поеду учиться, а ты мне будешь помогать.

На глазах Брони проступают слезы. Она понимает все величие такого предложения. Но в Маниной программе есть один неясный пункт.

Жизнь — как езда на велосипеде: нельзя сохранить равновесие, оставаясь на месте.

Линда Брэкелл

— Одно мне непонятно. Неужели ты надеешься зарабатывать столько денег, чтобы и жить самой, и посылать мне, да еще копить?

— Именно так! — непринужденно отвечает Маня. — Я нашла выход. Я поступлю гувернанткой в какое-нибудь семейство. Мне будут обеспечены квартира, стол, прачка, а сверх того я буду получать в год рублей четырехста, а то и больше. Как видишь, все устраивается.

— Маня... Манечка!

Броню волнует не будущая зависимость Мани от других людей. Ей, подлинной «идеалистке», общественные предрассудки так же чужды, как и Мане. Не это... а мысль, что Маня, давая ей возможность теперь же приступить к высшему образованию, обрекает себя на ремесленную работу, мучительное ожидание. И Броня сопротивляется.

— А почему мне ехать первой? Почему не обменяться нам ролями? Ты такая способная... вероятно, способнее меня. Ты очень быстро пойдешь вперед. Почему же я?

— Ах, Броня, не строй из себя дурочку! Да потому, что тебе двадцать лет, а мне семнадцать! Потому, что ты уже целую вечность бегаешь, хлопочешь по хозяйству, а я располагаю своим временем как хочу. Да и папа того же мнения: вполне естественно, что старшая поедет первой. Когда у тебя будет практика, тогда ты осыплешь меня золотом — во всяком случае, я так рассчитываю! Наконец-то мы сделаем что-то разумное, действительно полезное!

* * *

Сентябрьское утро 1885 года. В приемной агентства по найму сидит молоденькая девушка, дожидаясь своей очереди. Из двух платьев она выбрала самое простое. На голове поношенная шляпка, шпильки кое-как придерживают светлые кудри, отпущенные несколько месяцев тому назад. Гувернантке не полагается быть стриженной. Она должна быть корректной, обыкновенной, такой, как все.

Дверь открывается. Из нее выходит худая женщина с унылым выражением лица, идет по приемной и перед выходом делает Мане прощальный жест. Товарка Мани по профессии. Сидя рядом на плетеных стульях, единственной мебели в приемной, они успели поговорить друг с другом несколько минут и взаимно пожелать удачи.

Маня встает со стула и вдруг робеет. Машинально стискивает рукой тонкую пачку документов и каких-то писем. В соседней комнате за крошечным письменным столом сидит полная дама.

— Что вам угодно, мадемуазель?

— Место гувернантки.

— Имеете рекомендации?

— Да... Я уже давала частные уроки. Вот рекомендательные письма от родителей моих учеников. Вот аттестат.

Директриса агентства просматривает профессиональным взглядом документы Мани. Внимание директрисы на чем-то останавливается. Она поднимает голову и уже с большим интересом разглядывает молоденькую девушку.

Делайте маленькое дело, но овладейте им в совершенстве и относитесь к нему, как к делу великому.

Андре Моруа

В конце концов, человеку дана всего одна жизнь — отчего же не прожить ее как следует?

Джек Лондон

— Вы хорошо владеете немецким, русским, французским и английским?
 — Да, мадам. Английским немного хуже... Но могу преподавать все, что требуется программой казенных учебных заведений. Я кончила гимназию с золотой медалью.
 — А! Какие же ваши условия?
 — Полное содержание и четыреста рублей в год.
 — Четыреста, — повторяет дама ничего не выражающим тоном. — Кто ваши родители?
 — Мой отец учитель гимназии.
 — Хорошо. Я наведу, какие требуется, справки. Для вас у меня, возможно, и найдется кое-что. А сколько же вам лет?
 — Семнадцать, — отвечает Маня, густо покраснев, но тут же добавляет, спохватившись: — Скоро восемнадцать.
 Дама безупречным «английским» почерком заносит на карточку новой кандидатки: *Мария Склодовская. Хорошие рекомендации. Дельная. Желаемое место: гувернантка. Плата: четыреста рублей в год.*
 Она возвращает Мане ее бумаги.
 — Благодарю, мадемуазель. Когда будет нужно, я вам напишу.

Ева Кюри
 Мария Кюри

- Как ты считаешь, удастся ли Мане помочь Броне?
- Сможет ли Броня вернуть этот долг?
- Знаешь ли ты, как сложилась в дальнейшем судьба Марии Склодовской-Кюри?

КОГДА АКТРИСЕ ВОСЕМЬ ЛЕТ

Кто-нибудь может спросить, почему на роль Мамилия выбрали именно меня, а не другую девочку. Думаю, это не было простой случайностью. Возможно, я и была прирожденной актрисой, но даже это не помогло бы мне, если бы я не умела хорошо говорить. Нельзя забывать, что мою сестру Кэт и меня готовили к сцене почти с самого рождения, причем особое внимание обращали на выработку правильной артикуляции. Как я уже писала, отец мой отличался превосходной дикцией, а мать великолепно читала Шекспира. Они души в нас не чаяли, смотрели на наши недостатки любящими глазами, но безжалостно исправляли все наши ошибки. Нужно признать, что в те дни от нас требовалось великое терпение, так как я была трудной и капризной ученицей. Однако «приятный труд не тяготит, но радует», а кроме того, я надеюсь, что моя более прилежная сестра вознаградила их за все труды.

Репетиции «Зимней сказки» послужили настоящим испытанием для моей силы духа. Они научили меня раз и навсегда, что жизнь актрисы (даже если этой актрисе восемь лет) — это не пустые развлечения, не веселье, не слава и не триумфы.

Однако до первого спектакля мне предстояло пережить еще много изнурительных часов. Если в наши дни труппа репетирует по четыре часа, то это считают огромной

нагрузкой: ведь актеры должны еще и завтракать, и обедать, как все люди. Но у Кина было совсем не так. Мы репетировали каждый день, в том числе и в воскресенье, а если вечером не было спектакля, то до четырех или пяти часов утра. Не думаю, что хоть один тогдашний актер мог мечтать о завтраке! Как болели мои бедные ноги! А иногда во время репетиции глаза у меня совсем слипались, и частенько, закончив свою сцену, я забиралась в актерское фойе и в блаженном сне забывала обо всех своих мучениях, а заодно и об искусстве (если только можно говорить об искусстве, когда речь идет о восьмилетнем ребенке!).

Итак, я сделала свой первый шаг, но еще не могла осознать его значения. Я ничего не понимала в искусстве и, любя свою роль, ненавидела связанный с нею труд. Однако вскоре наступило время, когда я стала работать со страстью. А пока оно не наступило, я, сама того не замечая, усвоила целый ряд уроков, сослуживших мне впоследствии большую службу.

С апреля 1856 года по 1859 год я постоянно играла в Театре принцессы с супругами Кин, а во время летнего перерыва выступала в Райде. Театр заполнил всю мою жизнь, и поэтому естественно, что мои первые воспоминания неразрывно связаны с ним. За завтраком отец, бывало, вдруг начинал тренировку. И тогда я откладывала вилку в сторону и декламировала свою роль. Такие дополнительные репетиции он проводил повсюду — на улице, в omnibusе, нигде нельзя было себя чувствовать в безопасности! Отлично помню, как однажды мы зашли в аптеку и как меня поставили на стул, чтобы я сыграла свою роль перед аптекарем.

Сейчас находят, что сцена вредна для детей, и закон запрещает детям выступать в театре, пока им не исполнится десять лет. В наши дни это был уже зрелый возраст. Не берусь обсуждать здесь это вопрос, но могу только заметить, что в течение трех лет работы в Театре принцессы я была здоровым, цветущим и веселым ребенком. При этом мое имя не сходило с афиш, и я пропустила лишь несколько спектаклей «Сна в летнюю ночь», после того как в результате несчастного случая сломала палец на ноге.

У счастья нет завтрашнего дня, у него нет и вчерашнего, оно не помнит прошедшего, не думает о будущем, у него есть настоящее — и то не день, а мгновение.

И. С. Тургенев

Эллен Терри
История моей жизни

Пер. с англ. И. Разумовской, С. Самостреловой

- Согласен ли ты с пословицей «Рожденный ползать летать не может»?
- В каком смысле ее может отнести к себе каждый из нас?
- Удалось ли тебе хоть раз упорством добиться чего-то, хотя изначально ты не считал себя способным сделать это?

ЧАЙКА ПО ИМЕНИ ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН

Джонатан Ливингстон — чайка, которая пытается нарушить законы Стаи и научиться летать высоко и быстро.

Когда он начал, поджимая лапы, планировать на берег, а потом измерять шагами след, его родители, естественно, встревожились не на шутку.

— Почему, Джон, почему? — спрашивала мать. — Почему ты не можешь вести себя, как все мы? Почему ты не предоставишь полеты над водой пеликанам и альбатросам? Почему ты ничего не ешь? Сын, от тебя остались перья да кости.

— Ну и пусть, мама, от меня остались перья да кости. Я хочу знать, что я могу делать в воздухе, а чего не могу. Я просто хочу знать.

— Послушай-ка, Джонатан, — говорил ему отец без тени недоброжелательности. — Зима не за горами. Рыболовные суда будут появляться все реже, а рыба, которая теперь плавает на поверхности, уйдет в глубину. Полеты — это, конечно, очень хорошо, но одними полетами сыт не будешь. Не забывай, что ты летаешь ради того, чтобы есть.

Джонатан покорно кивнул. Несколько дней он старался делать то же, что все остальные, старался изо всех сил: пронзительно кричал и дрался с сородичами у пирсов и рыболовных судов, нырял за кусочками рыбы и хлеба. Но у него ничего не получалось.

«Какая бессмыслица, — подумал он и решительно швырнул с трудом добытого анчоуса голодной старой чайке, которая гналась за ним. — Я мог бы потратить все это время на то, чтобы учиться летать. Мне нужно узнать еще так много!»

И вот уже Джонатан снова один в море — голодный, радостный, пытливый.

Он изучал скорость полета и за неделю тренировок узнал о скорости больше, чем самая быстролетная чайка на этом свете.

Поднявшись на тысячу футов над морем,

Мы думаем по внушениям природы, говорим по внушениям наших учителей, но действуем по привычке.

Фрэнсис Бэкон

он бросился в пики, изо всех сил махая крыльями, и понял, почему чайки пикируют, сложив крылья. Всего через шесть секунд он уже летел со скоростью семьдесят миль в час, со скоростью, при которой крыло в момент взмаха теряет устойчивость.

Раз за разом одно и то же. Как он ни старался, как ни напрягал силы, достигнув высокой скорости, он терял управление.

Подъем на тысячу футов. Мощный рывок вперед, переход в пики, напряженные взмахи крыльев и отвесное падение вниз. А потом каждый раз его левое крыло вдруг замирало при взмахе вверх, он резко кренился влево, переставал махать правым крылом, чтобы восстановить равновесие, и, будто пожираемый пламенем, кувырком через правое плечо входил в штопор.

Несмотря на все старания, взмах вверх не удавался. Он сделал десять попыток, и каждый раз, как только скорость превышала семьдесят миль в час, он обращался в неуправляемый поток взъерошенных перьев и камнем летел в воду.

Все дело в том, понял наконец Джонатан, когда промок до последнего перышка, — все дело в том, что при больших скоростях нужно удерживать раскрытые крылья в одном положении — махать, пока скорость не достигнет пятидесяти миль в час, а потом держать в одном положении.

Он поднялся на две тысячи футов и попытался еще раз: входя в пики, он вытянул клюв вниз и раскинул крылья, а когда достиг скорости пятьдесят миль в час, перестал шевелить ими. Это потребовало невероятного напряжения, но он добился своего. Десять секунд он мчался неуловимой тенью со скоростью девяносто миль в час. Джонатан установил мировой рекорд скоростного полета для чайки!

Но он недолго упивался победой. Как только он попытался выйти из пики, как только он слегка изменил положение крыльев, его подхватил тот же безжалостный неумолимый вихрь, он мчал его со скоростью девяносто миль в час и разрывал на куски, как заряд динамита. Невысоко над морем Джонатан-Чайка не выдержал и рухнул на твердую, как камень, воду.

Когда он пришел в себя, была уже ночь, он плыл в лунном свете по глади океана. Изодранные крылья были налиты свинцом, но бремя неудачи легло на его спину еще более тяжким грузом. У него появилось смутное желание, чтобы этот груз незаметно увлек его на дно, и тогда, наконец, все будет кончено.

Он начал погружаться в воду и вдруг услышал незнакомый глухой голос где-то в себе самом: «У меня нет выхода. Я чайка. Я могу только то, что могу. Родись я, чтобы узнать так много о полетах, у меня была бы не голова, а вычислительная машина. Родись я для скоростных полетов, у меня были бы короткие крылья, как у сокола, и я питался бы мышами, а не рыбой. Мой отец прав. Я должен забыть об этом безумии. Я должен вернуться домой, к своей Стае, и довольствоваться тем, что я такой, какой есть, — жалкая, слабая чайка».

Голос умолк, и Джонатан смирился. «Ночью — место чайки на берегу, и отныне, — решил он, — я не буду ничем отличаться от других. Так будет лучше для всех нас».

Он устало оттолкнулся от темной воды и полетел к берегу, радуясь, что успел научиться летать на небольшой высоте с минимальной затратой сил.

«Но нет, — подумал он. — Я отказался от жизни, отказался от всего, чему научился. Я такая же чайка, как все остальные, и я буду летать так, как летают чайки».

С мучительным трудом он поднялся на сто футов и энергичнее замахал крыльями, торопясь домой.

Он почувствовал облегчение от того, что принял решение жить, как живет Стая. Распались цепи, которыми он приковал себя к колеснице познания: не будет борьбы, не будет и поражений. Как приятно перестать думать и лететь в темноте к береговым огням.

— Темнота! — раздался вдруг тревожный глухой голос. — Чайки никогда не летают в темноте!

Но Джонатану не хотелось слушать. «Как приятно, — думал он. — Луна и отблески света, которые играют на воде и прокладывают в ночи дорожки сигнальных огней, и кругом все так мирно и спокойно...»

— Спустись! Чайки никогда не летают в темноте. Родись ты, чтобы летать в темноте, у тебя были бы глаза совы! У тебя была бы не голова, а вычислительная машина! У тебя были бы короткие крылья сокола!

Там, в ночи, на высоте ста футов, Джонатан Ливингстон прищурил глаза. Его боль, его решение — от них не осталось и следа.

Короткие крылья. Короткие крылья сокола!

Вот в чем разгадка! «Какой же я дурак! Все, что мне нужно — это крошечное, совсем маленькое крыло; все, что мне нужно — это почти полностью сложить крылья и во время полета двигать одними только кончиками. Короткие крылья!»

Он поднялся на две тысячи футов над черной массой воды и, не задумываясь ни на мгновение о неудаче, о смерти, плотно прижал к телу широкие части крыльев, подставил ветру только узкие, как кинжалы, концы — перо к перу — и вошел в отвесное пики.

Ветер оглушительно ревел у него над головой. Семьдесят миль в час, девяносто, сто двадцать, еще быстрее! Сейчас, при скорости сто сорок миль в час, он не чувствовал такого напряжения, как раньше при семидесяти; едва заметного движения концами крыльев оказалось достаточно, чтобы выйти из пики, и он пронесся над волнами, как пушечное ядро, серое при свете луны.

Он сощурился, чтобы защитить глаза от ветра, и его охватила радость. «Сто сорок миль в час! Не теряя управления! Если я начну пикировать с пяти тысяч футов, а не с двух, интересно, с какой скоростью...»

Ричард Бах

Чайка по имени Джонатан Ливингстон

- Правы ли родители, предостерегая подростка от рискованных шагов?
- Как Стая может запретить ему идти на риск, изнурять себя?
- Почему Джонатан вынужден сам доходить до всего?
- Обсудите подчеркнутые фразы.

Литература

1. Акунин Б. Азазель. — изд. «Захаров», Москва, 2003.
2. Александрова Т. Друзья зимние, друзья летние. — изд. «Два слона», Одесса, 1992.
3. Амонашвили Ш. Как живете, дети? — изд. «Просвещение», Москва, 1986.
4. Бах Р. Чайка по имени Джонатан Ливингстон. — изд. «Азбука», Санкт-Петербург, 2000.
5. Бернетт Ф. Маленькая принцесса. — изд. «Айрис-Пресс», Москва, 2007.
6. Борхес Х. Л. Книга сновидений. — изд. «Амфора», Санкт-Петербург, 2000.
7. Бронте Ш. Джен Эйр. — изд. «Правда», Москва, 1988.
8. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту. — изд. «Азбука», Санкт-Петербург, 1999.
9. Воскресенская З. Девочка в бурном море. — изд. «Детская литература», Москва, 1970.
10. Гайдар А. Тимур и его команда. — изд. «Искатель», Москва, 2005.
11. Даррелл Д. Филе из палтуса. — изд. «Армада-Пресс», Москва, 2000.
12. Джонс У. Д. Ходячий замок. www.aldebaran.ru
13. Драгунский В. Денискины рассказы. — изд. «Искатель», Москва, 2005.
14. Дрейкурс Р., Золц В. Счастье вашего ребенка. — изд. «Прогресс», Москва, 1986.
15. Зощенко М. Леля и Минька // Книга рассказов для детей. — изд. «Оникс», Москва, 2007.
16. Зюсюкин И. Люди, я расту! — изд. «Молодая гвардия», Москва, 1973.
17. Каверин В. Два капитана. — изд. «АСТ», Москва, 2003.
18. Каверин В. Открытая книга. — изд. «Литература Артистикэ», Кишинев, 1984.
19. Кестнер Э. Когда я был маленьким // Летающий класс. — «Лениздат», Ленинград, 1988.
20. Коэльо П. Алхимик. — изд. «София», Киев, 2004.
21. Кюри Е. Мария Кюри. — изд. «Правда», Москва, 1977.
22. Ланге-Вайнерт М. Девичьи годы. — изд. «Молодая гвардия», Москва, 1959.
23. Линдгрэн А. Бритт Мари изливает душу // Линдгрэн А. Черстин и я. — изд. «Азбука», Санкт-Петербург, 2000.
24. Линдгрэн А. Жив еще Эмиль из Леннеберги! — изд. «АСТ», Москва, 2007.
25. Лу Э. Наивно. Супер. — изд. «Азбука», Санкт-Петербург, 2003.
26. Моруа А. Фиалки по средам. изд. «Мир», Москва, 1964.
27. Никитины Б. и Л. Мы, наши дети и внуки. — изд. «Молодая гвардия», Москва, 1989.
28. Осеева В. Васек Трубачев и его товарищи. — изд. «АСТ», Москва, 2007.
29. Осеева В. Динка. — изд. «АСТ», Москва, 2006.
30. Портер Э. Поллианна. — изд. «Два слона», Одесса, 1993.
31. Родари Д. Римские фантазии. — изд. «Правда», Москва, 1987.
32. Рубина Д. На солнечной стороне улицы. — изд. «ЭКСМО», Москва, 2007.
33. Сенагон С. Записки у изголовья. — изд. «Азбука», Санкт-Петербург, 1999.
34. Сойер Р. Роликовые коньки. — изд. «Два слона», Одесса, 1993.
35. Терри Э. История моей жизни. — изд. «Искусство», Москва, 1963.
36. Фрайер П. Г. Альберт Швейцер: картина жизни. — изд. «Наука», Москва, 1984.